

Записки Восточно - сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Географическаго Общества

Этнографіи

т. I, вып. 2.

Подъ редакціей правителя дѣлъ.

СКАЗАНІЯ БУРЯТЪ,

ЗАПИСАННЫЯ РАЗНЫМИ СОБИРАТЕЛЯМИ.

Издано на средства хамбо-ламы

Д. Г. Гомбоева.

Иркутскъ.

Печатано въ Типографіи К. І. Ватковской.

1890.

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

2004127627

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стран.
I. Алтая-Шагай-мергынь — — — — —	1.
II. Дуракъ смыш и волшебный чертень — — — — —	29.
III. Шоно-баторъ — — — — —	36.
IV. Сирота и желтая собака — — — — —	51.
V. Черень конской головы — — — — —	56.
VI. Сирота-парень — — — — —	58.
VII. Человѣкъ и барсъ — — — — —	61.
VIII. Волкъ, просящій пищи у Бога — — — — —	63.
IX. Кость лопатка — — — — —	65.
X. Сотвореніе міра и чеховѣка — — — — —	«
XI. О потоцѣ — — — — —	71.
XII. О землетрясеніи — — — — —	72.
XIII. Звѣри послѣ сотворенія міра — — — — —	73.
XIV. Конь и изюбрь — — — — —	75.
XV. Рябчикъ — — — — —	76.
XVI. Летяга — — — — —	«
XVII. Верблюдь — — — — —	77.
XVIII. Заяць — — — — —	78.
XIX. Бурундукъ — — — — —	«
XX. Сурокъ — — — — —	79.
XXI. Мамонтъ — — — — —	«
XXII. Птица гутѣ — — — — —	80.
XXIII. Дятель — — — — —	«
XXIV. Орель — — — — —	«
XXV. Повѣрья о лебедахъ, воронахъ и коршунахъ — — — — —	81.
XXVI. Щуна — — — — —	82.
XXVII. Налимъ — — — — —	«
XXVIII. Трава хунь-хорконъ — — — — —	«
XXIX. О табакѣ — — — — —	83.
XXX. Повѣрья о деревьяхъ — — — — —	«
XXXI. Собачій пай въ хлѣбѣ — — — — —	84.
XXXII. Хуръ — — — — —	85.
XXXIII. О ворожбѣ на лопаткѣ — — — — —	87.
XXXIV. Пальцы воры — — — — —	«
XXXV. Племена бурятъ — — — — —	88.
XXXVI. Кости въ бывшемъ Аларскомъ ведомствѣ — — — — —	89.

II.

XXXVII. Кость Шарануть	— — — — — 90.
XXXVIII. Кость Хабарнуть	— — — — — 90.
XXXIX. Кость Бурутханъ	— — — — — 91.
XL. Кость Икивать	— — — — — 91.
XLI. Кости Омьзонъ и Баянда	— — — — — 92.
XLII. Кость Готель	— — — — — 93.
XLIII. Булагать и Экиреть и ихъ потомки	— — — — — 94.
XLIV. Тажши и его потомки	— — — — — 107.
XLV. Преданія о Гэнэнь-худатѣ и Сухарь-нобэй	— — — — — 108.
XLVI. Барга-Багуръ	— — — — — 112.
XLVII. Хоредой-моргонъ	— — — — — 114.
XLVIII. Сегэнда и Барто	— — — — — 117.
XLIX. Поколѣвія селенгинскихъ бурятъ	— — — — — 118.
I. Первый шаманъ	— — — — — 122.
II. Самая первая шаманка	— — — — — 123.
III. Булгата-овгонъ	— — — — — 124.
IV. Буртз-убугунъ	— — — — — 125.
L. Почему нѣкоторые буряты не ѣдятъ селезенку и не бьютъ лебедей	— — — — — 126.
LI. Преданія о переселеніи изъ Монголіи Вахака Ирбанова и Адай съ прочимъ народомъ	— — — — — 130.
LII. Преданіе о вальдъ Чянгисъ-хана	— — — — — 132.
Примѣчанія	— — — — — 155.
Указатель собственныхъ именъ	— — — — — 159.
Предметный указатель	— — — — — 159.

СКАЗАНІЯ БУРЯТЪ.

I.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ.*)

Въ прежнее славное, благополучное, богатое время, когда земля становилась землей, вода становилась водой, когда великая гора Сумбыръ была съ кочку, а великое молочное море съ луку, самая большая рыба—мольгой, среди желтой степи, въ близи желтаго моря, у подошвы горъ стоялъ, какъ срубленная скала, достигая до небесъ, серебряный дворець, съ городьбой изъ сплошнаго серебра, съ филенчатыми серебряными воротами, съ серебро-перломутровыми дверями, съ порогомъ изъ литаго серебра, съ крыльцомъ длиннымъ преданнымъ, такъ что кобыла съ жеребенкомъ едва могла перебѣжать его, и кобыла съ лончакомъ пройти его, переступая съ ступени на ступень; ступени этого крыльца изъ чистаго серебра. Вверху его сорокъ тысячъ оконъ, внизу семьдесятъ тысячъ оконъ, у каждой стѣны по караульному, у каждаго овна по подслушивателю, въ каждомъ углу по бурхану. Разнаго скота паслось по задней сторонѣ (ара одо) сто тысячъ, а по внутренней (убыр одо) безчисленное множество. Родившійся владѣтелемъ всего этого богатства былъ сынъ Унтэ-Тархи'я**) Алтанъ-Шагай-мэргынъ.

У Алтанъ-Шагай-мэргына былъ соловой конь Агуй-Шаргаморѣпъ, которому на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было равнаго коня по бѣгу, какъ и самому Алтанъ-Шагаю во всей вселенной не было равнаго по силѣ. Былъ еще у Алтанъ-Шагай-мэргына старшій братъ Ногонъ-

*) Алтанъ—«золото», «золотой»; мэргынъ «стрѣлокъ».

**) Унтэ тархи «драгоценная голова».

Соё-мэргынъ пятидесяти лѣтъ съ женой, т. е. невѣсткой Алтанъ-Шагай, Ногонъ-Толё также пятидесяти лѣтъ. Не было у старшаго брата сына, котораго-бы онъ могъ нянчить у груди, не было и дочери покачать на ногахъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ спалъ, не раздѣваясь, проглатывалъ, не пережевывая; въ продолженіи семи сутокъ пьянствовалъ день и ночь.

Однажды утромъ, когда Алтанъ-Шагай протрезвился, невѣства его Ногонъ-Толё и говорить ему: «Ну, почему ты такой молодой такъ сильно пьешь водку? Табуны наши, пасущіеся въ верхніе пади и рогатый скотъ и овцы, пасущіеся внизу пади давнымъ-давно кружатъ (бродятъ) безъ всякаго присмотра; братъ твой сталъ уже старъ, а ты почему все пьянствуешь?» Алтанъ-Шагай-мэргынъ почувствовалъ справедливость этихъ словъ, вымылъ лицо и руки, вышелъ на улицу, остановился на крыльцѣ злато-серебряномъ, обвелъ пѣгострыми глазами золотую степь, посмотрѣлъ бѣлострыми глазами (туда и сюда) вдаль и вблизи и усмотрѣлъ на задней сторонѣ Алтайской горы (Алтайн арда) соловаго коня Агуй-Шарга-морена, у котораго крестецъ (уса) былъ, какъ ящикъ, арбинъ (брюшной жиръ), какъ пола. Алтанъ-Шагай-мэргынъ свистнулъ, какъ десять человѣкъ, гаркнулъ, какъ двадцать человѣкъ. Агуй-Шарга-морень прислушивается правымъ торчащимъ ухомъ къ верхнимъ обитателямъ, а лѣвымъ торчащимъ ухомъ къ подземнымъ обитателямъ и рѣшаетъ: «Какъ будто это слышится голосъ моего хозяина?» Отбросивши оба торчащихъ уха на загривокъ, а бѣлоснѣжный свой хвостъ на крестецъ, хранилъ, туманъ сталъ, фыркнулъ, пыль поднялась, и побѣжалъ. Прибѣгаетъ къ дому, со звономъ отворяетъ ворота серебряныя филечатая, вбѣгаетъ и останавливается у имѣющей восемнадцать дѣлений коновязи, какъ привязанный и стоитъ, какъ обыкновенно стоятъ привязанные кони, съежился, какъ заяцъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ надѣваетъ на него обротъ (недоузды), оправляющую въ серебро, обуздываетъ его серебряной уздой, налаживаетъ на него легкій шелковый потникъ и обсѣдываетъ его

серебрянымъ сѣдломъ; подтягиваетъ его десятью подпругами, онъ сгибается; стягиваетъ его двадцатью подпругами, онъ ѣжится; втыкаетъ подъ переднюю луку сѣдла плеть, слетевшую изъ кожи трехгодовалого быка и привязываетъ его (коня) плетенымъ шелковымъ поводомъ къ серебряной конюязи, а самъ входитъ въ юрту (домъ), останавливается на *барунтэ* (т. е. на лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрту), надѣваетъ на себя лѣтній легкій шелковый дыгылъ (халатъ, опушенный у богатыхъ выдрой), застегиваетъ безъ ошибки всѣ 108 пуговицъ; далѣе надѣваетъ на себя зимній теплый дыгылъ (шубу), застегиваетъ ее на безчисленное множество пуговицъ; сверхъ этого надѣваетъ непромокаемую отъ девяностилѣтняго дождя большую черную шубу, а потомъ одѣвается въ несокрушимую девяностидевятью стрѣлами кольчугу; надѣвъ съ гору шапку и усѣлся тутъ-же (барунтэ), какъ величественный вѣтвястый кедръ, покачиваясь. Невѣстка ставитъ передъ нимъ золотой столъ, на который устанавливаетъ самыя вкусныя кушанья и поитъ вкуснѣйшимъ краснымъ сливнымъ чаемъ*).

Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мэргынъ вышелъ на улицу, сѣлъ на коня и отправился; видно было только пыли горсть у конюязи, да за тремя падами мелькнула красная кисть на шапкѣ, да серебряный колчанъ блеснулъ. Ногонь-толѣ только ахнула: «Вотъ такъ это молодецъ!» Затѣмъ (Алтанъ-Шагай), выѣхавши на трактъ, бѣжитъ, какъ брошенный камень катится по землѣ, летитъ, какъ соколъ со свистомъ; тихо ѣдетъ, дерна отрываетъ съ чашку** (отлетаетъ отъ копытъ), а скоро ѣдетъ съ корытце***) Затѣмъ осматриваетъ весь, пасущійся въ вершинѣ и внизу пади, скотъ. Скота много прибавилось противъ прежняго. Раскинувши помы и крикнувши зычнымъ голосомъ, собираетъ весь скотъ, гонитъ его къ

*) Такой чай нѣкоторые буряты пьютъ и сейчасъ; варится онъ въ котлѣ, сливается поваренкой до тѣхъ поръ, пока не будетъ, какъ сусло и пока не останется ничего, изъ чего можно было получить еще наваръ.

О. Н. Зат—въ.

***) Аята—чашка величиною съ нашу полоскательную. О. 3—въ.

****) Тыбше—корытце, въ которомъ рубятъ мясо. О. 3—въ.

большому желтому морю и поить его здѣсь. Выпивъ все море до гальки, скоть постукиваетъ ногами объ нее (гальку). Алтанъ-Шагай-мэргынъ скоть пригналъ, уіналъ и оставилъ его.

Послѣ этого, смотря вверхъ, смѣется, смотря внизъ, плачетъ: «Кому доставутся мои табуны и скоть во владѣніе? Братъ мой уже пятидесяти лѣтъ, самъ я цѣликомъ глотающій, толсто-глотающій» (т. е. человекъ одинокій). Въ это время слышится неизвѣстный голосъ: «Алтанъ-Шагай-мэргынъ! солнце твое еще высоко, года твои еще малы. Что печалишься! Возвратясь домой, попроси невѣстку Ногонъ-Толѣ высидѣть десять котловъ двоенаго и троенаго тарасуна (арзо-харзо), двадцать котловъ учетвереннаго (хорзо-харза) и вмѣстѣ съ ней этотъ тарасунъ пей. Самъ-то ты, впрочемъ, вовсе не пей, а невѣстку пой обманомъ. Когда она опьянѣетъ, она тебѣ укажетъ суженую». Выслушавши это, онъ отправляется домой переступью. Ъхавши такъ, онъ услышалъ шумъ-гамъ; сильно удивившись этому, сталъ смотрѣть вблизи и въ даль; съ восточной стороны поднимается тонкій столбъ пыли, достигающій до небесъ; толстый слой пыли растилается по землѣ, покрывая ее. Онъ смотритъ въ средину этого и видитъ, прямо по направленію къ нему летятъ стрѣла съ наконечникомъ въ конскую голову и говоритъ: «Гдѣ ты, Алтанъ-Шагай-мэргынъ»? Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ разстегиваетъ изъ ста восьми пуговицъ восемь и, чтобъ проклятая стрѣла, пролетѣвъ, не разорвала одежды, выставляетъ впередъ свою черную обнаженную грудь. Стрѣла эта прилетѣла, лишь только онъ открылъ грудь, и ударилась въ нее; остріе конца заворотилось и вершина (оно)* отломилась, а сама она отскочила и упала на разстояніи однодневнаго пути.

Стрѣла эта ударилась въ черную грудь Алтанъ-Шагай-мэргына, какъ будто о твердый камень, зазвенѣла и издала такой звукъ, какъ-бы ударилась о бурый камень. Отправляется узнать, посмотрѣть, что это за стрѣла и видитъ, на верхней сторонѣ стрѣлы золотомъ написано,

*) Плоскій желѣзный наконечникъ стрѣлы по бурятски «зѣбѣ»; трехгранный и четырехгранный наконечники — «хангай». Деревянный косякъ стрѣлы, противоположный наконечнику — «болсу». «Оно» выемка, въ которую влагается тетива; «зынгъ» костяной боченокъ для стрѣлы-снестунки.

на нижней сторонѣ бѣлымъ серебромъ написано; беретъ эту стрѣлу и читаетъ, не мигнувъ глазомъ, не переступивъ съ мѣста. Тутъ было написано: «Дни долги, ночи короткія; наслышавшись, что есть неимовѣрный силачъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, мы приглашаемъ его на пиръ, мы, живущіе на востокѣ, девять братьевъ одного отца мангасхая посылаемъ». Такъ онъ вычиталъ. Соскребши все написанное на этой стрѣлѣ, пишетъ золотомъ на задней сторонѣ! «Я пріѣду къ вамъ къ тому времени, когда родившійся теперь будетъ въ состояніи носить колчанъ и когда сотрется ушко у желѣзнаго стремени». Затѣмъ дѣлаетъ стрѣлѣ внушеніе: «Ты полетай туда, гдѣ живетъ самый старшій братъ; на западной сторонѣ дворца*), въ углу его, пробей самыя коротенькія доски крыши, влети и отсѣки напрочь правую заднюю ножку отъ шира**), на которомъ будетъ сидѣть онъ».

Стрѣла эта влетаетъ и отсѣкаетъ. Мангасхая, сильно испугавшись, слетѣлъ (упалъ) съ шира. Беретъ эту стрѣлу, смотритъ и читаетъ и видитъ, что тамъ написано, что Алтанъ-Шагай-мэргынъ пріѣдетъ сюда, когда родившійся теперь сынъ въ состояніи будетъ носить колчанъ и когда ушко желѣзнаго стремени изотрется. Этотъ старшій братъ собираетъ своихъ младшихъ братьевъ и говоритъ имъ: «Уничтожьте его, пока онъ еще не женился; если онъ будетъ съ сыномъ, онъ сдѣлаетъ, что изъ насъ не будетъ ни мяса, ни шей». Такъ рѣшили. Затѣмъ ѣдетъ домой трактомъ рысцой, побрякивая патвеей (ханхинса)***). Пріѣзжаетъ домой, привязываетъ у основанія коновязи, имѣющей двѣнадцать дѣлений, шелковымъ плетенымъ поводомъ коня, а самъ входитъ въ юрту. Начинаютъ бесѣдовать съ старшей невѣсткой; онъ рассказываетъ ей, что пасущагося разнаго скота прибавилось множество. Невѣстка ставитъ золотой

*) Здѣсь разумѣется восьмиугольная юрта.

О. З—сз.

**) Маленькій столикъ, а также и тронъ

О. З—сз.

***) Ханхинса значитъ звѣнитъ. Буряты на патвеей сѣдла привѣшиваютъ побрякушки въ родѣ бляхъ одну на другую, которая при ѣздѣ расзю, ударяясь другъ о друга, производятъ бряцаніе. Отсюда образное выраженіе: ханхинса-хатараяи яобо, «побрякивая рысать».

О. Н. З—сз.

столь, наставляеть на него самыя вкусныя кушанья и угощаетъ его краснымъ сливнымъ чаемъ. Разговаривая о томъ, о семъ (оборот-табар), Ногонъ-Толё невѣстка, между прочимъ, спрашиваетъ Алтанъ-Шагай-мэргына: «У тебя есть какая-то печаль въ груди? Глаза твои слезятся». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ сказалъ: «Невѣстка, невѣстка! я съ вами еще ни разу не пилъ водки. У меня теперь явилось сильное желаніе выпить съ вами? Выкурите десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ выкурите четвернаго тарасуна и выпьемъ съ вами». Выслушавъ это, Ногонъ-Толё невѣстка выкуриваетъ десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ четвернаго тарасуна (т. е. четыре раза перегнаннаго). И такъ оба пьютъ. Алтанъ-Шагай мэргынъ, показывая видъ, что пьеть, выливаетъ за пазуху. Невѣстка пила-пила и сдѣлалась краснорыжей. Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ спрашиваетъ: «Вы давно уже живете моя невѣстка! много слыхали и видали! укажите-ка мнѣ суженую!» «Ты, чтобъ выпытать у меня это, нарочно спаиваешь меня; хотя-бы и такъ, все-же таки я тебѣ не укажу». Тогда Алтанъ-Шагай мэргынъ наливаетъ одну большую чашу двоёнаго тарасуна; встаетъ на колѣни и угощаетъ ее. Выпивши эту чашу, она совершенно опьянѣла. Опьянѣвъ, начинаетъ говорить: «Въ давнія-давнія времена, когда я была молода и сшивала небо^{*)}, наравнѣ со мною шила одна маленькая дѣвочка. Это и есть твоя суженая. Это на западѣ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи^{**}), дочь Байнъ-Мунгэй-хана, но достать ее встрѣчается много препятствій; если ты будешь молодцомъ, то побѣдишь всѣ эти препятствія, возьмешь ее за себя».

Послѣ этого Алтанъ-Шагай готовится, днемъ при свѣтѣ солнечныхъ лучей, ночью при свѣтѣ свѣчи (т. е. готовится день и ночь); отломившееся приклеиваетъ, оторвавшееся сращиваетъ;

*) Млечный путь по вѣрованію бурятъ есть шовъ небесный. О. Н. З.

**) Гхайханъ—прекрасный, красивый; ирэн — пестрый; тарбажи — степной орель

Агуй-Шарга-морена (коня) ставить на навозную кучу*) и выдерживает до степени состоянія бѣлки, ставить его на ледъ, чтобъ копыта его приняли настоящій видъ; приготовляетъ всё свои воинскіе доспѣхи. Ногонъ-Толѣ невѣстка, протрезвившись, говоритъ: «Что ты дѣлаешь, собака? (ажа-нохой яга-б-ш?**) куда ты собираешься»? Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Ты мнѣ указала свата, я и рѣшилъ туда ѣхать». «Что ты, собака! я сказала это въ пьяномъ видѣ. Сколько молодцовъ удалѣ тебя рѣшались на это, но возвращались ли, я не слыхала». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Мужчина-человѣкъ не отказывается отъ своего рѣшенія, какъ волкъ и собака не опускаютъ кости, попавшейся имъ въ пасть. Не все-ли равно, гдѣ-бы не легли мои кости и кости коня? т. е. не все-ли равно, гдѣ-бы не умирать, лишь-бы умереть съ бранною честію».

Послѣ этого выходитъ на улицу, садится на коня и отправляется. Ногонъ-Толѣ невѣстка: «стой!»! говоритъ. Сжимаетъ въ два комка мясо двадцати кладеныхъ барановъ, двадцать копенъ сѣна свертываетъ въ двѣ горсти и кладетъ ихъ на дно въ футляръ (хормого) лука и говоритъ: «будешь голодать или мерзнуть, бери и ѣшь»! и благословляетъ его, даетъ ему благопожеланіе: «въ родную землю возвратись, въ свое мѣсто вернись»! И такъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ отправился; видно было только пыли гореть у коновязи, да за тремя падами мелькнула красная кисть на шапкѣ, да серебряный колчанъ блестялъ. Затѣмъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, звеня, рысать по тракту, узнавая лѣто по пѣнію овсянки (алтын-гургултай) и опредѣляетъ зиму по щекотанію сороки. «Ну, говоритъ, пора дать отдыхъ себѣ и коню»! и съ этими словами поднимается на вершину высокой горы Сумбырь во весь опоръ; одной стрѣлой убиваетъ изюбря и самку, разложивши большой костеръ огня, вдѣв-

*) Почти у каждого бурята на лѣто въ кучу загребаются навозъ, который зимой подстилается мелкому скоту вмѣсто соломы. Этотъ распушенный навозъ, если онъ овечій, называется хохиръ, если коровій—хи. Обыкновенный-же жесткій навозъ зовется аргаль. *О. Н. 3—67.*

***) Это выраженіе ни какъ не ругань, а что-то заскательное.

О. Н. 3—67.

ши на два вертела убитыхъ звѣрей, поставилъ ихъ жарить. Сидя такимъ образомъ, обзрѣваетъ своими бѣлопестрыми глазами въ даль и въ близъ и видитъ на разстояніи однодневнаго пути стоять три дворца, достигающіе до небесъ; на дворѣ ихъ стоятъ, какъ кровь, три рыжихъ коня, обвѣшанные колчанами и луками, стоятъ и рвутся. Что это за народъ живетъ? Разсѣдываетъ своего коня Агуй-Шаргаморена, серебряное сѣдло кладетъ подъ голову, шелковый потникъ подстилаетъ подъ себя и ложится на спину и думаетъ: «А что, если лѣшкомъ сходить, посмотрѣть это»? Уходитъ.

Рѣшивши войти въ первый верхній дворецъ (ордой урток), вынимаетъ изъ футляра лукъ, приподнимаетъ имъ верхнюю колоду (юрты) дворца, смотреть туда и видитъ; по входѣ на лѣвой сторонѣ (барунтѣ) сидитъ молодець-молодцомъ, съ краснымъ лицомъ и съ зубами въ лопату; на хойморѣ (въ задней сторонѣ т. е. противъ дверей) сидитъ съ подрылникомъ (халзулара) бѣлизны превосходящей сіяніе солнца, съ горломъ, превосходящимъ сіяніе луны; изъ доскутка шелковой матеріи въ ладонь величиной шиваетъ десять одеждъ, изъ доскута шелка въ полу величиной шиваетъ двадцать одеждъ и бросаетъ ихъ по обѣ стороны (взадъ и впередъ). Сидя, такъ мужа спрашиваетъ: «Что-ты такъ сидишь? или воображаешь, что нѣтъ тебѣ подобнаго человѣка»? Тогда мужъ говоритъ: «Гдѣ-же такой мнѣ подобный человѣкъъ есть»? — Ахъ ты, собака! говоритъ жена. Прямо на юго-востокѣ есть сынъ Уитѣ-Тархія Алтанъ-Шагай-мэргынъ; сравнись-ли ты съ нимъ? — «Я его, этого твоего привяжу въ правыя торока! говоритъ мужъ. А ты что думаешь, что тебѣ нѣтъ подобной? Есть гораздо лучше тебя. Прямо на сѣверозападѣ дочь Баинъ-Мунгэй-хана Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи, шьетъ она безъ шва, пищу приготовляетъ безъ пара; сравнись-ли ты съ ней»? Жена говоритъ: «Та небснаго происхожденія, а я земнаго». Услышавши это, Алтанъ-Шагай-мэргынъ идетъ ко второму нижнему дворцу, поднимаетъ тѣмъ-же порядкомъ верхнюю дверную колоду и опять слышитъ такой-же разговоръ. Идетъ въ третьему дворцу, крайнему-нижнему и опять слышитъ тоже самое.

Тогда беретъ онъ маленькій доскутовъ бумажки и пишетъ на немъ: «Привязать Алтанъ-Шагаю въ правые торока приходите на вершину горы Сумбырь да по сплутности уведите и своихъ трехъ коней». Когда эти парни вышли на улицу, трехъ коней дѣтъ. Ищутъ тамъ и сямъ, не могутъ найти даже и слѣда. Ища такимъ образомъ, находятъ у основанія одной коновязи бумажку въ ладонь величиной. Никого не могутъ найти прочесть эту бумажку. Одна женщина, знающая грамоту, читаетъ: «Я Алтанъ-Шагаю-мэргынъ увелъ вашихъ коней; приходите и привяжите мевя въ правыя торока и уведите своихъ коней». Эти три молодца засучиваютъ красивые рукава до локтей, затыкаютъ красивыя позы за поясъ и разсуждаютъ: «Днемъ-ли, ночью-ли мы увидимъ Алтанъ-Шагаю-мэргына, принесемъ его орѣховую голову! Вотъ увидите!» говорятъ женамъ. А жены имъ говорятъ: «какъ только увидите Алтанъ-Шагаю, тотчасъ упадете въ обморокъ» и разошлись по домамъ. Эти трое молодцовъ отправляются. Взбираясь на гору Секто-Сумбырь, видятъ что-то распростершееся, возвышающееся подобно горѣ и около цѣликомъ изжаренныхъ изюбра и матку. Увидѣвши это, они упали въ обморокъ. Вставши, Алтанъ-Шагаю говоритъ: «Что, человѣка не видали, подъ ногами жили? людей не видали, подъ подошвою жили»? Хлестнувъ ихъ собольимъ рукавомъ, заставляетъ встать. Они, вставши, слагаютъ руки ко лбу по-ламайски и молятся на него (блажуются). «Ну, вяжите меня въ правыя торока». Тѣ оттираются: «Я не говорилъ!».... «Я не говорилъ!».... «Ну, идите, поймите моего коня и приведите!» Отдаетъ имъ узду. Узду эту они и втроемъ даже поднять не могутъ. «Вы такіе слабосильные никогда не говорите, что человѣка привяжемъ въ правыя торока».

Поймавши самъ, надѣвши узду: «Положите», говоритъ, «потникъ»! Потникъ этотъ они втроемъ сдвинуть даже не могутъ. Тогда онъ самъ налаживаетъ потникъ. Опять имъ говоритъ: «Осѣдлайте моего коня!» Опять не могутъ шевельнуть сѣдла. Опять самъ осѣддываетъ. Потомъ оба вертела втыкаетъ передъ собой и вѣмъ имъ

троимъ дастъ по ребру. Остальное, нѣсколько разъ откусивши, съѣлъ, кости и негодныя части мяса выплюнулъ (выфыркнулъ) ртомъ и носомъ. А тѣ три не могли съѣсть и по половинѣ. «И такъ, послѣ этого вы много не говорите, а когда я отправлюсь, вы молитесь до тѣхъ поръ, пока я не скроюсь изъ вида!» И такъ отправился.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ рысать по тракту, звеня. Когда онъ ѣдетъ, вдругъ слышится, поднимается какой-то гудъ. Летитъ стрѣла. Гдѣ ты Алтанъ-Шагай?—Что это за стрѣла? она, пожалуй, разорветъ мою одежду? Изъ ста восьми пуговицъ разстегиваетъ восемь и выставляетъ впередъ свою черную грудь. Изъ оно*) этой стрѣлы дымъ идетъ, а изъ наконечника огненные искры летятъ. Попадаетъ она прямо въ грудь и прострѣливаетъ насквозь, дѣлая отверстіе, въ которое виднѣнъ свѣтъ утренней зари и лучи дневнаго солнца; вылетаетъ, намотавши на себя легкія и сердце. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, раскинувши руки, чуть не падаетъ; когда онъ склоняется на задъ, конь подставляетъ ему крестецъ, когда онъ склоняется впередъ, подставляетъ гриву, а когда валится на бокъ, подставляетъ ему ребра. Алтанъ-Шагай-мэргынъ еле-еле вытащилъ лукъ свой изъ футляра и оперся имъ о землю, вытащилъ изъ серебрянаго колчана стрѣлу одонъ-хангай, налаживаетъ ее на лукъ и наговариваетъ ей, чтобъ она преслѣдовала (стрѣлившаго), куда-бы онъ ни заходилъ и куда-бы онъ ни выходилъ и пускаетъ ее. Стрѣла улетаетъ. Загудѣли вверху восемь небесъ, заколебались внизу семь частей свѣта. Эта стрѣла пущена въ самого Жоргодой-мэргына, имѣющаго шесть большихъ пальцевъ. Въ нему эта стрѣла и прилетаетъ. Съ шестью большими пальцами (зурган эрхэтей) Жоргодой-мэргынъ, испугавшись ея, вспрыгнулъ на яблочно-чубараго коня и поскакалъ. Стрѣла гонится за нимъ и чуть-чуть уже не догоняетъ его. Бросивши коня, онъ вприснулъ въ море и превратился въ семьдесятъ молекъ (небольшихъ рыбъ). Стрѣла-же превра-

*) Оно—ушко стрѣлы, въ которое влзается тетива.

тилась въ семь щукъ, глотаетъ ихъ одну по одной. Осталась только одна мольва. Мольва эта выпрыгнула (изъ воды) и превратилась въ просо и разсыпалась по одному полю, щука (стрѣла) превратилась въ курицу и начала клевать просо. Осталось одно зернышко, которое превращается въ жаворонца и улетаетъ подь небеса. Стрѣла, превратившись въ сокола, гонится за ней. Тогда рѣшивъ, что эта стрѣла погибшаго хозяина не оставитъ его, принимаетъ настоящій видъ, садится и выставяетъ впередъ свою открытую грудь. Стрѣла прострѣливаетъ насквозь выставленную грудь, вырываетъ легкія и сердце и улетаетъ. Стрѣла эта прилетаетъ къ хозяину и входитъ въ колчанъ.

Увидѣвши глазами легкія и сердце, Алтанъ-Шагай-мэргынъ, сказавши: «Ты хотя и впередъ меня стрѣлялъ, но не видѣлъ моихъ легкіхъ и сердца, а я твое сердце видѣлъ», упалъ, раскинувшись (алдалажи унабо). Затѣмъ конь его Агуй-Шарга-моренъ, отдохнувши, снимаетъ съ него все одежды и прячетъ подь большой камень. Самъ-же отправляется въ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи, воскрешающей мертвыхъ и обогащающей бѣдныхъ (обѣднѣвшихъ); пришатлся къ табуну Баянъ-Мунгэй-хана совсемъ осѣдланннй. Надсматривавшіе за табуномъ пастухи пришли и говорятъ хану: «Къ нашему табуну пришатился шибко хорошей конь со всеми принадлежностями» (осѣдланннй). «Этотъ конь послаятъ съ неба для моей дочери», говоритъ ханъ. Затѣмъ собираютъ народъ, чтобъ устроить облаву и поймать этого коня. Множество народа отправляется и гонится за нимъ. Конь обѣгаетъ кругомъ три раза степь Гуньинъ, обѣгаетъ четыре раза кругомъ степь Дунунъ. Затѣмъ этотъ конь, вбѣжавши въ одинъ березникъ, нарочно поводомъ зацутывается и тутъ остановился. Тогда этотъ народъ приходитъ и ловить его, спутываютъ все его четыре ноги желѣзными путами и такъ приводятъ его. Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи сидитъ у окна и смотритъ. Затѣмъ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи садится на этого коня; ѣдетъ на сѣверо-западъ—по новому инокодитъ, ѣдетъ на юго-во-

стокъ—по жеребьячи иноходить. Тогда Гхайхань-Ирэнъ-Тарбажи говоритъ: «Распутайте ему всё четыре ноги,—пути ему препятствуютъ,— и тогда онъ будетъ еще лучше иноходить». Два сильныхъ богатыря берутъ его подъ уздцы и онъ все иноходить. Затѣмъ онъ какъ храпнулъ, туманъ поднялся, фыркнулъ, пыль пошла, отбросилъ двухъ славныхъ богатырей и понесся по воздуху.

Тогда Гхайхань-Ирэнъ-Тарбажи говоритъ: «Коль скоро ты такъ меня обманулъ, вѣдь и я имѣю чудодѣйственную силу». Вынимаетъ изъ кармана тарбажинныя перья (степнаго орла) и, воткнувши ихъ, намѣревается улетѣть; тогда Агуй-Шарга-моренъ (конь) сдвинулъ зубами оба стремени и сжалъ въ нихъ ноги Тарбажи, чтобъ она не могла ихъ выгнать и улетѣть. И такъ бѣжитъ и, далѣе, спускаетъ ее на кости хозяина. Она-же говоритъ: «Такъ какъ ты привезъ меня обманомъ, то я не оживлю твоего хозяина». Возносится на небо. Тогда этотъ конь ржетъ въ слѣдъ сѣдому: «Эсэгэ-Маланъ-тэнгри! ты творецъ! Къ этому умершему моему хозяину я привезъ Гхайхань-Ирэнъ-Тарбажи, но она, не ожививъ его, вознеслась на небо!» Эсэгэ-Маланъ-Тэнгри, видя, зная все это, посылаетъ каменный градъ, пускаетъ кровавой дождь; солнце свѣтитъ лишь только надъ костями Алтанъ-Шагай-мэргына. Тогда эта дѣвушка, шлепая распростертыми моврыми крыльями, опускается на эти кости. Рѣшивши, что этотъ лишившійся хозяина, не отстанетъ отъ нея, подбираетъ всё кости; три раза плюнувъ на нихъ и махнувъ три раза черпымъ шелковымъ платкомъ, оживляетъ Алтанъ-Шагай-мэргына. А сама, сѣвши на маленькое черное облако, вознеслась на небо.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ, говоря: «Какъ я долго спалъ!» приводитъ въ порядокъ свои волосы и лицо. Тогда Агуй-Шарга-моренъ начинаетъ рассказывать Алтанъ-Шагаю все бывшее, какъ раньше, такъ и теперь (т. е. о томъ, что было послѣ того, какъ его убили). Потомъ Агуй-Шарга-моренъ приноситъ и отдаетъ какъ всё доспѣхи, такъ и всё одежды. Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ обнимаетъ толстую шею своего коня, схватившись за тонкую шею,

обнимаетъ его; изъ золото-черныхъ глазъ его льются слезы, изъ черно-выпуклыхъ глазъ его постоянно капають. Послѣ этого (Алтанъ-Шагай-мэргынъ) говоритъ: «Ногонь-Толё, моя невѣстка, что-то положила въ футляръ моего лука»? Вынимаетъ со дна футляра два комка мяса двадцати кладеныхъ барановъ и двѣ горсти сѣна — двадцать копенъ (спрессованныхъ), развѣртываетъ и даетъ коню; мясо-же самъ ѣсть.

Затѣмъ отправляется искать, гдѣ лежитъ убившій его человекъ. У подошвы одной горы виднѣтся, какъ гора; кажутся какъ скала, лежать кости и останки. Около этого стоитъ сивый иноходецъ, исхудалый до того, что у него изъ одного паха въ другой просвѣчиваетъ (черезъ пахъ солнечный свѣтъ сквозитъ). Всѣ эти кости и останки Алтанъ-Шагай-мэргынъ складываетъ и подбираетъ. Затѣмъ три раза плюнувши, три раза черезъ нихъ перешагнувши и три раза махнувши на нихъ чернымъ шелковымъ платкомъ, оживаетъ его. Съ шестью большими пальцами Жоргодой-мэргынъ: «Какъ», говоритъ, «я долго спалъ!» поднимается и садится. Побратались оба, сидятъ и бесѣдуютъ (ставши старшимъ и младшимъ братьями). Обмѣниваются съ праваго указательнаго пальца рѣзными серебряными перстнями и уговариваются, что послѣ этого, въ случаѣ какой на кого невзгоды, они должны помогать другъ другу. Послѣ этого распрощались. Жоргодой-мэргынъ отправился домой, а Алтанъ-Шагай-мэргынъ, звеня, зарысиль къ Баянъ-Мунгэй-хану.

Пріѣзжаетъ къ Баянъ-Мунгэй-хану, слѣзаетъ съ коня, привязываетъ его за шелковый плетеный поводъ къ золотой коновязи, а самъ входитъ. Баянъ-Мунгэй-ханъ, испугавшись, встрепенулся на ширэ (на тронѣ). Тотъ здоровается съ нимъ, отдавая ему царскія почести. Баянъ-Мунгэй-ханъ спрашиваетъ: «Откуда и куда путь держишь, молодець»? «Я Алтанъ-Шагай-мэргынъ, сынъ Унтэ-Тархія, живущаго отсюда прямо на юго-востокѣ, предлагаю себя въ зятевя, а кушакъ свой въ сваты». Радуюсь этому (ахъ

какое, дескать, славное слово сказать), усаживаетъ его барунтъ (на лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрту), ставитъ передъ нимъ золотой столъ, уставляетъ этотъ столъ разными самыми вкусными кушаньями и угощаетъ краснымъ сливнымъ чаемъ. Послѣ этого Байнъ-Мунгэй-ханъ приказываетъ бить въ задній барабанъ и собирается народъ; приказываетъ ударять въ передній барабанъ, собирается безчисленное множество народа. Устраивается пиръ—гулянка, выставляются водки цѣлыя озера; навариваются мяса горы (пригорки).

Дочь хана Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи жила отъ отца отдѣльно, на разстояніи однодневнаго пути. Она посылаетъ свою горничную (шигѣбшэхын-барлыга) посмотрѣть и сказать ей, какого жениха нашли ей. Эта горничная, очаровавшись сладко-прекрасными рѣчами Алтанъ-Шагая, пробывъ тутъ, забывъ обо всемъ, трой сутки. Очнувшись (вспомнивши), всплеснула по подолу руками и бѣгомъ выбѣжала на улицу, взяла простое деревянное сѣдло, вмѣсто потника подложила подъ сѣдло тарь*) и помчалась домой. Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи спрашиваетъ ее: «Почему ты такъ долго была тамъ»? Горничная говоритъ: «Ужасно худаго жениха нашли тебѣ, такъ что я издѣвалась надъ нимъ и меня стошнило и вырвало, потому я и пробывъ тамъ трой сутки». Тогда Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи: «Чѣмъ», говоритъ, «мнѣ выходить за такого», взяла и вознеслась на небо. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, взявши слово на три дня (т. е. чтобъ черезъ три дня была привезена къ нему невѣста), выходитъ въ желтую степь, воздвигаетъ здѣсь дворецъ высотой до небесъ и приготовляетъ пищу и питье, словомъ, все необходимое. Байнъ-Мунгэй-ханъ отправляется къ дочери. Приходитъ къ ней и не находитъ ее. Спрашиваетъ у горничной: «Куда ушла Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи»? «Не желая выходить замужъ, она вознеслась». Тогда Байнъ-Мунгэй-ханъ говоритъ: «Теперь снесетъ мнѣ голову Алтанъ-

*) Тарь—шерстяная ткань, которую ткуть сами бурятки; употребляютъ ся вмѣсто козровъ на покрывшу половъ.

Шагай-мэргынъ, прорветь мои локти!»! Вверхъ смотреть смѣется, внизъ смотреть рыдаетъ. «Байиъ-Мунгэй-ханъ! что ты сокрушаешься? Призвавши трехъ докторовъ, соскребите совершенно пристаившую ко мнѣ грязь*), одѣньте меня въ одежды Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи! вымажьте меня верблюжьимъ жиромъ, сдѣлаете благовонной! вымажьте меня овечьимъ жиромъ, сдѣлаете съ пріятнымъ запахомъ и я такъ доставьте меня къ нему». Такъ сдѣлавши, доставляютъ ее. Алтанъ-Шагай-мэргынъ угощаетъ. Три ночи и три дня гуляютъ. Затѣмъ народъ возвратился домой, а Алтанъ-Шагай-мэргынъ остался жить съ горничной. На утро эта госпожа встаетъ и не умывши ни лица, ни рукъ, начинаетъ варить чай. Алтанъ-Шагай дивомъ дивнымъ удивляется—лежить. Затѣмъ когда всталъ и сидѣлъ, пилъ чай, является посланный отъ тестя съ приглашеніемъ обоихъ въ гости. Отправляются и гуляютъ. Между сидящими налѣво (барунтэ т. е. между мужьями) нѣтъ равнаго по разговору съ Алтанъ-Шагаемъ, а между сидящими на хойморѣ (т. е. между женщинами) нѣтъ страшнѣе жены Алтанъ-Шагай, сопливой и слюнявой. Алтанъ-Шагай-мэргынъ смотритъ на жену и дивится. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, оставивши жену, самъ отправился впередъ.

Возвратившись домой, онъ превратился въ бѣлую колѣнчатую траву (унтэ-саган-убугун), растущую барунтэ (по лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрты), а Агуй-Шарга-морена превратилъ въ комокъ конского навоза и бросилъ его на улицу. Въ это время прилетаютъ и садятся у дымоваго отверстія (урхэ дэрэнъ) три лебедя; снявши крылья и превратившись въ трехъ хорошенькихъ дѣвушекъ, входятъ въ юрту (во дворецъ). Двое изъ нихъ сѣли «барунтэ» и изъ шелковой матеріи въ полу величиной сшили двадцать одеждъ; третья же сѣла на хойморѣ и изъ шелковой матеріи въ ладонь величиной приготовила десять одеждъ. Тогда сидящія «барунтэ» обращаются къ ней: «Почему-же ты не вышла за такого-же хорошаго мужа,

*) Изъ послѣдующаго текста вытекаетъ, что это говоритъ горничная царевны Тарбажи.

какъ ты»? Сидящая на хойморѣ дѣвушка говоритъ: «Все это, что я нахожусь теперь такъ, произошло отъ моей горничной, которая меня обманула». Въ это время Алтанъ-Шагай-мэргынъ принимаетъ настоящій видъ, превращается въ себя и ловить сидящую на хойморѣ дѣвушку, но не могъ ее удержать; она его оттолкнула и улетѣла. Тогда Алтанъ-Шагай говоритъ: «Хотя съ тобой и не могъ справиться, такъ справлюсь съ твоимъ отцомъ!» Садится на своего Агуй-Шарга-морена и скачетъ. На половинѣ пути эта дѣвушка, спустившись сверху, схватила и удержала спереди за поводъ. Не смотря на это, онъ начинаетъ бить ее плетью, приговаривая: «И безъ тебя обойдусь!» Та начала уговаривать его такъ мягко и убѣдительно, что и надъ чистою водой образовались пѣнки и на гладкомъ камнѣ выросла трава. Такимъ образомъ убаюканный Алтанъ-Шагай-мэргынъ уснулъ.

Тогда она переноситъ его во дворецъ и укладываетъ. Затѣмъ, Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи приготовляетъ пищу безъ пара, шьетъ одежды безъ шва, ходитъ плавно мягко-тоненькая трава вырастаетъ, выступаетъ стеленно—изъ одного стебля вырастаютъ по два цвѣтка. Алтанъ-Шагай, пробудившись, лежитъ и смотреть и думать: «Она такая, значить она царская дочь». Стремительно соскочивши съ постели, выбѣгаетъ на улицу, садится на коня и намѣревается отправиться. Въ это время выходитъ женщина (эта) и спрашиваетъ: «Куда ты хочешь ѣхать»? Онъ отвѣчаетъ: «Къ твоему отцу, чтобъ снять съ него голову и распоротъ ему локти». — Ажа-нохой, что съ тобой! — Едва-едва убѣдила его и ввела въ юрту. Вошли, сидятъ и пьютъ сливной, краснѣй чай. Когда такъ сидѣли, Ирэнъ-Тарбажи говоритъ мужу: «Смотри-ка назадъ! на тебя направляется лукъ и стрѣла».

Лишь только онъ оглянулся, какъ она перерубила его вдоль пополамъ. Разрубивши такъ, начала очищать всѣ его внутреннія (нечистоты*). Очищая, превратила его въ настоящій видъ. Въ это

*) Алтанъ-шагай отъ жизни съ горничной оквернился, «бузардапо», потому его и нужно было очистить. О. 3—53.

время съ улицы раздается голосъ: «Выйди и введи меня!» На голосъ этотъ выбѣгаетъ Гхайханъ-Прэнъ-Тарбажи и видитъ, въ повозкѣ сидитъ ея горничная. Тарбажи схватываетъ ее, разрываетъ пополамъ и, бросая одну половину назадъ, говоритъ: «Будь ты зеленый дятель (хухэ шунтул) и постоянно долби дерево!» Другую половину бросила впередъ и говоритъ: «Будь ты красный дятель (улан шунтул) и постоянно долби дерево!» Затѣмъ входитъ въ юрту.

Послѣ этого Алтанъ-Шагай начинаетъ подумывать о возвращеніи на родину, разсуждая такъ: «Чужестранецъ въ чужой землѣ не уживается, сохатиная лопатка въ котлѣ не помѣщается». Послѣ этого оба отправляются къ тестю. Тесть очень удивляется, видя свою дочь и очень радуется, недоумѣвая, откуда она пріѣхала замужней. Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Я отправлюсь на родину». Баинъ-Мунгэй-ханъ даетъ имъ половину разнаго скота, половину золота и серебра и отправляетъ ихъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ отправляется впередъ своей жены и наказываетъ: «Гдѣ я буду чертить, поѣзжайте, а гдѣ я опишу кругъ, ночуйте!»

При пріѣздѣ ихъ домой черный воронъ каркалъ, а около дома рѣскала лисица и выросъ пырей (хара хягал), достигающій вышиной до сѣдельнаго сидѣнія (т. е. въ ростъ коня). А самъ дворецъ набочился. Сильно удивляется. Рѣшивъ, что невѣстка его Ногонъ-Толѣ непременно оставила какой-нибудь значекъ, входитъ въ юрту, вырываетъ западный камень съ очага; оттуда вылетаетъ маленькая написанная бумажка. Читаетъ написанное тамъ: «За предѣлами земли, на девяносто лѣтъ пути, за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ небо касается земли, девять братьевъ мангатхаевъ ограбили; когда вернешься, за нами не ходи!» Послѣ этого онъ поправляетъ все снаружи и внутри. Этимъ временемъ подходитъ и прочій народъ. Размѣщаетъ скотъ по надымъ, расселяетъ народъ по городамъ. Затѣмъ рѣшаетъ: «Гдѣ-бы не лежали кости мои и кости коня, не все-ли равно» (т. е. гдѣ-бы не умереть, не все-ли равно)? готовится днемъ при свѣтѣ солнечномъ, готовится ночью при свѣтѣ луны;

рѣшается хоть десять лѣтъ слѣдить по слѣду мизгиря (абаха-мурер), хоть двадцать лѣтъ по слѣду червяка (хорхой мурер). Одѣвшись во всѣ доспѣхи (т. е. надѣвши кольчугу и шлемъ), отправляется.

Бѣдетъ, бѣдетъ и ѣдетъ; зиму опредѣляетъ по щекоталию со-роки, а лѣто по лѣтню малиновки (алтан гургулдайн дугар); достига-етъ того мѣста, гдѣ небо сходится съ землей. Когда небо под-нялось, отдѣлилось отъ земли, онъ поставилъ между ними свой лукъ и проскочилъ на другую сторону*). Отсюда ѣдетъ дальше. Тогда девяти-десяти-пяти головый мангатхай Хоюхыръ, узнавши это, посылаетъ ему на встрѣчу десяти-голового своего младшаго брата мангатхая. Встрѣчаются на царскомъ тракту. Алтанъ-Шагай-мэргынъ кричитъ: «Эй, ты, чужое присвоивающій, шейные позвонки глотающій! За-чѣмъ разграбилъ чужое имущество и утащилъ чужую, мою стар-шую-невестку? Какъ хочешь состязаться въ силѣ: плечами (бороть-ся) или правымъ большимъ пальцемъ» (т. е. стрѣлять изъ лука)? — Будемъ бороться!

Схватились. Боролись трое сутокъ и Алтанъ-Шагай-мэргынъ задалъ десяти-голового мангатхая, какъ желтаго турпана (аньир). Затѣмъ приходитъ двадцати-пяти головый мангатхай. Опять бо-рются три дня и три ночи и онъ убиваетъ мангатхая. Послѣ этого выходитъ тридцати-пяти-головый мангатхай Гурэ-Шара. Опять, проторовшись трое сутокъ, убилъ его (мангатхая). Выходитъ со-рока-пяти-головый Дыздэгырь-шара-мангатхай; черезъ трое сутокъ едва-едва побѣдилъ его. Потомъ борется пять сутокъ съ Таньир-шара-мангатхаемъ пятидесятипяти-головымъ до того, что выступаетъ черный потъ и размягчаются твердые кости и едва-едва осиливаетъ его. Послѣ всего этого ѣдетъ на каремъ иноходцѣ шестидесяти-пяти-головый Жортогоръ-шара-мангатхай и бучить «Гхун! гхун!

*) По вѣрованіямъ бурятъ, земля покрывается небомъ какъ-бы опро-кинутымъ котломъ, который то поднимается, то опускается, т. е. края кот-ла то лежатъ на землѣ, то поднимаются; такое движеніе постоянно, какъ движеніе магнита. Вотъ эти-то моменты и воспользовался Алтанъ-Ша-гай-мэргынъ и проскочилъ за предѣлы неба и земли, поставивъ между ними свой лукъ.

не храбрись, убившій моихъ пять братьевъ! я не почувствую тебя, какъ маленькое волокно мяса, засѣвшее въ зубахъ и не почувствую, какой имѣешь ты вкусъ» (т. е. прямо проглоту*). Схватились бороться. Борются такъ равно, какъ навьюченные объ половины на верблюды или на коня (т. е. ни та, ни другая сторона не перетягиваетъ). Борются шесть дней и шесть ночей, на седьмой день едва его побѣждаетъ.

Послѣ этого выходятъ три мангатхая съ 75, 85 и 95 головами. Что это, говорятъ, за хубилганъ, что побѣдилъ шесть нашихъ братьевъ? Вступаетъ въ борьбу семидесяти-пяти-головый мангатхай Борются семь сутокъ, тѣлю Алтанъ-Шагаю становится легкимъ и полы у него трясутся. Мангатхай свертываетъ его, какъ полы и волочить, какъ каломанъ (хубсыр**). Алтанъ-Шагаю кричитъ, какъ яманъ (козель), визжитъ какъ козленокъ (инзагаи) и жизни у него остается съ тонкую шелковую нитку. Въ это время подскакиваетъ на сивомъ конѣ парень, съ зубами въ лопату, съ темно-краснымъ лицомъ, схватываетъ Алтанъ-Шагаю, отбрасываетъ его въ сторону и самъ начинаетъ бороться. Опрокидываетъ семидесяти-пяти-головатаго мангатхая на правое бедро и такъ ударяетъ объ землю, что тотъ ушелъ въ нее до третьяго промерзанія, и изъ земли торчали только уши да болтался мизинецъ. Потомъ вступаетъ въ борьбу съ восьмидесяти-пяти-говымъ мангатхаемъ. Съ этимъ устранивается также. Наконецъ вступаетъ въ борьбу съ девяносто-пяти-говымъ мангатхаемъ. Борются три мѣсяца и едва онъ побѣждаетъ этого послѣдняго мангатхая.

Послѣ этой побѣды, парень этотъ подходитъ къ Алтанъ-Шагаю. Алтанъ-Шагаю спрашиваетъ его: «Чей ты сынъ»? «Я Унтэ-Тархіева Алтанъ-Шагаю-мэргына сынъ». «Какъ твое имя»? «Багаю Бакинэ-Нюдарга***) я называюсь». «Если ты дѣйствительно мой сынъ,

*) Шудуви мии шиешэ болхо угей-ш аманн мии амтурга болхо угей-ш. О. 3—сз.

**) Хубсыр по бурятски коверъ изъ конскихъ и бараньихъ волосовъ; русскіе такой коверъ называютъ каломаномъ. О. 3—сз.

***) Нюдарга «кулакъ».

О. 3—сз.

отойди на одинъ день разстоянія и выстрѣли такъ, чтобъ стрѣла от-
дѣлила ноготь отъ большаго моего пальца, не коснувшись мяса
(архайнъ хюмогай мини хара саган хоюр дундурэнь тагха харбажи*).
Этотъ парень уходитъ, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ ноготь напрочь
между бѣлымъ и чернымъ. «Дѣйствительно, говорятъ, ты мой сынъ!»
Садятъ его на правое колѣно и нянчить, какъ маленькаго; садятъ
на лѣвое колѣно и водятся съ нимъ (приголубливаютъ), какъ съ
младенцемъ и ласкаютъ его. Послѣ этого разрушаютъ все царство
мангатхая; движимое все, не оставляя маленькаго ножичка, обрывка
ремня (ихомошин хухархай улэнбээр хурита архай улэнбээр), забира-
ютъ, а недвижимое сжигаютъ. Ищутъ старшаго брата и невѣстку
и пахотать ихъ пасущими скотъ; у нихъ выколото по глазу, сло-
мано по одной рукѣ и ногѣ. Нашедши ихъ, исцѣляютъ ихъ по-
средствомъ большаго и указательнаго пальцевъ и приводятъ ихъ въ
прежній видъ. Всѣ вмѣстѣ возвращаются. Столько ведутъ за собой
скота, что его едва вмѣщаетъ надъ и едва напиваетъ источникъ.
Со всѣмъ этимъ приходитъ домой. Скота размѣщаетъ по падамъ,
а народъ расселяетъ по городамъ. Послѣ этого устраиваютъ пиръ и
гуляютъ девять дней и девять ночей. Мясa было наварено пригорки
и имъ бросались, было выставлено озеро водки и въ ней купались.
Одержавши побѣду, зажили благополучно.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ
со словъ П. Н. Синельникова, почетн.
гражданина изъ аларскихъ бурятъ.

*Другой вариантъ окончанія сказки: «Алтанъ-Шагай-
мэргынъ».*

Когда Алтанъ-Шагай, послѣ побѣды надъ мангатхаями, съ сы-
номъ возвратился домой и отдыхалъ, приходятъ къ нимъ два ско-
рыхъ посла. Достигши къ Алтанъ-Шагай-мэргыну, посланники го-
ворятъ: «Насъ послали Жоргонтэйши-Эрхэтэ-Жоргодой-мэргынъ,

*) Буквально: чтобъ пролетѣла между чернымъ и бѣлымъ, т. е. отор-
оготь. О. 3—82.

сынъ мѣсяца (гхарани-хубунъ) Гхагаль-мэргынъ, сынъ солнца (на-рани хубун) Нагада-мэргынъ, сынъ Плеядъ (Мѣшина хубун) Мэргынъ-Дэгэ, Гэгэнь-Саганъ тэнгэрини (свѣтлаго бѣлаго неба) Гырыль-Саганъ-баторъ и Анзанъ-Шумэръ-баторъ, чтобъ привести тебя Алтанъ-Шагай вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ Багай-Бакша-Нюдургаемъ и чтобъ вы вмѣстѣ съ ними шли освободить Абай-Гысыра, котораго Лобсоголдой-мангатхай превратилъ въ неутомимаго осла и мучить его, вснаживая и заборанивая на немъ по шестидесяти десятинъ земли въ день. Тогда говоритъ: «Черезъ три дня и три ночи отправимся!» Приготовляются три дня и три ночи и отправляются вмѣстѣ съ Багай-Бакша-Нюдургаемъ. Пріѣзжаютъ къ Жоргодой-мэргыну. Ставши девять молодцовъ, направляются прямо къ Лобсоголдой-мангатхаю. И такъ шли, шли и шли. Узнавши объ этомъ, Лобсоголдой садится на дряннаго сиваго коня, понужаетъ его спереди и сзади сорокапудовымъ молотомъ, приближается прямо навстрѣчу къ нимъ и встрѣчается съ ними на тракту. Лобсоголдой-мангатхай спрашиваетъ ихъ: «Что вы за люди, откуда и куда шестуете?» Тогда Алтанъ-Шагай крикнулъ звчнымъ голосомъ, какъ десять тысячъ человѣкъ, гаркнулъ, какъ тысяча человѣкъ: «Ахъ ты безротій, мучацій Абай-Гысыра и забравній все!» Лобсоголдой-мангатхай и говоритъ Алтанъ-Шагаю: «Некричи широко-то! Я не почувствую твоего вкуса и не покажешься ты мнѣ весь съ шигэшэ (маленькій кусочекъ мяса, засѣвшій между зубами)! какъ будемъ состязаться въ спѣхъ, бороться или стрѣляться?» «Будемъ бороться» (эманъ хунэр болой)! сказалъ Алтанъ-Шагай. Сговорившись бороться, свиваютъ себѣ посолья изъ старой-старой бѣлой березы, дѣлаютъ оборки къ обуви изъ тоненькой березы. Затѣмъ трое изъ нихъ: сынъ мѣсяца (гхарани хубун) Гхагаль-мэргынъ, сынъ солнца (нарани хубун) Нагада-мэргынъ и сынъ Плеядъ (Мѣшина хубун) Мэргынъ-Дэгэ вступаютъ въ борьбу съ мангатхаемъ. Лобсоголдой-мангатхай схватилъ этихъ трехъ славныхъ молодцовъ за одинъ разъ и бросилъ въ мѣстность Абай-хани-Алтанъ-Дэргэнъ*);

*) Абай хани алтанъ дэргэнъ, «Золотая телега Абай-хана» (?). Ред.

всѣ они трое свалились, упали, какъ шагай (таранная кость). Послѣ этого вступаютъ въ борьбу съ мангатхаемъ: кровлянаго краснаго неба (шугхан улан тэнгэри) Шудай-Уланъ-баторъ, (свѣтлаго бѣлаго неба (гэгэн саган тэнгэрин) Гырьль-саганъ-баторъ и Анзанъ Шумаръ-баторъ; ихъ мангатхай такъ-же бросилъ. Затѣмъ съ намъ вступили въ борьбу: Алтанъ-Шагай-мэргынъ, Багай Бакша-Нюдурга и Жоргодой-мэргынъ. Сдѣлились такъ ровно какъ въюки, которые хотъ на коня, хотъ на верблюда бросай; борются три дня, три ночи, борются девять дней, девять ночей, и такъ пророборолись три года. По всему свѣту дымъ и пыль поднялись; небо дномъ сдѣлалось, какъ ночью; птицы не могли найдти своихъ птенцовъ, козы потеряли своихъ козлятъ. Въ то время какъ была сильная темнота, Эсэгэ-Маланъ-тэнгри, чтобъ узнать, что происходитъ у нижнихъ обитателей, что за война, что за сраженіе, отрываетъ номъ (законъ) и видитъ, что три славныхъ молодца уже три года борются съ Лобсоголдой-мангатхаемъ и не могутъ побѣдить его и сами чуть не побѣждены. Тогда Эсэгэ-Маланъ-тэнгри даетъ приказаніе Гунынъ-Саганъ-тэнгрию, чтобъ онъ поразилъ громомъ Лобсоголдой-мангатхай. Гунынъ-Саганъ-тэнгри загремѣлъ и зазвенѣлъ отъ одного края небеснаго до другаго, заблестала молнія и затряслась сильно земля; молнія разразилась надъ верхушкой Лобсоголдой-мангатхай, а мангатхай остался даже не опаленнымъ; вырываетъ съ корнемъ большую красную листовень, бросаетъ ею въ Гунынъ-Саганъ-тэнгриа и попадаетъ въ него вскользь, такъ что Гунынъ-Саганъ-тэнгри лишился чувствъ и едва могъ рассказать все это Эсэгэ-Маланъ-тэнгрию. Въ это время у славныхъ молодцовъ уже забилось пестрое сердце и погнулись ребра. Волочятъ этихъ трехъ славныхъ молодцовъ, какъ полами метётъ; жизнь у нихъ остается только съ шелчинку (съ шелковую нитку).

Послѣ того, какъ Алтанъ-Шагай отправился, у него родился сынъ Баторъ-Сокто-мэргынъ. Этотъ сынъ спрашиваетъ: «Гдѣ мой отецъ?». Мать говоритъ: «Отецъ твой побѣжденъ и убитъ на

войнѣ», но когда и гдѣ, не объяснила. Въ это время въ котлѣ варилось молоко; тогда Баторъ - Сокто - мэргынъ выбѣгаетъ на улицу, выпускаетъ семьдесятъ красныхъ телятъ и кричить: «Мать! мать! семьдесятъ красныхъ телятъ сосутъ матерей!» Мать выбѣгаетъ бѣгомъ. Пока она отлучалась и садилась телятъ, парень подложилъ дровъ и огонь сильно разгорѣлся, молоко закипѣло. Спрятавъ чашки и поваренки, кричить: «Мать! молоко плаваетъ!» Мать выбѣгаетъ и не можетъ найти ни чашки, ни поваренки. Тогда парень беретъ обѣ руки матери и начинать ими мѣшать молоко; та кричитъ, какъ козель (яманъ), визжитъ, какъ козленокъ (визаганъ), а онъ, приговаривая, спрашиваетъ: «Гдѣ мой отецъ»? Тогда мать говоритъ: «Прямо на югъ съ Лобсоголдой-мангатхаемъ уѣхалъ воевать и до сихъ поръ еще не вернулся». Узнавши (собственно: взявши слово), лечитъ обожженную руку матери большимъ пальцемъ, исцѣляетъ указательнымъ (эрхээрэ эмвэтъ долѣбороро домнот орхѣбо). Послѣ этого беретъ и тащить большелобого барана на гору Сукто-Сумбырь и дѣлаетъ тайлаганъ Эсэгэ-Маланъ-тэнгрию и проситъ его: «Приготовь мнѣ одѣваться одежды, подготовь мнѣ военные доспѣхи и подготовь мнѣ коня для ѣзды!» Такъ молился. Узнавши все это Эсэгэ-Маланъ-тэнгри рѣшаетъ (Эсэгэ-Малан-тэнгир мэдэн доторъ мээржи, ухан доторо ойложи): «Это приноситъ тайлаганъ и проситъ одежды, коня и доспѣхи мною созданный парень!» Приводитъ девять небесныхъ шитницъ и заставляетъ ихъ сшить одежду, приказываетъ девяти кузнецамъ приготовить доспѣхи, посылаетъ двухъ пословъ-скороходовъ поймать жеребенка, родившагося отъ чалой кобылы и ходящаго въ табунѣ жеребца Эхэ-Буракши. Эти два славныхъ посла никакъ не могутъ поймать жеребенка. Тогда мать этого жеребенка говоритъ: «Вы такъ этого моего жеребенка никакъ не поймаете!» «А какъ-же намъ ловить его?» «Выврите изъ моего хвоста три волоска, сдѣлайте изъ нихъ петлю, прикрепите ее на хвостинѣ изъ мягкой бѣлой травы и, когда накинете на него петлю, говорите: «Если ты разорвешь золотые

волоски твоей матери, будетъ тебѣ вѣчный грѣхъ, а если ты изломаешь мягкую траву, вѣчно будешь ходить безъ пищи!» И такъ жеребенокъ поддакъ и когда эти два славные посла сказали ему, какъ научила ихъ мать его, онъ остановился, какъ вкопанный и стоять смирихонько, какъ съѣжившійся спящій заяцъ. Обуздываютъ его наборной серебряной уздой, надѣваютъ на него серебряную обротъ и ведутъ его къ Эсэгэ-маланъ-тэнгрию. Затѣмъ Эсэгэ-Маланъ-тэнгри навьючиваетъ на этого жеребенка всѣ одежды и доспѣхи и передаетъ его крылатому бѣлому бурхану, чтобъ онъ спустился и вручилъ его господину. Бурханъ этотъ спустился и кричитъ Баторъ-Сокто-мэргыну: «Если ты молодець, поймай этого за шелковый плетеный поводъ, поверни его и развяжи сразу сто восемь петель (зун найман зангилаинъ хубо татажи абахышь) и возьми ихъ*); если-же не поймаешь, онъ своими четырьмя копытами разобьетъ тебя въ дребезги». Сказавши такъ, опустилъ его (т. е. жеребенка). Конь этотъ понесся, какъ брошенный камень; летитъ, какъ соколъ со свистомъ. Баторъ-Сокто-мэргынъ схватываетъ за шелковый плетеный поводъ, повертываетъ и останавливаетъ, развязываетъ сразу сто восемь петель и беретъ доспѣхи. Затѣмъ осматриваетъ одежды и находитъ ихъ вполне исправными, натягиваетъ лукъ, осматриваетъ его и говоритъ: «Зимую держать этотъ лукъ еще ничего, тугой, а лѣтомъ мягковать». Садится на коня и беретъ въ руки поводья; конь вспрыгиваетъ до небесъ, спускается до земли и только благодаря ловкости своей Баторъ-Сокто удерживается на немъ. Какъ держась, приѣзжаетъ домой. Мать увидала его въ окно и не узнала и, испугавшись, едва сидитъ. Думая, что это какой-то воинъ, она спряталась подъ бараномъ (подставка подъ лицами въ юртѣ), и, помѣстившись тамъ вся, все таки лежитъ. Баторъ-Сокто-мэргынъ входитъ, видитъ мать подъ бараномъ и спрашиваетъ ее: «Что ты это мать?» Та выходитъ и говоритъ: «Я думала, что ѣдетъ какой-то воинъ»!

*) Здѣсь разумѣются доспѣхи, которые были въ торокахъ; ихъ-то бурханъ и приказываетъ взять, развязавъ сразу сто восемь петель. О. 3—8а.

«Ну, я поѣду искать (разыскивать) отца!» Сказавъ такъ Баторъ Сокто-мэргынъ и поскакалъ прямо на югъ. Ыдетъ, ѣдетъ долго-ли коротко-ли, близко-ли, далеко-ли. У трехъ молодцовъ, боровшихся съ Лобсоголдой-мангатхаемъ, остается жизни только съ шелковую нитку. «Пожалуй, они доживутъ, пока я прѣду», говоритъ. Взявъ, дернулъ коня вправо, поворотилъ влѣво, ударилъ плетью, подскакиваетъ къ Лобсоголдой-мангатхаю и конь Батора хватилъ Лобсоголдою своими четырьмя копытами такъ, что не осталось запаха отъ его внутреннихъ нечистотъ и не уцѣлѣло косточки грызть лисицѣ. Немогшіе поборотъ Лобсоголдой-мангатхая три молодца лежать. Баторъ-Сокто подходитъ къ нимъ, (ставитъ) поднимаетъ ихъ и переноситъ на вершину горы Сукто-Сумбырь. Потомъ убиваетъ одной стрѣлой изюбры и матку, жаритъ ихъ и мясо ихъ начинаетъ поправлять этихъ трехъ молодцовъ. Тогда они спрашиваютъ его: «Изъ какого мѣста, изъ какого царства ты, парень?» «Я сынъ Алтанъ-Шагай-мэргына и называюсь я Баторъ-Сокто-мэргынъ». Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ тогда: «Если ты дѣйствительно мой сынъ, отойди на разстояніе одного дня пути и выстрѣли такъ, чтобъ отдѣлить ноготь отъ праваго большаго пальца между чернымъ и бѣлымъ, не задѣвъ мяса». Парень этотъ отошелъ на разстояніе одного дня пути и выстрѣливалъ именно такъ, какъ было ему сказано. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мэргынъ садитъ его на правое колѣно и ласкаетъ его, какъ маленькаго, садитъ его на лѣвое колѣно и приглубливаетъ его, какъ однолѣтняго. Потомъ отправляются разыскивать шесть славныхъ молодцовъ и находятъ ихъ въ мѣстожительствѣ Абай хана, въ мѣстности Алтанъ-Дэргэнъ. Стали вдесятеромъ и отправляются къ мѣстожительству Лобсоголдой-мангатхая. Приходятъ и видятъ червожелѣзный дворецъ, протянувшійся во всѣ стороны по шестидесяти верстѣ. Пришедши сюда, выбиваютъ туда проходъ, выламываютъ черножелѣзные ворота. Абай-Гысырь-богдо оказывается запертымъ въ трехэтажномъ желѣзномъ амбарѣ. Баторъ-Сокто-мэргынъ разбиваетъ ногой двери этого амбара и выводитъ

его оттуда, превращеннаго въ неутонимаго осла. Выведши, ударилъ его по правой щекѣ; изъ нея потекло какое-то поганое зелье; ударилъ его по лѣвой щекѣ, сильно пошелъ гной. Абай Гысырь приходитъ въ чувство и говоритъ: «Ахъ, какъ я долго спалъ!» И спрашиваетъ: «Изъ какого мѣста, славные молодцы?»

Мы такіе и такіе, говорятъ ему. «Ну, спасибо вамъ!» говоритъ Абай-Гысырь-богдо. «Будьте, богатыри, моими товарищами!» Затѣмъ входятъ въ черный желѣзный дворецъ и видятъ сидящую Лобсоголдой-мангатхалъ кривую бѣлую царицу (салир саган хатунъ гхубо). Баторъ-Сокто-мэргынъ разможилъ ей вдоль пополамъ голову и убилъ ее. Въ это время изъ нутра этой женщины вылетѣлъ мальчикъ и поднимается на небо. Баторъ-Сокто-мэргынъ выбѣгаетъ на улицу и видитъ его кажушимся съ кльца (хашиги ши-нэн). Беретъ лукъ, накладываетъ золотую стрѣлу, прицѣливаясь попасть въ смертельное мѣсто; при этомъ говоритъ: «Если намъ суждено побѣдить, попади прямо между шейными позвонками (амаргал хузугэринъ тагха тудан опорэ гэт), а если намъ суждено погибнуть, пропади тамъ!» Стрѣла эта поразила парня насмерть. Послѣ этого они забираютъ весь скотъ, всякое имущество, не оставляя ни обрывка ремня, ни обломка маленькаго ножика. Идутъ, едва помѣщая скотъ въ пади, едва напавая его въ ручьяхъ. Приходятъ къ Гысырь-Хану и устраиваютъ на три дня пиръ и гулянку. На четвертый день Гысырь-богдо говоритъ: «Чтобъ уничтожить совершенно сѣмя (потомство) мангатхаевъ, необходимо подавить на восемнадцатомъ небѣ бабу Мойсъ-Хара. Если мы ее задавимъ, уничтожится сѣмя мангатхаевъ (потомство мангатхаевъ). Ты, Баторъ-Сокто, живо сходи и уничтожь ее!» Баторъ-Сокто говоритъ: «Я пойду, только дайте мнѣ еще двухъ товарищей!» Тогда даютъ ему краснаго кровянаго неба Шудай-Уланъ-богатыря и Анзанъ-Шумерь-богатыря. Всѣ эти славные молодцы отправляются и идутъ долго-ли, коротко-ли, опредѣляя зиму по щекотанію пестрой сороки, и примѣчая лѣто по пѣнію овсянки (алтанъ гургулдаин дугаръ). Когда они на-

чинають достигать восемнадцатаго неба, Мойсь-Хара-изы, узнавши это, посылаетъ черную птицу съ мѣднымъ клювомъ Тадь (тад хара шубуэ), чтобъ она проклевала черепа этихъ трехъ славныхъ молодцовъ и высосала изъ нихъ бѣлоторожный ихъ мозгъ. Когда птица эта начала приближаться, Баторь-Сокто-мэргынъ, превратившись въ черную муху, усѣлся на спину этой птицы и летитъ на ней. Птица эта прилетаетъ къ двумъ славнымъ молодцамъ, пробиваетъ ихъ черепа и высасываетъ ихъ бѣлоторожный мозгъ; не могши найти третьяго парня, возвращается (поднимается). И Баторь-Сокто поднимается вмѣстѣ съ этой птицей. Птица, прилетѣвъ, говоритъ Мойсь-Хара-изы (бабѣ): «Когда я подлетала, видѣла троихъ; у двоихъ я высосала мозгъ, а третьяго, окруживъ семь разъ семь частей свѣта и обойдя восемь разъ восемь небесныхъ частей, нигдѣ не могла найти и такъ возвратилась». Мойсь-Хара-изы говоритъ ей: «Ты видѣла свои рѣсицы (т. е. ты ошиблась), прибавивъ третьяго». Когда они такъ говорили, Баторь-Сокто-мэргынъ все слушалъ. Мойсь-Хара-изы жила въ желѣзномъ амбарѣ и не было двери, черезъ которую бы можно было входить туда; кормили же ее черезъ проведенную трубу. Черезъ эту-то трубу, когда подавали пищу, и вошелъ Баторь-Сокто-мэргынъ, связавъ эту Мойсь-Хара-изы веревкою въ тысячу ручныхъ сажень такъ крѣпко, что веревка врѣзалась до костей; разворотивши желѣзный амбаръ, вышелъ. Вышедши, всё строеніе поджогъ и сожегъ, а самую Мойсь-Хара-изы привязавъ къ торокамъ и спускается къ нижнимъ обитателямъ. На половинѣ спуска онъ посмотрѣлъ въ торока, Мойсь-Хара-изы не оказалось; смотритъ своими сѣробѣлыми глазами туда и сюда и видитъ, что она уже почти достигаетъ восемнадцатаго неба. Баторь-Сокто-мэргынъ беретъ свой лукъ Манзанъ-Шара, накладываетъ золотую стрѣлу и прицѣливается въ смертельное мѣсто; она же видна въ величину вши (богхон шинэн); выстрѣливъ въ нее, наказывая стрѣлѣ попасть въ мѣсто подлѣ перваго шейнаго позвонка, на который упирается голова (т. е. подлѣ

атланта, «амаргай саган хузуи тагха туша унга») и отбѣчь голову (уронить). Стрѣла эта ударяетъ въ атлантъ и убиваетъ бабу Мойсъ-Хара-изы, которая и падаетъ, простираясь черезъ три падн. Баторъ-Сокто голову привязываетъ въ торока, а прочее тѣло сожигаетъ. Затѣмъ отправляется царскимъ трактомъ и прѣзжаетъ къ костямъ двухъ славныхъ молодцовъ. Подбираетъ кости, три раза плюетъ на нихъ, три раза перешагиваетъ черезъ нихъ и такъ оживляетъ ихъ (поднимаетъ). Парни эти приводятъ себя въ порядокъ, какъ спросонка и говорятъ: «Какъ мы долго спали!» и спрашиваютъ Баторъ-Сокто-мэргына: «Что, одержалъ побѣду»? Тотъ говоритъ: «Посмотрите въ торокахъ находящуюся голову». Тѣ удивляются. Затѣмъ все три молодца отправляются. Прошедши одинъ день пути, устраиваютъ ночевку. Двое изъ нихъ, думая, что Баторъ-Сокто-мэргынь уснулъ, сговариваются выкопать въ восемьдесятъ сажень яму и бросить въ нее Баторъ-Сокто-мэргына и представить голову, какъ будто они убили бабу Мойсъ-Хара. Выкопали восьмидесяти-саженную яму и начинаютъ стаскивать въ нее Баторъ-Сокто-мэргына. Тотъ вдругъ вскакиваетъ и говоритъ: «Что это»? Видитъ восьмидесятисаженную яму, спрашиваетъ: «Это что такое у васъ»? Тѣ ничего немогутъ сказать. Тогда Баторъ-Сокто-мэргынь, сказавши, что такую большую яму, нельзя оставить безъ владѣльца, ваялъ и бросилъ этихъ двухъ молодцовъ туда, а самъ отправился. Приходить къ Гысырь-хану и отдаетъ ему голову. Тотъ очень радуется этому и говоритъ: «И такъ мы уничтожили сѣмя мангатхаевъ!»

«А гдѣ же твои два товарища»? спрашиваетъ Баторъ-Сокто-мэргына Абай-Гысырь-богдо. «Меня они хотѣли убить, выкопали восьмидесятисаженную яму и когда хотѣли свалить въ нее, я пробудился и, чтобъ такая большая яма не осталась безъ владѣльца, бросилъ ихъ въ нее». Тогда Гысырь-ханъ говоритъ: «Они намъ послѣ пригодятся». Приказываетъ вытащить ихъ изъ ямы и привести и дѣлаетъ имъ строгій выговоръ, чтобъ они на будущее время такъ не поступали. За-

тѣмъ прогулявши три дня и три ночи, всё разошлись по своимъ мѣстамъ. Съ тѣхъ поръ и перевелось потомство мангатхаевъ. Ан хужи ашта бурханда тushэбэ.

Записано О. Н. Затопляевымъ со словъ П. Н. Синельникова, поч. поч. гражданина изъ бурятъ аларскаго вѣдомства.

II.

Дуранъ-сынъ и волшебный перстень:

(Тынык хубун былыгэтэй).

Жилъ одинъ богатый купецъ; имѣлъ жену и одного сына дурака (тынык хубун) и тысячу рублей денегъ. Не могли научить сына грамотѣ, истратили тысячу рублей. Когда отецъ умеръ, оставилъ тысячу рублей, чтобы на эти деньги выучить сына. Утромъ (однажды) сынъ встаетъ и проситъ у матери тысячу рублей, чтобы идти на базаръ и купить что-нибудь. Взялъ. Не могли найти ничего, возвращается домой и встрѣчаетъ одну русскую женщину со щенкомъ «Что просишь за эту собаку?»—А ты что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдалъ тысячу рублей, взялъ собаку и возвратился домой. Мать спрашиваетъ его: «Что купилъ?»—«Щенка я купилъ». На слѣдующее утро опять проситъ у матери тысячу рублей. Та даетъ сыну тысячу рублей. Опять утромъ отправляется на базаръ и ничего не находитъ взять. Опять (встрѣчаетъ) идетъ одна женщина, держащая (обнимающая) кошку. «Продай мнѣ ея», говоритъ. «Что просишь?»—А ты что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдавъ, взялъ кошку и возвратился домой. «Что купилъ?» спрашиваетъ мать. «Кошку», говорятъ. Потомъ уснулъ. Утромъ всталъ и опять проситъ у матери тысячу рублей. Опять даетъ ему. Опять онъ отправляется что-нибудь купить на базаръ. Три русскихъ мальчика (гурбун мангат хубун) держать змѣю, намѣревались убить ее. «Ахъ, какая хорошенькая! Продайте ее мнѣ!»—Что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдавши, беретъ змѣю. Взявши змѣю, возвра-

щается. Змѣя дѣлается большой и съ крыльями и говоритъ: «Сядись на меня!»—Иѣтъ не сяду! «Если ты не сядешь, я тебя убью!» Испугавшись, сѣлъ на нее. Змѣя летитъ. Летитъ ниже неба, выше облаковъ и достигаетъ большого чернаго моря. «Я войду въ это море, а ты меня подожди; отца не бойся!»

«Три парня хотѣли лишить меня жизни; онъ же сохранилъ мнѣ жизнь, взявши меня; ему нужно дать что-нибудь!» «Что просишь?»—Я прошу надѣтый у тебя на правой рукѣ большой серебряный перстень (быгыгэ). «Не сказано иѣняую вещь просишь ты у меня».—Почему ты жалѣешь его?—Тогда отецъ отдалъ перстень.

Послѣ этого змѣй, сынъ большого Абарги змѣя (абарга іаха могоин хубун), объясняетъ этому дураку парню: «Что бы тебѣ только нужно было сдѣлать, сдѣлается; брось четыре раза этотъ перстень, изъ него выйдутъ двѣнадцать богатырей и спросятъ: что дѣлать? Что тебѣ только нужно будетъ сдѣлать, сдѣлають». Подбросилъ этотъ перстень четыре раза и вышли изъ него двѣнадцать богатырей. «Запрягите трехъ карихъ иноходцевъ въ повозку!» Запрягли въ повозку тройку карихъ иноходцевъ. Онъ въ нее сѣлъ и отправился домой. И такъ ѣдетъ, возвращаясь домой. Доѣхавши до дома, выходитъ изъ повозки, подбрасываетъ три раза перстень, ни повозки, ни коней не стало, а упалъ перстень. Завернулъ его въ черный шелковый платокъ, положилъ перстень въ правый карманъ и входитъ въ домъ. Когда онъ вошелъ, мать спрашиваетъ его, откуда пришелъ. «Три русскихъ человека хотѣли убить змѣю и я купилъ ее. Змѣя эта потомъ сдѣлалась крылатой и, посадивъ меня на себя, унесла къ себѣ домой; принесши, говоритъ мнѣ: не бойся моего отца! Вышла отъ отца и дала мнѣ одинъ перстень. Взявши этотъ перстень, я возвратился домой».

Сказавъ матери, чтобъ ни объ чемъ не беспокоилась, уснулъ. Вставши, говоритъ: «Я хочу жениться на дочери Баянъ-хана^{*)}. Ты мать, сходи и спроси» (его согласія)!—Мы ничего не имѣемъ; онъ

^{*)} Баянъ—богатый.

насъ убьетъ (такъ сказала сыну). «Не беспокойся, говорить; ничего съ тобой не случится. Иди и проси» (согласія)!

Мать приходитъ спрашивать. Пришла на дворъ Баянъ-хана. Царь этотъ выходитъ изъ избы и спрашиваетъ: За чѣмъ пришла? «Дуракъ сынъ послалъ меня просить дочь твою въ замужество ему». Тогда этотъ царь говоритъ: «Устройте отъ своего двора до моего серебряный мостъ съ золотыми перилами, чтобъ подъ нимъ протекалъ черный ручей, въ которомъ бы играли семьдесятъ разныхъ рыбъ, чтобъ по обѣ стороны росли семьдесятъ различныхъ деревь, чтобъ птицы всей вселенной были и пѣли» (разными голосами), сказалъ. «Когда все это будетъ, бери мою дочь и дѣлай ее женой» (сына)! сказалъ. Приходитъ домой и говорить это сыну. «Не беспокойся, спи!» Уснувши, этотъ парень въ полночь встаетъ, выходитъ на улицу, вынимаетъ изъ праваго кармана перстень, бросаетъ его три раза, выходятъ двѣнадцать богатырей и спрашиваютъ: что дѣлать? Спрашивающимъ говоритъ: «Отъ моего двора до царскаго устройте серебряный мостъ съ золотыми перилами, чтобъ подъ нимъ протекалъ черный ручей, въ которомъ бы играли семьдесятъ различныхъ рыбъ; кромѣ этого, чтобъ росли семьдесятъ различныхъ деревь, чтобъ птицы всей вселенной пѣли». Сказавши, вошелъ и уснулъ.

На утро всталъ, что было приказано сдѣлать, все готово. Перстень этотъ подбрасываетъ три раза, двѣнадцать богатырей исчезаютъ и онъ перстень кладетъ въ карманъ. Опять посылаетъ мать, чтобъ сходила и спросила. Уходитъ и опять останавливается у двери. Этотъ богатый царь выходитъ и спрашиваетъ: «Ты за чѣмъ пришла?» — Я пришла сватать. «Нѣтъ, я дочь не отдамъ. А вотъ прямо на сѣверо-западѣ тридцать лѣтъ пути отсюда есть кабанъ (гахай бодон), рыломъ пашущій землю, хвостомъ боронящій и сѣющій хлѣбъ. Если этотъ кабанъ будетъ доставленъ ко мнѣ на дворъ, тогда я дочь свою выдамъ».

Мать возвращается домой и рассказываетъ сыну сказанное ца-

ремь. Сынъ говоритъ матери: «Не беспокойся, спи!» Въ полночь встаетъ, вынимаетъ перстень, три раза подбрасываетъ его; вышедшіе двѣнадцать богатырей спрашиваютъ, что имъ дѣлать. «Прямо съ сѣверо-запада доставьте кабана». Сказавши, вошелъ въ домъ и уснулъ. Утромъ всталъ; что было приказано сдѣлать, сдѣлано. Бросаетъ перстень три раза и богатыри исчезаютъ. Перстень положилъ въ карманъ. Посылаетъ мать къ Баянъ-хану. Уходитъ и опять останавливается около двери. Опять выходитъ ханъ и спрашиваетъ: «Ты зачѣмъ пришла?»—Я пришла сватать. «Я дочь не отдамъ, говорятъ Баянъ-ханъ, если не будетъ приготовленъ для вѣнчанія молодыхъ семизолотоглавый соборъ и чтобъ главы были изъ чистаго золота; чтобъ было приготовлено тринадцать базаровъ; чтобъ ѣхать жениху и невестѣ (парню и дѣвкѣ) была готова золотая повозка, въ которую была бы впряжена тройка свѣтло (золото)-соловыхъ лошадей (гурбун алтан шарга морѣ). Кромѣ этого, чтобъ и мнѣ была приготовлена золотая повозка, въ которую была бы впряжена тройка карихъ иноходцевъ, чтобъ спереди и сзади бѣжали проводники; еще кромѣ этого, чтобъ ѣсть молодымъ былъ бы приготовленъ (вылить) золотой столъ; для угощенія народа и подданныхъ, чтобъ пища и питіе были не истощимы. Такъ скажи сыну!» сказалъ. «А завтра съ восходомъ солнца пусть приходитъ жениться!»

Возвращается домой и рассказываетъ сыну сказанное царемъ. Сынъ говоритъ: «Не заботься, спи!» Спитъ. Въ полночь вынимаетъ перстень, подбрасываетъ его три раза; являются двѣнадцать богатырей и спрашиваютъ, что имъ дѣлать. Приказываетъ имъ сдѣлать то, что приказалъ сдѣлать ханъ. На утро встаетъ и все готово. Парень запрягаетъ (коней) въ золотую повозку и отправляется къ хану. Приходитъ туда; перебрасываются хитрыми (словами), мѣняются огнивомъ и ножикомъ и дѣлаютъ просватаніе (тэндэ ошожи хыб хурэй хэлсяжи хэтэ хотегойэ андалдажи худая орожи). Садятся въ двѣ золотыя повозки, отправляются въ соборъ и вѣнчаются. Пріѣзжаютъ домой и устраиваютъ пиръ. Водки озера, мяса пригорки (горы)! А какъ

водки озера, въ ней купаются, а какъ мяса горы, имъ бросаются, гуляя (бесѣдя).

Прогулявъ девять дней и девять ночей, провожаютъ гостей. Проводивши гостей, говорить въшьѣ и собакѣ: «Я отправлюсь въ гости къ тестю, а вы караульте хорошенько домъ». И такъ отправился къ тестю. Составляется гулянка. Послѣ этого тесть говорить дочери: «Разузнай, какъ все это устроилъ твой мужъ». Послѣ этого, погулявъ у тестя, возвратился домой и живуть два или три года; родилось трое дѣтей. (Однажды) говорить мужу: «Вотъ мы уже три года женились и у насъ трое дѣтей. Расскажи, какъ все это ты сдѣлалъ». — Нѣтъ, я тебѣ не скажу. «Скажи!» настаиваетъ. «Почему же ты мнѣ не вѣришь послѣ того, какъ у насъ уже трое дѣтей?» Тогда онъ говорить: «Все это я произвелъ посредствомъ перетня, который ношу на правой рукѣ».

Послѣ этого живуть два мѣсяца. Тогда она просить: «Дай, говорить, поносить мнѣ этотъ перстень!» Отдаетъ. Взявши, ночуетъ двѣ noci. На третью сутки эта женщина въ полночь встаетъ, снимаетъ съ пальца перстень и подбрасываетъ его три раза; являются двѣнадцать богатырей. Что будемъ дѣлать? спрашиваютъ. «Отсюда прямо на сѣверо-востокъ, на девяносто лѣтъ пути, къ Шазагай-номонъ-хана сыну, царю Соломону*) отнеси, отдайте меня!» такъ сказала. «Все находящееся въ домѣ (изъ дома) этого мужа съ матерью, съ собакой и кошкой оставьте, а все прочее отнесите къ сыну Шазагай-номонъ-хана». Вошла и уснула.

На завтра жена встала и оказалась сидящей у сына Шазагай-номонъ-хана. Дуракъ же парень на утро встаетъ и оказывается въ такомъ же старомъ домѣ, въ какомъ жилъ раньше и также бѣденъ; сидитъ, печалится и плачетъ, думая, въ какую сторону и къ какому царю она отправилась. Когда онъ сидѣлъ такъ, приходитъ

*) При первоначальной передачѣ рассказчикъ назвалъ этого царевича паремъ Соломонъ, но при дальнѣйшихъ разспросахъ онъ далъ ему имя: Хартагай-хани-харажи-муя-хубунъ; другіе же называютъ его: Хартагай-хани-харажи-мина-хубунъ.

къ нему тестъ Байнъ-ханъ и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ его дочь. Потомъ парень говоритъ: «Я имѣлъ перстень, посредствомъ котораго производилъ все. Перстень этотъ она надѣла и ходила. Сегодня я утромъ всталъ, ничего нѣтъ. Куда это, къ какому хану все перенесено, сижу и гадаю». — «Если ты не найдешь въ теченіи трехъ лѣтъ, я тебя казню, вытяну тебѣ жилы и снесу голову!» Такъ сказалъ этотъ ханъ. Тогда кошка и собака говорятъ парню: «Мы отправимся искать, а ты сиди дома!» Они отправились. По уходѣ ихъ этого зятя парня взяли и засадили въ чугунную тюрьму. Кошка и собака идутъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконецъ достигаютъ чернаго моря. Ходятъ по берегу взадъ и впередъ и не могутъ найти удобнаго перехода. Тогда кошка спрашиваетъ собаку: «Можешь ли ты переплыть на ту сторону моря?» Собака говоритъ: переплыву! «А я на тебѣ переплыву!»

Входятъ въ воду, съ трудомъ переплываютъ на другую сторону и отдыхаютъ. Идутъ отсюда дальше и видятъ семиглавый соборъ.*) «Дѣйствительно это тотъ самый!» рѣшаютъ и тогда кошка говоритъ собакѣ: «Я отправлюсь туда, а ты послѣ меня иди тихонько. Я пришедши впередъ, буду ласкаться около стряпки; ты же, пришедши тихонько, ходи за дворомъ и лай». Кошка отправилась и начала всячески ласкаться къ стряпкѣ. Послѣ того, какъ прошло полгода, рѣшили, что кошка хорошенькая, перевели ее въ горницу къ женѣ царя Соломона, которая и спала съ ней вмѣстѣ и кормила ее тѣмъ, чего она прежде никогда не ѣдала. Собака же помѣстилась на улицѣ и ходитъ, лаетъ. Кошка выходитъ и говоритъ: «Днемъ она этотъ перстень носить на рукѣ, а куда дѣваетъ ночью, не могу подмѣтить. Ты все таки ходи здѣсь взадъ и впередъ тихонько и лай и отъ воротъ далеко не отходи. Будь всегда наготовѣ, какъ днемъ, такъ и ночью, нисколько не удаляясь отъ воротъ». Входятъ и ни какъ не можетъ подмѣтить этаго перстня.

Однажды вечеромъ она замѣтила, что та, ложась спать, по-

*) Долон тологойтѣй соборъ.

ложжила его въ ротъ. Замѣтивши, выходитъ потихоньку на улицу, приноситъ тоненькую соломёнку и начинаетъ щекотать ею въ носу женщины. Та чихнула; перстень упалъ и тинькнулъ. Кошка схватила его въ ротъ и выбѣжала на улицу. Подходить къ воротамъ, собака и спрашиваетъ ее: «Тащишь»?—Тащу, говоритъ. Бѣгутъ дальше въ запуски, сильно радуясь. Подходятъ къ тому же черному морю. Собака и говоритъ: «Отдай мнѣ перстень!»—Я взяла, я и несу его! (говорить кошка).

Сѣвши на собаку, плывутъ. Собака и говоритъ опять: «Отдай мнѣ!»—Нѣтъ не отдамъ! «А если ты не отдашь, я уроню тебя въ море!» Та отдаетъ. Когда начала брать собаку, уронила его въ море. Кошка, сидя у ней на спинѣ, грызетъ ей ея спину. Спорили, ссорились, все таки переплыли на другой берегъ. Идутъ по берегу моря и видятъ двадцать и тридцать человѣкъ рыбу ловятъ. Онѣ начинаютъ тереться около нихъ. Ловящіе рыбу внутренности выбрасываютъ. Кошка и собака ничего себѣ, роются въ нихъ, ищутъ. Ища такъ, во внутренности одного тайменя (тула загаган) находятъ. Приходятъ домой, ѣдятъ, а за тѣмъ уходятъ къ чугунной тюрьмѣ и спрашиваютъ: «Живъ ты или умеръ»?—Живъ! говоритъ тотъ. Подаютъ ему перстень черезъ маленькое окошечко. Парень взялъ, подбросилъ его три раза и вышло двѣнадцать богатырей. Что будемъ дѣлать? спрашиваютъ. Разломайте эту тюрьму!

Разломали. Тогда парень идетъ къ хану. Ханъ спрашиваетъ его: «Что скажешь»? Тогда парень говоритъ: «Завтра съ восходомъ солнца все, какъ было, доставлю, вмѣстѣ съ твоей дочерью и съ другимъ ея мужемъ». Затѣмъ ушелъ домой, наѣлся и легъ отдыхать. Въ полночь встаетъ, подбрасываетъ этотъ перстень три раза; являются двѣнадцать богатырей. Тогда онъ говоритъ: «Доставьте сюда царя Соломона со всемъ, что есть у него!» Вошелъ домой и уснулъ.

На утро встали, все это перенесено и все стало опять такъ, какъ было и раньше. Посылаетъ человѣка къ Баиць-хану, чтобъ

тотъ пришелъ. Баянъ-ханъ приходитъ. «Все, что есть, принеси; Шазагай-номонъ-хана сынъ царь Соломонъ и дочь твоя уходила къ нему. Ты, тесть мой, поступи съ нимъ по закону!» Тогда царь приказываетъ двумъ сильнымъ богатырямъ выкопать яму въ сорокъ сажень; берутъ царя Соломона, приводятъ двѣнадцать солдатъ, которые зарѣзаютъ двѣнадцать ружей, царя Соломона одѣваютъ въ бѣлую рубашку и привязываютъ къ столбу, стрѣляютъ въ него и ровняютъ въ сорокасаженную яму. Застрѣлявши и уронивши, возвращаются домой и, какъ бы одержали побѣду на войнѣ, бьютъ въ барабаны, собираютъ весь народъ, выставляютъ цѣлыя озера водки и бугры мяса и устраиваютъ большой пиръ. Зятя этого потомъ вмѣсто себя садитъ на престолъ и передаетъ ему управленіе всѣми подданными, благословая: Да будетъ спокойно, (счастливо) и благополучно твое царствованіе.

Запис. о. Н. Зотоплевыхъ у аларскихъ бурятъ.

III.

Шоно-баторъ.

1.

Царь Хунъ-Тайжи имѣлъ двухъ сыновей; старшаго сына называли Сэрэнъ-Галда, а младшаго Шоно-баторъ*) Оба сына царя Хунъ-Тайжи, когда выросли большіе, то женились; жену старшаго сына Сэрэнъ-Галда называли Хальмашкинъ; какъ звали жену Шоно-батора не помнятъ. Царь Хунъ-Тайжи былъ изъ племени Олѣтъ**).

Однажды оба сына царя Хунъ-Тайжи поѣхали на зэгэтэ-аба (на облаву). Отецъ ихъ царь Хунъ-Тайжи обоимъ сыновьямъ далъ каждому по триста человѣкъ. Старшій сынъ царя Хунъ-Тайжи Сэрэнъ-Галда и его триста человѣкъ во время зэгэтэ-аба охотились на звѣрей, но ничего не убивали, а потому терпѣли голодъ.

*) Шоно «волкъ»; баторъ «богатырь».

**) Слѣдовательно онъ былъ царемъ племени Олѣтъ; буряты дѣлами называютъ калмыковъ; дѣйствительно-ли Хунъ-Тайжи былъ; казыцкимъ ханомъ, буряты не знаютъ. *Хаматовъ.*

Младшій сынъ царя Хунъ-Тайжи Шоно-баторъ во время зэгэ-аба убивалъ много звѣрей и кормилъ своихъ триста человекъ; они не терпѣли голода. Сэрэнъ-Галда отъ стыда, что онъ не убивалъ звѣрей во время зэгэ-аба, сильно началъ завидовать брату своему Шоно-батору. Изъ зависти началъ клеветать на своего брата Шоно-батора отцу своему Хунъ-Тайжи, который повѣрилъ клеветѣ и сильно разсердился на Шоно-батора.

Царь Хунъ-Тайжи жестоко наказалъ своего младшаго сына Шоно-батора слѣдующимъ образомъ; онъ приказалъ поймать Шоно-батора. Когда поймали его, то ему вырѣзали хрящи отъ обоихъ лопатокъ, что бы онъ не хвастался силою и мѣткостью въ стрѣльбѣ; послѣ этого Шоно-батора посадили въ тюрьму.

Шоно-баторъ послѣ такого несправедливаго и жестокаго наказанія пѣлъ слѣдующую пѣсню:

Хужан, хужан модони
Холбо намшин гахалта,
Хун-Тайжи бабан
Гэнэн тэнэгин гахалта.

* * *

Наржал, наржан модони
Намши шилбэн гахалта,
Нажан болжон бабан
Гэнэн тэнэгин гахалта

* * *

Шёнэжон, шёнэжон модони
Шилмэхэ намшин гахалта,
Сэрэн-Галда ахан
Хобушигин гахалта.

Переводъ:

Березоваго, березоваго дерева
Сросшіяся листья удивительны!
Отца Хунъ-Тайжи
Присота и глуность удивительны!

Соснового, соснового дерева
Листья и хвои удивительны!
Состарѣвшагося отца (бывшаго старикомъ отца)
Простота и глуность удивительны!

* * *
Лиственничнаго, лиственничнаго дерева
Хвои и листья удивительны!
Брата Сэрэнъ-Галдаи
Клевета удивительна!

Когда Шоно-баторъ сидѣлъ запертый въ тюрьмѣ, въ это время другой царь Маса-богдо послалъ царю Хунъ-Тайжи на трехъ верблюдахъ иголокъ и три большіе лука; получивъ это царь Хунъ-Тайжи съ своимъ старшимъ сыномъ обрадовались, что царь Маса-богдо имъ послалъ подарокъ. Шоно-баторъ, узнавъ это, сказалъ: «Теперь мой отецъ Хунъ-Тайжи и старшій братъ Сэрэнъ-Галда радуются, что имъ Маса-богдо послалъ подарокъ, на трехъ верблюдахъ иголки и три большіе лука, но скоро они будутъ покорены Маса-богдомъ». Эти слова Шоно-батора донесли царю; тогда царь потребовалъ къ себѣ своего младшаго сына Шоно-батора и у него спрашиваетъ: «Говорилъ-ли ты, что мы будемъ покорены Маса-богдомъ»? Шоно-баторъ сказалъ, что онъ говорилъ. Царь-Хунъ-Тайжи спрашиваетъ: «Почему ты такъ говорилъ»? Тогда Шоно-баторъ говоритъ своему отцу Хунъ Тайжи: «На трехъ верблюдахъ присланныи вамъ иголки и три большіе лука не подарки, а иголки означаютъ, что у царя Маса-богдо есть войска столько, сколько прислано иголокъ на трехъ верблюдахъ, три же большіе лука означаютъ, что у царя Маса-богдо есть три сильныхъ батора. Царь Маса-богдо хочетъ къ тебѣ прийти съ войскомъ и покорять твое царство». Царь Хунъ-Тайжи спрашиваетъ у Шоно-батора, что теперь нужно дѣлать?

Шоно-баторъ сказалъ своему отцу Хунъ Тайжи: «Всѣ эти иголки раздать и вмѣсто ихъ послать огниво и складной (перочинный) ножикъ; а три лука нужно сломать».

Хэри хагдани
Олон шиги болзо,
Хэтэн гал барха,
Толгон утэни
Олон шиги болзо
Тонгор-хотого отолхо.

Переводъ:

Стенныхъ старыхъ травъ
Хотя много было,
Огонь отъ огнива кончить!
На головѣ волосъ
Хотя много было,
Складень-ножикъ перерѣжетъ!

Тогда царь Хунь-Тайжи всё иголки роздалъ, а три большіе лука никто не могъ натянуть. Шоно-баторъ взялъ всё три большіе лука, натянулъ ихъ и сразу всё три сломалъ по поламъ; въ то время, когда онъ тянулъ эти луки, изъ подъ лопатокъ его вытекъ гной съ кровью. Послѣ этого царь Хунь-Тайжи къ Маса-богдо послалъ огниво съ складнымъ (перочиннымъ) ножомъ и сломанные три большіе лука; получивъ это, царь Маса-богдо раздумалъ идти съ войскомъ на царя Хунь-Тайжи, испугавшись, что у того тоже много войска и есть сильный баторъ, который и сломалъ всё три большіе лука сразу.

Послѣ этого Шоно-баторъ ходилъ на свободѣ; его не сажали опять въ тюрьму. Сэрэнъ-Галда изъ зависти опять началъ клеветать отцу Хунь-Тайжи на своего младшаго брата Шоно-батара. Царь Хунь-Тайжи опять повѣралъ клеветѣ и сильно разсердился на Шоно-батара, послалъ войско за нимъ поймать его и привести къ нему. Но Шоно-баторъ скрылся; посланное войско подъ предводительствомъ Сэрэнъ-Галда разыскивало Шоно-батара; увидавъ ихъ, Шоно-баторъ запѣлъ слѣдующую пѣсню:

Хаин хани урамжа
Хадаги баран харагдаба,
Хадагтани урда харахада
Сэрэн-Галда туруши.

* * *

Сэсэн хани урамжа
Сэрэги баран харагдаба,
Тэдэни урда харахада
Сэрэн-Галда туруши.

Переводъ:

Изъ мѣстности добраго царя
Колчаны стали виднѣться,
Спереди на колчанносоцевѣ посмотрѣть
Сэрэнъ-Галда передовикъ (т. е. предводитель).

* * *

Изъ мѣстности умнаго царя
Войска стали виднѣться,
Спереди на нихъ посмотрѣть
Сэрэнъ-Галда передовикъ.

Послѣ этого посланные войска подъ предводительствомъ Сэрэнъ-Галда окружили Шоно-батора съ одной стороны, а съ другой стороны было море; тогда Шоно-баторъ запѣлъ пѣсню:

Шара, шара далада
Шахабди гэжи ханабыт
Шахагдаба шиги яхаб
Шарга морин омужин.

* * *

Хара, хара далада
Хагабди гэжи ханабыт,
Хагдаба шиги яхаб
Халюн-шарга омужин

Хөхө, хөхө далада
Хурэлэбди гэжи жанабыт,
Хурэлүлбэ шиги яхаб
Хакшин-шарга омужин.

Переводъ:

Къ желтому, желтому морю,
Думаете, будто притиснули.
Хотя-бы притиснули, ладно—
Соловой конь переплыветъ.

* * *

Къ черному, черному морю,
Думаете, будто заперли.
Хотя-бы заперли, ладно—
Халюный*) соловой переплыветъ.

* * *

У синяго, синяго моря,
Думаете, будто окружили.
Хотя-бы окружили, ладно—
Старый соловой переплыветъ.

Послѣ этой пѣсни Шоно-баторъ на своемъ ковѣ переплылъ на другую сторону моря; переплывъ, сядя на другомъ берегу моря, еще запѣлъ одну пѣсню:

Хузан, хузан шибэги
Хуха даран орохоби,
Хоёр мянган сэраги •
Хумат гэжи гарахаб,
Тибэ лба яхаб
Өрин зон харамта.

* * *

Нарзан, нарзан шибэги

*) Халюный мѣстное выраженіе отъ монгольскаго халюн, особая масть лошадей.

Намга даран орохоби,
Наймэн мингав сэрэги
Хумат гэжи орхихоб,
Тибэ яба яхаб
Орин зон харамта.

* * *
Шонзон, шонзон шибэги
Шилбэ даран орохоби,
Сэрэх сур хоёриги
Хул тага хюдахаб,
Тибэ яба яхаб
Орин зон харамта.

Переводъ:

Березовую, березовую городьбу
Сдавивши, сломавъ, войду!
Двухъ тысячное войско
Переполюшивъ, таки выйду!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко!

* * *
Сосновую, сосновую городьбу
Сдавивши внизъ, войду!
Восьмитысячное войско
Переполюшивъ, таки выйду!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко!

* * *
Лиственичную, лиственичную городьбу
Сдавивши внизъ, войду!
Войско и воиновъ твоихъ
Совсѣмъ до чиста истреблю!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко.

Шоно-баторъ послѣ этой пѣсни, уѣхалъ въ царство русскаго царя. Когда Шоно-баторъ уѣхалъ въ русское царство, то жена его осталась дома и сдѣлалась стряпкою у жены Сэрэнъ-Галда Хальмакшкина. Въ этомъ горестномъ положеніи она пѣла слѣдующую пѣсню:

Хада дэрэ зухада
Хани зухэ бэлэб,
Хадажан бухада
Хальмакшкини шигэбшким.

* * *
Өндөр дэрэ зухада
Эжини зухэ бэлэб,
Өндөрхөн бухада
Хальмакшкини шигэбшким.

* * *
Тэнгэри дэрэ зухада
Тэнгэрин зухэ бэлэб,
Тэнгэрихэн бухада
Хальмакшкини шигэбшким.

Переводъ:

На горѣ сидѣвши
Царская жена была,
Съ горы спустившись,
Стряпка Хальмакшкина!

* * *
На высотѣ сидѣвши
Хозяйская жена была,
Съ высоты спустившись,
Стряпка Хальмакшкина!

* * *
На небѣ сидѣвши
Небесная жена была,

Съ неба спустившись,
Стряпка Хальмакшина!

Запис. М. Н. Хапгаловымъ у ба-
лаганскихъ бурятъ.

2.

У Бэлэ-батора было семьдесятъ таежныхъ собакъ, но волки каждый день и каждую ночь истребляли его скотъ — и никакъ не могли ихъ убить. Послѣ этого онъ отправляется къ Хонь-Тайжию и говоритъ: «Скота моего каждый день истребляетъ волкъ». Тогда Хонь-Тайжи говоритъ: «У меня хета и три только собаки, но твои семьдесятъ собакъ не сравняются съ моими тремя. Если я пойду, мои собаки передавать этихъ волковъ». Послѣ этого прѣзжаетъ съ своими тремя собаками и говоритъ: «Ну, будемъ охотиться». Охотятся и три собаки Хонь-Тайжия выгоняютъ изъ круга ельника трехъ волковъ, а семьдесятъ собакъ Бэлэ-батора разбѣжались. И такъ при помощи этихъ трехъ собакъ убили этихъ трехъ волковъ. Послѣ того, какъ волки были убиты, Бэлэ-баторъ проситъ у Хонь-Тайжия одну собаку. А тотъ говоритъ: «А ты отдай мнѣ одну жену, тогда я тебѣ отдамъ одну собаку. И такъ какую ты собаку просишь?» — Отдай мнѣ младшую собаку. — «А ты мнѣ отдай младшую жену». И такъ промѣнялись; Бэлэ-баторъ взялъ младшую собаку Хонь-Тайжия, а Хонь-Тайжи взялъ младшую жену Бэлэ-батора. Прѣзжаетъ Хонь-тайжи къ Бэлэ-батору, пьютъ водку и устраивается гулянка. Возвращаясь домой, Хонь - Тайжи беретъ младшую жену Бэлэ-батора. Возвратившись домой, онъ женился на ней. Послѣ этого у нихъ родился сынъ, которому дали имя Шоно-баторъ (вѣроятно въ воспоминаніе объ охотѣ на волковъ). Кромѣ этого у Хонь-Тайжия былъ еще сынъ отъ прежней жены по имени Сырынъ-Галданъ. Шоно-баторъ, ставши большимъ, учился грамотѣ и учился прекрасно. Однажды отца не было дома, Шоно-баторъ пооснималъ всё наконечники у стрѣлъ,

отнесъ ихъ къ кузнецу и сдѣлалъ изъ нихъ саблю. Отецъ, возвратившись домой, сердится на сына: «Зачѣмъ ты оснималъ наконецники и передѣлалъ въ саблю? Я за это вырѣжу у тебя мясо изъ лопатокъ!»

Исполняетъ это и садитъ его въ тюрьму. Съ улицы ирываютъ къ нему желобокъ и по нему вливаютъ пищу. Кормившая его черезъ эту трубу младшая сестра бесѣдовала съ нимъ. Однажды присылается къ Хонъ-Тайжию лукъ и три верблюда, навьюченные иглоками, чтобъ во всё эти иглоки вдѣть нитки и надѣть на лукъ тетиву. Тогда Хонъ-Тайжи собираетъ народъ и говоритъ имъ: «Иностраннѣй ханъ послалъ лукъ, чтобъ натянуть на него тетиву и во всё эти иглоки вдѣть нитки и затѣмъ возвратитъ. Съ какою цѣлю онъ послалъ это, народъ, почетные люди, понимаете-ли? Народъ говоритъ: «Мы никакъ не можемъ понять и отгадать». Пока такъ народъ бесѣдовалъ, младшая сестра Шоно-батора черезъ желобокъ вливала ему пищу. Шоно-баторъ спрашиваетъ сестру: «Что новаго»? Тогда сестра говоритъ: «Иностраннѣй ханъ послалъ нашему отцу лукъ, чтобъ натянуть тетиву и три навьюченныхъ верблюда иглокомъ, чтобы во всё вдѣть нитки и возвратитъ. Это посланное собранный отцомъ народъ ни какъ не можетъ отгадать. Вотъ какая есть новость!» Шоно-баторъ говоритъ: «Да они и не отгадаютъ и на этотъ лукъ не натянуть тетиву! еслибъ выпустили меня, то хотя у меня и вырѣзано мясо изъ лопатокъ, я бы натянулъ этотъ лукъ и отгадалъ бы значеніе этихъ иглокомъ». Младшая сестра передастъ это отцу.

Хонъ-Тайжи выпускаетъ изъ тюрьмы сына, призываетъ его и спрашиваетъ: «На этотъ лукъ надѣнешъ тетиву? Значеніе этихъ иглокомъ отгадаешь»? Тогда Шоно-баторъ говоритъ: «Этотъ лукъ посланъ не для того, чтобъ надѣть на него тетиву, а испытать, есть-ли у тебя такой сильный богатырь, который могъ-бы это сдѣлать; а иглоки посланы не для того, чтобъ вдѣвать въ нихъ нитки, а онъ тоже пытается и этимъ даетъ знать, что собирается прийти къ

тебѣ съ такимъ многочисленнымъ войскомъ. Вотъ для чего и посланы эти иголки». «Какой-же мы дадимъ на это отвѣтъ»? Тогда сынъ говоритъ: «На этотъ лукъ я надѣну тетиву». И такъ натягиваетъ; изъ лопатокъ подався гной и лукъ лопнулъ. Затѣмъ говоритъ: «Нужно выстрогать шарообразное дерево такъ, чтобъ не знать было, гдѣ вершина и гдѣ комель и послать, чтобъ они узнали вершину; если-де вы узнаете вершину, мы вдѣнемъ вамъ во все иголки нитки и пошлемъ». Такой отвѣтъ и дали. Изломанный лукъ вмѣстѣ съ шарообразнымъ деревомъ завязали, запечатали, написали бумагу и отправили. Этотъ иностранннй ханъ, увидавши лукъ, говоритъ народу: «Если они имѣютъ такого богатыря, что изломалъ нашъ лукъ, то намъ уже никакъ нельзя съ ними воевать. На этотъ лукъ мы натягивали тетиву семидесятью быками». Затѣмъ говоритъ народу: «Узнайте, гдѣ у этого шарообразнаго дерева вершина и комель»? Никто не можетъ опредѣлить вершину. Послѣ этого Шоронъ-Галданъ-баторъ говоритъ: «Это дерево послано не для того, чтобъ опредѣлить вершину, а показать, что они подобно этому дереву объявятъ такую большую войну, что войску ихъ не будетъ видно конца. (Иауринъ тавяхо гэжи хэлэдгэйенэ модони адеги ургэлъджи гэхэдай ильгэхэ-б гэжи хэлэ). И такъ намъ воевать никакъ нельзя, такъ какъ этотъ царь съ такимъ многочисленнымъ войскомъ и имѣетъ такого богатыря, который въ состояннн натянуть этотъ нашъ лукъ!» И такъ этотъ царь испугался Хонъ-Тайжи и пересталъ воевать (не затѣвалъ войны).

Хонъ-Тайжи говоритъ своимъ сыновьямъ: Сыринъ-Галдану и Шоно-батору. «Отправляйтесь на охоту!» Тогда Шоно-баторъ говоритъ: «Дай намъ по триста человѣкъ войска и тогда мы поидемъ». «Пусть будетъ такъ!» говоритъ Хонъ-Тайжи. Берутъ по триста человѣкъ воиновъ и оба сына отправляются на охоту. Становится поздно. Располагаются на ночлегъ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ.

Не находятъ дровъ, чтобъ развести огня. Тогда Сырынъ-Галданъ говорятъ: «Пошлите одного человѣка, чтобъ узнать, чѣмъ разводитъ огонь народъ Шоно-батора». Когда подходитъ этотъ посланный человѣкъ, Шоно-баторъ говоритъ своему народу: «Сырынъ-Галданъ посылаетъ къ намъ одного человѣка, чтобъ узнать, чѣмъ мы развели огонь; когда онъ придетъ къ намъ, я буду говорить вамъ: «сломайте луки и стрѣлы и разводите огонь!» Вы же, ломая (одинъ лукъ и по одной стрѣлѣ), говорите: «когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы» и разводите огонь!» Когда приходитъ посланникъ Сырынъ-Галдана, Шоно-баторъ говоритъ народу: «Извавши луки и стрѣлы, разводите огонь!» Народъ, ломая по одной стрѣлѣ и ломая одинъ лукъ, говоритъ: «Когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы!» Посланный скоро возвращается и говоритъ: «Они, сломавши луки и стрѣлы, развели огонь и говорятъ: когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». Тогда народъ Сырынъ-Галдана, разломавши луки и стрѣлы, разводитъ огонь. «Когда, говорятъ, войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». Почевавши, на слѣдующее утро отправляются дальше охотиться. Народъ Сырынъ-Галдана безъ луковъ и безъ стрѣлъ, а народъ Шоно-батора весь съ луками и со стрѣлами убиваетъ разныхъ звѣрей и навьючиваетъ ихъ. А народъ Сырынъ-Галдана: «Гдѣ-же», говоритъ, «эти пади стрѣльная и лучная»? Такъ затѣмъ опять остановились почевать въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Опять нѣтъ чѣмъ развести огонь. Опять Сырынъ-Галданъ посылаетъ узнать, чѣмъ разводитъ огонь народъ Шоно-батора. Когда подходитъ посланный, Шоно-баторъ говоритъ народу: «Сегодня вечеромъ разведемъ огонь сѣдлами; когда войдемъ въ сѣдельную падь, найдемъ сѣдла». Посланный Сырынъ-Галдана, услышавши это, возвращается и говоритъ народу: «Шоно-баторовскіе сѣдлами разводятъ огонь и говорятъ: «Когда войдемъ въ сѣдельную

падъ, найдемъ сѣдла!» Сырынъ-Галданъ говорить народу: «И мы разведемъ огонь сѣдлами; когда войдемъ въ сѣдельную падъ, найдемъ сѣдла». И такъ всё разломали, изрубили сѣдла и развели огонь. Почевавши, на завтра встали всё безъ сѣделъ. Народъ-же Шоно-батора, осѣдлавши коней, отправляется на охоту. А свята Сырынъ-Галдана, оставшись безъ сѣделъ, возвратилась домой совершенно пустой (безъ добычи). Народъ Шоно-батора возвращается домой съ выюками полными разныхъ звѣрей (дичины). Видя это, Хонъ-Тайжи спрашиваетъ Сырынъ-Галдана: «Почему вы вернулись безъ луковъ и стрѣлъ»? Сырынъ-Галданъ отвѣчаетъ: «Луки и стрѣлы, разломавши, мы сожгли». «Почему вы сожгли»? «Мы почевали въ разныхъ степяхъ и не было топлива; я спосылалъ одного человека къ Шоно-батору, чтобъ узнать, чѣмъ разводить они огонь. Посланный пришелъ и сказалъ, что народъ Шоно-батора ломаетъ луки и стрѣлы и говорить: «когда войдемъ въ лучную падъ, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падъ, найдемъ стрѣлы». «А гдѣ-же ваши сѣдла»? «Опять мы почевали въ разныхъ степяхъ и небыло дровъ. Посланный къ Шоно-батору сказалъ, что они развели огонь сѣдлами и говорятъ: «когда войдемъ въ сѣдельную падъ, найдемъ сѣдла». Поэтому и мы сожгли сѣдла. Вотъ мы и прѣехали безъ сѣделъ; насъ обмануль Шоно-баторъ». Хонъ-Тайжи и говорить: «Я снею голову Шоно-батору».

Эти слова младшая сестра передаетъ Шоно-батору: «Тебѣ, говорить, снесутъ голову!» Услыхавши это, Шоно-баторъ рѣшается отправиться къ Арынъ-Саганъ-хану (къ русскому царю). Крадучись, пробирается кругомъ Байкала, черезъ Дарьянъ проходъ (Дарьян гхубер), приходитъ къ Арынъ-Саганъ-хану и говорить: «Я хочу быть твоимъ подданнымъ!» Тогда царица (Хатунъ-ханъ) говорить: «Я сейчасъ веду войну съ Аржэ-Буржэ-ханомъ; ты будь главнокомандующимъ моего войска, отправляйся и воюй». «Хорошо, пойду», говорить. Беретъ войско и предводительствуетъ. У Аржэ-Буржэ-хана есть колдовка старуха, которая, если начнетъ колдовать,

глыбы отъ скалы откалываются. При приближеніи этого войска она произноситъ заклинаніе: «Народъ твой превратись въ пыль и разнесись по воздуху, тѣло-же твое превратись въ камень!» Послѣ этого Шоно-баторъ превратился въ камень, а народъ превратился въ пыль и разсѣялся по воздуху. На этомъ превратившемся Шоно-баторѣ камни, говорятъ, воздвигнуть Божій храмъ.

Записано со словъ аларскаго инокоредца хонходоровскаго рода Гавріила Пянгина о. *Николаемъ Затопляевымъ.*

Другой вариантъ этого-же сказанія говорить, что отъ колдовства старухи погибъ одинъ Шоно-баторъ и побѣда осталась за русскими. Это разсказывается такъ:

Колдунья хана, съ которымъ воевала русская царица, была такъ заколдована: если прострѣлить ей голову, царь и царство погибнетъ; если прострѣлить ей середину тѣла, погибнетъ весь народъ, а если выстрѣлить ей по колѣнямъ, стрѣлявшій пропадетъ, не оставивши потомства. Эта колдовка своимъ колдовствомъ губила каждый день и каждую ночь по сту человекъ. Тогда Шоно-баторъ рѣшилъ: «Лучше я погибну одинъ, не оставивши по себѣ потомства!» и убилъ ее по колѣнямъ. По этому Шоно-баторъ умеръ, не оставивъ послѣ себя потомства. Побѣда была одержана русскими и война прекратилась. Въ прославленіе-же Шоно-батора начали распѣвать помѣщенную ниже пѣсню. *О. Н. Затопляевъ.*

Пѣсня Шоно-батора.

Хадада удогхон зумари-ѣ харсагай шубун барабалъ,
Ханда зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-батор дарабал.
Боредо удугхон большомури боро-харсагай барабалъ,
Богдодо зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-баторъ дарабалъ.
Ирьѣде удугхон зумари-ѣ ирьѣн харсагай барабалъ,
Ижѣнде зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-батор дарабалъ.
Сѣрѣн-Галдан ахай-я хобушинъ ахо-би?

Хон-Тайжа бабай-я гэнэн-залайн яхо-би?

Гертэгхэн хойшо хархада гэшэгэнэн шнэ арзайга,

Гэшгхэгхэн газаринь хархадо Шоно-батор ябула.

Айлагхан хойшо гархадо алтан сэсык арзайга,

Алгхагхан газаринь хархадо Шоно-батор ябула.

Эрад хойшо хархада эржэн сэсык арзайга,

Эрбьгхэн газаринь хархадо Шоно-батор ябула.

Хара далайда хагдагхашэй-ѳ халюн-шаргай мэдужэл,

Ханай хульда хашагдгхашэй-ѳ Шоно-батор мэдужэл,

Хамок түмөн сэрэншэни уйман-айман гархальби.

Гхухо далайда хагдгхашэй-э гхугшэн шаргай мэдужэл,

Гхшун хульда хашагдгхашэй-ѳ Шоно-батор мэдужэл,

Гхуды олон сэрэншэни уйман-айман гархальби.

Шара далайда шахагцагхашей-ѳ шара-шаргай мэдужэл

Шанга хульда хашагдгхашэй-ѳ Шоно-батор мэдужэл,

Шахат ѳргхэн сэрэншэни уймат-аймат гархальби.

Переводъ:

На горѳ плодившихся овражекѳ соколѳ-птица истребилѳ,

На Царя стремившееся войско Шоно-баторѳ побѳдилѳ.

Подъ горою плодившихся жаворонковѳ сѳрый-соколѳ истребилѳ,

На Богдо стремившееся войско Шоно-баторѳ побѳждалѳ.

На берегу плодившихся горностаевѳ пестрый-соколѳ истребилѳ,

На Ижэна (хана) стремившееся войско Шоно-баторѳ побѳдилѳ.

Сэрэнѳ-Галдана (брата) клевету мнѳ не побѳдить.

Ховѳ-Тайжа батюшки опрометчивую довѳрчивость мнѳ не ра-
зубѳдить.

Отъ юрты назадѳ глядѳть цвѳты гэшгэнэ*) развернулись,

Ступившее мѳсто осмотрѳть, Шоноевы (батора) слѳды виднѳлись.

Отъ улуса назадѳ глядѳть, золотые цвѳты развернулись,

Шагнувшее мѳсто осмотрѳть, Шоноевы слѳды виднѳлись.

Сѳверо-западѳ оглядѳть, перламутровые цвѳты развернулись,

*) Гэшгэнэ, гусиная лапка, *Potentilla anserina*.

Обернувшись мѣсто (т. е. гдѣ онъ обертывался) осмотрѣть,
Шоноевы слѣды видѣлись.

Къ черному морю прижали, но халюно-соловой вывезетъ!

✓ Ханскимъ судомъ притѣснили, Шоно-баторъ вывѣзетъ!

Много тысячное войско твое сокрушить и пройдетъ!

Къ синему морю прижали, но сильный соловоко вывезетъ,

Сильнымъ судомъ притѣснили, Шоно-баторъ вывѣзетъ!

Много тысячное войско твое сокрушить и пройдетъ!

Къ желтому морю прижали, но желтоватый соловоко вывезетъ!

Жестокимъ судомъ притѣснили, Шоно-баторъ вывѣзетъ!

Преслѣдующее войско твое сокрушить и пройдетъ!

Записана въ Аларѣ и переведена
П. П. Баторовымъ.

IV.

Сирота и желтая собака.

(Унгашен хубун).

Въ старыя, старыя времена жилъ сирота парень, у котораго была мачиха и красный быкъ. Возилъ онъ на этомъ быкѣ дрова. Приводить онъ его, однажды, поить къ желтому морю; здѣсь русскіе ловятъ рыбу. Когда они неводили, дочь Лусунъ-хана, превратившись въ золотого ельца (алтан елоной), играла и пошла въ неводъ. Отдавши за этого золотого ельца быка, взялъ его (ельца), вымѣнялъ. Этотъ елецъ, играя, превратился въ человѣка и прыгнулъ въ море. Парень плачетъ: «мать меня будетъ сильно бить». Услыхавъ этотъ плачь, елецъ обратно выходитъ изъ моря и говоритъ: «Когда тебя мать будетъ бить, приходи сюда въ воду! По правую сторону будетъ песчаная дорога; иди по этой дорогѣ, ты встрѣтишь прекрасный серебряный дворецъ; при входѣ въ него ты встрѣтишь сидящаго бѣлоголоваго старика. Когда тебя старикъ спроситъ: зачѣмъ ты пришелъ? ты говори, что имѣешь желаніе взять

у него большую желтую собаку (гурия шара нохой, воэль). Онъ тебѣ прогонять, но ты не взирая на это, возвращайся въ море до трехъ разъ».

Когда парень возвратился домой, мачиха начинаетъ бить его; сырые прутья гнутся и сухіе ломаются. Била, била и прогнала его. Съ плачемъ приходитъ къ морю и входитъ въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ вошелъ елецъ. Идетъ песчаной дорогой и видитъ прекрасный серебряный дворець, входитъ въ него. Бѣлоголовый старикъ, крикнувъ, спрашиваетъ его: «Зачѣмъ ты пришелъ»? — Желая имѣть твою большую желтую собаку, я пришелъ просить ее у васъ. — «Что ты сказалъ? что и говорить нельзя! Вымолвилъ, о чемъ и поминать нельзя!» И такъ прогналъ его. Прогонялъ его такимъ образомъ до трехъ разъ, а тотъ все возвращался.

Когда хотѣлъ прогнать его въ четвертый разъ, дочь и говорить ему: «Что ты? когда я попалась въ неводъ, онъ отдалъ за меня единственнаго быка, чтобъ взять меня». Тогда онъ (старикъ) завертываетъ въ бумагу дочь, половину имѣнія и навьючивши все это парню на спину, отправляетъ его, наказываетъ: «Пока не достигнешь хорошей земли, пока у тебя не изотрутся лопатки и не избьются плечи, вьюкъ этотъ не спускай на землю».

Унышанъ-хубунъ (сирота) едва, едва выбрался на морской берегъ. Здѣсь онъ развернулъ бумагу; елецъ превратился въ женщину и вдругъ съ шумомъ начало какъ бы выкипать: скотъ разнообразный, домъ, зданія и все необходимое для житья. Здѣсь они и поселились.

Когда они тутъ жили, сынъ Хартагай-хана, однажды охотясь, увидалъ жену унышанъ-хубуна и влюбился въ нее. Послѣ этого онъ сталъ ходить сюда каждый день и просиживалъ здѣсь до ночи. Однажды Хартагай-ханъ спрашиваетъ сына: «Куда ты исчезаешь каждый день и что ты дѣлаешь»? Тогда сынъ говоритъ: «На берегу желтаго моря живетъ унышанъ-хубунъ. Жена этого унышанъ-хубуна очень красива; смотря на нее (любуюсь) каждый день, я

забываю пищу и сонъ. Какъ бы мнѣ взять ее за себя? Хартагайханъ на это говоритъ: «Спрячьтесь по три раза! Если онъ тебя не найдетъ, а ты найдешь его (унышэнь-хубуна), тогда можно будетъ тебѣ взять его жену».

Царскій сынъ приходитъ къ унышэнь-хубуну и велитъ ему спрятаться. Унышэнь-хубунъ спрятался за бараны*) и, не скрывшись весь, лежитъ. Тогда жена спрашиваетъ его: «Что это ты такъ?»—Я лежу здѣсь, спрятавшись отъ царскаго сына. «Э, какой ты прямой человѣкъ!» Превращаетъ его въ ножницы и бросаетъ около себя. Царскій сынъ, не могши найти, говоритъ: «Ну, выходи!» Тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты и не видалъ, что я лежалъ здѣсь».

На слѣдующій день унышэнь-хубунъ говоритъ женѣ: «Преврати меня опять въ ножницы».— «Что ты за дуракъ!» Превращаетъ въ жилы (шурмухон) и сидитъ, сучить ихъ. Не могши найти, царскій сынъ говоритъ. «Ну, выходи!» Выходитъ и говоритъ: «Какъ ты не видалъ человѣка, лежавшаго на подолѣ жены!» На третій день превративши его въ голикъ или метелку (шурбур), бросила къ дверямъ. Царскій сынъ опять не находитъ. «Ну, говори, выходи!» Тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты меня не видалъ, а я стоялъ у дверей».

Когда началъ отправляться искать унышэнь-хубуна, жена и спрашиваетъ его: «Какъ и гдѣ ты будешь искать?»—Я буду искать по всѣмъ дырамъ и щелямъ, за ящиками и за баранами. «Э, ты безмозглый! Если такъ будешь искать, ошибешься. На столбѣ виситъ тугой лукъ (хату номон). Что, молъ, это за слабый лукъ? и тани какъ можно сильнѣе!» Когда унышэнь-хубунъ потянулъ сильно, раздается: «Ой! ой! сломаешь мнѣ спину!» и лукъ становится царскимъ сыномъ. На слѣдующее утро жена опять учитъ его:

*) Бараномъ называется подставка подъ ящиками въ юртѣ, размѣщаемыми обыкновенно по лѣвой сторонѣ юрты со входа; имѣютъ они съ лицевой стороны форму ящика и служатъ украшеніемъ юрты. Н. З.

«На лѣвой (по входѣ въ юрту) сторонѣ на стѣнѣ виситъ выдранная шапка (халюн малагай). Снявши эту шапку, мни ее и вытягивай!» Когда онъ началъ мять эту шапку, раздается: «Какъ ты больно мнешь!» И выходитъ царскій сынъ. На третій разъ опять по наученію своей жены унышэнъ-хубунъ, пришедши къ царю, начинаетъ сгибать растущія впереди золотыя осины (алтанъ улягхай), какъ бы намѣреваясь срубить ихъ. «Перестань!» И найденный царскій сынъ выходитъ.

Послѣ этого царскій сынъ прогоняетъ унышэнъ-хубуна спросить года у медвѣдя (бабагай). Жена нашиваетъ ему на оба плеча по клубку пряжи и отправляетъ къ медвѣдю. Прибѣгаетъ медвѣдь и говоритъ: «О, Боже (ай бурхан)! Триста лѣтъ живу, а ни кого не видалъ трехголоваго!» И убѣгаетъ назадъ. Приходитъ и говоритъ царскому сыну, что онъ (медвѣдь) сказалъ, что ему триста лѣтъ. Посылаетъ (прогоняетъ) опять его узнать, сколько лѣтъ матери солнца (наранай эгхэ). Жена даетъ мужу мясо, кости и жилы и говоритъ: «На дорогѣ ты встрѣтишь трехъ цѣпныхъ собакъ. Брось имъ мясо и прочее и скажи: ахъ, какія славныя собаки! Идя дальше, встрѣтишь три вонючихъ озера; скажи: ахъ, какія благовонныя озера!» Унышэнъ-хубунъ, пришедши къ собакамъ, говоритъ: «Какія славныя собаки!» и бросилъ имъ мясо, кости и жилы. «Сколько здѣсь ни проходило, всё говорили: какія худыя, злыя собаки! Ты одинъ только похвалилъ насъ». Безъ лая, пропускаютъ его. Подходятъ къ тремъ озерамъ и говорятъ: «Ахъ какія благовонныя озера!» «Съ древнихъ временъ, съ начала нашего бытія всё говорили, что мы вонючія озера. Ты одинъ только сказалъ, что мы благовонныя». Сдѣлавшись мелкими, этого парня пропустили.

Идетъ дальше и видитъ: одна женщана прилипла къ двери, другая повѣсилась на рогахъ коровы и еще третья прилипла къ лодкѣ. Всѣ эти три женщины съ этимъ унышэнъ-хубуномъ заказываютъ: «Спроси мать солнца, за что мы такъ мучимся?»

Когда онъ пришелъ къ матери солнца, она принимаетъ его, какъ гостя и угощаетъ, а затѣмъ «отдохни!» говоритъ. Уложила его спать. Вечеромъ возвращается домой солнце-сынъ (наран хубун). Мать ему кричитъ: «У насъ гость. Сними на улицѣ шапку, а то сожжешь!» На слѣдующее утро солнце-сынъ надѣваетъ на увышэнь-хубуна свою шапку и говоритъ: «Ходи моею дорогой. На югѣ стоитъ серебряный столъ; тамъ пообѣдай!» Пришедши къ столу, парень съѣлъ. Одна ножка этого стола изломалась. Поправляя ее, онъ провозился до вечера.

За тѣмъ идетъ дальше. Идетъ и встрѣчаетъ закуржавѣвшаго старика, спрашиваетъ его: «Что ты за старикъ?» «Я владыка инея» (гхюуруй-ѣ эжэм)! «А, такъ это ты заморозилъ поддесятины моего хлѣба!» и началъ бить его. Билъ, билъ и едва живаго отпустилъ. Идетъ дальше и встрѣчаетъ совершенно маслянаго старика (тогхон большогхон убугун), спрашиваетъ его: «Кто ты?» «Я господинъ медовой росы» (тогхон шудори эжэм). — «А, такъ это ты съѣлъ поддесятины моего хлѣба!» Билъ, билъ его и чуть живаго отпустилъ.

Вечеромъ спрашиваетъ у матери солнца: «Идя сюда, я видѣлъ трехъ женщинъ; одна прилипла къ двери, другая виситъ на рогахъ коровы, а третья прилипла къ лодкѣ. За что они находятся въ такомъ положеніи?» Мать солнца говоритъ: «Прилипшая къ двери, когда жила на землѣ, была сильно шлюющая женщина. Вторая жалѣла давать для маленькихъ дѣтей молока, а третья жалѣла давать людямъ воды. Вотъ въ наказаніе за эти грѣхи и мучатся онѣ».

На слѣдующее утро при отправкѣ парня домой мать солнца даетъ ему красную курицу. «Унеси её, говоритъ, и отдай царскому сыну!» Принесши подъ окошко царя, говоритъ: «Я спросилъ солнце-цу мать о лѣтахъ, а она дала мнѣ красную курицу и велѣла передать тебѣ!» Бросаетъ её (красную курицу). «На, говоритъ,

возьми!»! Послѣ чего все у царя до тла сгорѣло. Амаръ жаргажи ашта бурханда түшөбө (прожилъ счастливо и благополучно и отошелъ къ вѣчному богу).

Запис. П. П. Баторовымъ у аларскихъ бурятъ; переведено о. Н. И. Затопляевымъ.

У.

Черепъ конской головы.

Въ давнiя, давнiя времена мышь и воробей стоворились вмѣстѣ въ компанiя сѣять хлѣбъ. Мышь вспахала землю, воробей изъ людскихъ амбаровъ наворовалъ сѣмянъ и посеяли. Хлѣбъ родился прекрасный. Когда осенью стали дѣлить хлѣбъ, одно зерно осталось лишнимъ. Затѣяли изъ-за этого зерна споръ. Спорили, спорили, мышь и говоритъ: «Я приведу царя мышей» (Ада-хулагана)! А воробей говоритъ: «Я приведу царя птицъ (Хань-хурдэ-шубун). Приведши этихъ дволхъ, судились у нихъ. Хань-хурдэ-шубунъ говоритъ: «Воробей, ворую сѣмена, рисковалъ своею жизнью, а потому лишнее зерно пусть возьметъ воробей!»! Тогда Ада-хулаган (царь мышей), разсердившись, перестригла зубами перья обоихъ крыльевъ Хань-хурдэ-шубуна (царя птицъ). Прочiе все разошлись.

Хань-хурдэ-шубунъ, ставши безъ крыльевъ, сидитъ на землѣ. Со стороны подходит охотникъ (ангуша). Тогда (Хань-хурдэ) говоритъ этому человѣку: «Возьми ты меня домой и питай до тѣхъ поръ, пока у меня отростутъ крылья, а я послѣ вознагражу тебя». А что ты ѣшь? «Ночуя, я сѣмъ овцу, а два дня пробуду, сѣмъ быка».

Унесъ домой и кормилъ до тѣхъ поръ, что изъ богача сдѣлался бѣднякомъ. Когда (у Хань-хурдэ) отросли крылья и когда человѣкъ доставилъ ее домой, она даетъ ему черепъ конской головы (морянэ хубхай толгой), говоря: «Когда будешь спать, клади этотъ черепъ подъ голову, а когда будешь голодать, лижи его». Возвращаясь домой, во время пути онъ положилъ этотъ черепъ подъ го-

лову и уснулъ. Когда проснулся, очутился въ богатой юртѣ лежащимъ за семидесятью занавѣсами. Въ этой-же юртѣ сидѣла одна красавица женщина. «Чья ты жена?» спрашиваетъ громко. Тотчасъ-же эта женщина, превратившись въ черепъ, упала (и ничего не стало, ни юрты, ни женщины).

Идетъ дальше. Опять уснулъ. Пробудился лежащимъ за семидесятью занавѣсами; выходить оттуда и видѣть ту-же женщину, на которую смотреть, смотреть и не можетъ оторваться. И такъ просидѣлъ три дня, не выходя на улицу. Женщина, не могла его выпроводить, даетъ ему свой портретъ и отправляетъ его посмотреть и покормить скотъ. Только что онъ вышелъ на улицу, какъ вихремъ вырвало у него изъ рукъ портретъ и унесло. Портретъ этотъ нашли ханскія дочери и передали хану. Ханъ тотчасъ-же спосылалъ двухъ пословъ, чтобъ какъ можно скорѣе доставили ему этого человѣка. Тогда (ханъ) и говоритъ этому человѣку: «Давай, будемъ прятаться! Если я тебя найду, я возьму эту жену, а если ты меня найдешь, пусть жена остается у тебя. Возвращайся домой и спрячься!» Человѣкъ этотъ, возвратившись домой, залѣзъ за ящики и лежить. Жена и спрашиваетъ его: «Что это ты такъ?» — Мнѣ царь велѣлъ спрятаться. Спрятался и лежу. — «Что ты за дуракъ!» Превратила его въ шапку, надѣла на голову и сидитъ. Приходитъ ханъ и, не могла найти, говоритъ: «Ну, будетъ. Я перестаю искать, выходи!» Тотъ вышелъ и говоритъ: «Ты не видалъ меня, сидящаго за женой». На другое утро жена превратила мужа въ войлокъ, свернула его и положила на кровать. Царь, не могла найти, говоритъ: «Ну же, выходи!» Тогда тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты меня не видалъ лежащаго на кровати». На слѣдующее за тѣмъ опять утро, превративши его въ голикъ (вѣвникъ, которымъ метутъ полъ), бросила къ дверямъ. Опять царь, не могла найти, говоритъ: «Ну, выходи!» «Ты меня не видалъ, лежащаго у дверей», говоритъ и выходитъ.

Настала к хану очередь прятаться. Жена и спрашиваетъ мужа: «Гдѣ ты будешь искать?»—За ящиками и за баранами буду искать.— «Э, что ты за дуракъ! По входѣ въ юрту на лѣвой сторонѣ (т. е. на югозападѣ) будетъ висѣть желѣзный лукъ. Его возьми и какъ можно сильнѣе натягивай!» Уходитъ къ хану, беретъ и натягиваетъ этотъ лукъ. «Ой, ой! что ты! хочешь переломить мнѣ спину!» говоритъ ханъ и принимаетъ настоящій свой видъ (настоящее тѣло). На слѣдующій день, когда ему нужно было отправляться, жена называетъ мужу: «На полкѣ будетъ лежать брусокъ, на столѣ ножикъ. Взявши ножикъ, три имъ о брусокъ!» Приходитъ къ хану, беретъ ножикъ и начинаетъ тереть имъ о брусокъ. «Ой, ой! что ты! сотрешь кожу съ моей щеки!» И такъ царь найденъ. На третій день, когда опять нужно было отправляться, жена и говоритъ ему: «Предъ юртой будутъ расти три золотыя осины. Ты нагни ихъ, какъ-бы намѣреваясь срубить ихъ!» Лишь онъ нагнулъ эти осины, какъ-бы съ намѣреніемъ срубить ихъ, какъ раздалось: «Перестань!» И вышелъ ханъ.

Рассказана буряткой Катериной Алекс. Бадашкеевой, въ Аларѣ; записана и переведена миссіонеромъ свещ. Н. Затопяевымъ.

VI.

Сирота-парень*).

(Уньшикэн хубун).

Одинъ сирота парень шелъ и легъ подъ деревомъ. Прилетаютъ два ворона, садятся на это дерево и разсуждаютъ: «Сынъ Хартаганъ-хана болѣнъ. Если заколотъ ходившую въ табунѣ пѣгую яловую кобылу и мясомъ ея обложить больного, онъ выздоровѣетъ». Услыхавши это, сирота парень отправляется къ Хартаганъ-хану и говоритъ: «Я пошаманю и вылечу вашего сына». Его прогоняютъ, говоря, что у нихъ есть уже шаманка.

*) По показанію одного бурята сирота, герой сказки, назывался Анагуй-Ухаръ.

Вышедши на улицу, привязывает ко хвосту жеребца берестяное лукошко (уйгхан-торхо*) и распугивает табунъ. Думая, что въ табунъ забрался волкъ, всё выбѣжали на улицу. Шаманка, оставшись одна, говоритъ сиротѣ парню: «Дай-ка мнѣ чего-нибудь напиться!»—У меня нѣтъ ни чашки, ни поваренки. Иди и напейся прямо изъ булуря**), нагнувшись. Лишь только она нагнулась, какъ парень схватилъ ее за ноги и опрокинулъ въ булуръ, утопивъ. Бывшіе на улицѣ входили, брали шаманку за ноги и мѣшали ею хурунгу***), думая, что у царя людей и мутовка (аша) мѣшать хурунгу изъ человѣка.

Ханъ сильно испугался смерти шаманки. «Что мнѣ теперь дѣлать?» говоритъ. «Дѣти шаманки будутъ взыскывать съ меня». Тогда сирота парень говоритъ: «Я найду оправданіе». — Ну, хороший человѣкъ будешь, найди!» Сирота парень (унышкэн хубун), усѣвшись на сердитаго быка: вмѣстѣ съ мертвой шаманкой, навьючивши одинъ мѣшокъ мучнаго хлѣба и взявши шило, приѣхалъ къ дому шаманки. На встрѣчу бѣгутъ сыновья шаманки: «Мать наша ѣдетъ, хлѣба везетъ!» Сирота парень (унышкэн хубун) кричитъ: «Тише, тише! не испугайте быка!» Но они приѣзжаютъ съ шумомъ и гамомъ и тянутъ хлѣбъ. Въ это время парень (унышкэн хубун) кольнулъ быка шиломъ. Быкъ прыгнулъ и сбросилъ парня в мертвую шаманку. «Ой, ой! ребра мои поломали и мать ваша убила». Какіе вы гадкіе ребята!» ругаетъ ихъ унышкэнъ-хубунъ. Ругался, ругался, бросилъ ихъ мать и ушелъ къ хану.

Пришедши къ хану, обложилъ мясомъ яловой иѣгой кобылы Харажи-муя-хубуна (сына Хартаганъ-хана), вылѣчиваетъ его. Ханъ отдаетъ ему половину имѣнія и половину скота. Унышкэнъ-хубунъ

*) «Торхо» большое берестяное лукошко; маленькое берестяное лукошко называется у аларскихъ бурятъ «бортохо». О. З.

**) «Булуръ» у сѣверныхъ бурятъ высокая деревянная кадь, въ которую сливается молоко и въ которой оно киснетъ; потомъ изъ этого молока выгоняется тарасуэ т. е. молочная водка. О. З.

***) «Хурунгу» кислое молоко; такъ оно называется, пока находится въ булурѣ. Въ дальнѣйшей-же стадіи броженія оно получаетъ названіе «арса».

не беретъ это, какъ не нужное, и говоритъ: «Дайте мнѣ лучше одну хорошую одежду». Одѣвшись въ эту одежду, пошелъ и легъ опять подъ дерево. Со стороны идутъ два бохолдой (чорта) и несутъ душу Хартаганъ-ханова сына Харажи-муя-хубуна. Унышкэнъ-хубунъ говоритъ имъ: «Я съ вами пойду». А кто ты такой? — «Я то-же бохолдой». Шли, шли и говорятъ ему: «Ты почему шабарчишь» (гхаршага-нулнаш)? — Я недавно умершій бохолдой, еще не умѣю ходить, не шабарча*). Научите меня ловить человѣческія души. «Ну, возьми эту душу, держи и иди!» Прощли немного, унышкэнъ-хубунъ спрашиваетъ ихъ: «Чего вы боитесь?» — Брр (татай)! мы шиповника (ургэнэ) и боярочника (делогоно) сильно боимся. А ты чего боишься? спрашиваютъ бохолдой. «Я груднаго и шейнаго жира ужасно боюсь».

Когда такъ шли, унышкэнъ-хубунъ шмыгнулъ въ шиповникъ — боярочникъ. Бохолдой, не могли выпнать его оттуда, бросаютъ ему грудной и шейный жиръ, а унышкэнъ-хубунъ знай себѣ ѣсть да ѣсть арбинъ и шейный жиръ и пролежалъ тамъ до тѣхъ поръ, пока бохолдой не ушли. Когда они ушли, приносятъ душу къ Хартаганъ-хану. Сынъ его Харажи-муя-хубунъ чуть живой («Умираю!» думая, лежитъ). Когда была принесена душа, ему стало хорошо (онъ поправился).

Унышкэнъ-хубунъ опять идетъ и ложится подъ дерево. Приходятъ два человѣка и спрашиваютъ его: «Почему ты лежишь здѣсь?» — «Я, думая сдѣлаться бурханомъ, лежу здѣсь». Тѣ тоже здѣсь остались. Приходятъ еще четыре человѣка и спрашиваютъ: «Что вы лежите тутъ?» — «Думаемъ сдѣлаться бурханами». Стали всемеромъ; лежать, но не могутъ стать бурханами. Тогда унышкэнъ-хубунъ говоритъ: «Я большой грѣшникъ и мнѣ не сдѣлаться бурханомъ. Пойдемте къ ламѣ!» Приходятъ къ ламѣ. Лама спрашиваетъ ихъ: «За чѣмъ пришли?» Мы пришли искать средство сдѣ-

*) Шабарчать, сибирское выраженіе: шумѣть. Вохолдой духъ и когда онъ идетъ, не бываетъ слышно звука его шаговъ.

латься бурханами. Лама осердился на нихъ и говорить: «Я семь лѣтъ сижу одинешенекъ, читаю священныя книги и до сихъ поръ не сдѣлался бурханомъ, а вы какъ легохонько думаете сдѣлаться бурханами; спрыгните вотъ съ этой высокой горы въ море. Семеро парней прыгнули съ горы, но не упали въ море, а поднялись на небеса и стали семью звѣздами (звѣзды эти бурлаты называютъ Долонъ-убугуть, «семь стариковъ»; это Большая Медвѣдица). Лама-же, позавидовавъ имъ, бросился то-же съ горы въ море и превратился въ турпана (по этому турпанъ и желтый, по цвѣту одежды ламы).

Записано въ Аларъ свещ. Ник.
Затошляевымъ со словъ бурятской
дѣв. Катер. Алекс. Бадашгеевой.

VII.

Человѣкъ и барсъ.

Одинъ человѣкъ ушелъ въ тайгу и встрѣтился съ барсомъ. Барсъ и спрашиваетъ человѣка: «Кто изъ насъ сильнѣе? Черезъ три дня придемъ на это мѣсто и будемъ состязаться въ силу, ударя кулакомъ по дереву. И кто изъ насъ сильнѣе, тотъ ударомъ кулака свалитъ дерево, какъ бы срѣжетъ его (съ одного раза), а кто слабѣе, тотъ сронитъ дерево, сломивши его съ задоринами». Условившись такъ, разошлись въ разныя стороны.

Человѣкъ пришелъ назадъ къ дереву, назначенному для состязанія, распилилъ его на нѣсколько частей и части эти сложились другъ на друга, а самъ удалился. Черезъ трое сутокъ сошлись на условленномъ мѣстѣ. Человѣкъ ударилъ кулакомъ по распиленному дереву и свалилъ его, какъ бы срѣзалъ. Барсъ же ударилъ по стоячему (цѣлому) дереву и сломилъ его съ задоринами.

Тогда барсъ сильно испугался и говорить: «Какой ты сильный!» Привелъ его къ себѣ въ гости и посылаетъ къ колодезю за водой, давши ему посудину вмѣстимостью въ восемьдесятъ ве-

дерь. Человѣкъ, не будучи въ силѣ поднять цѣпню*), конаетъ сошникомъ во кругъ колодезя. Барсъ спрашиваетъ: «Для чего ты копаешь»?—А я хочу за одинъ разъ унести всю воду. Барсъ испугался и говоритъ: «Я самъ унесу воду».

За тѣмъ, уложивши гостя на юго-западной сторонѣ юрты (бару гара), самъ барсъ улегся на хойморѣ (сѣверо-западной сторонѣ въ юртѣ). Ночью барсъ встаетъ и точитъ ножиев, чтобъ убить гостя. Человѣкъ же, узнавши это, положилъ вмѣсто себя на постель ступу и пестъ, а самъ вышелъ на улицу. Барсъ колотъ, колотъ ступу и пестъ и уснулъ. Утромъ, когда встали, человѣкъ и говоритъ: «Кто меня колотъ этой ночью ножемъ»? Барсъ, испугавшись, отпрается. «Я не знаю», говоритъ. Когда человѣкъ сталъ отправляться домой, барсъ даетъ ему мѣшокъ золота въ гостинцы. Не могли поднять этотъ мѣшокъ, человѣкъ говоритъ: «Я не понесу твои гостинцы. Когда ты самъ придешь ко мнѣ, принеси!»

Пришедши домой, говоритъ своей женѣ: «Когда придетъ къ намъ барсъ, я буду на улицѣ, а ты, находясь въ юртѣ, кричи и спрашивай меня: что я буду варить гостю»? Приходитъ барсъ и приноситъ золото. Тогда жена кричитъ, спрашивая: «Что я буду варить гостю»? Тогда мужъ отвѣчаетъ: «Свари крестецъ раньше убитаго барса и гүзненную кашку послѣ убитаго» (барса). Услышавши это, барсъ испугался и думаетъ: «Что это за народъ, что убиваетъ и ѣтъ барсовъ»? Бросилъ золото и побѣжалъ безъ оглядки.

По пути встрѣтилъ волка. Волкъ и спрашиваетъ барса: «Что ты бѣжишь такъ»?—«Я, говоритъ, испугался человѣка и бѣгу такъ».—Атхъ тэрэ-гэнгхэ**)! Э, что ты испугался человѣка! говоритъ. Беретъ и приводитъ обратно барса къ человѣку. Увидавши ихъ, человѣкъ говоритъ волку: «А! этого безсильнаго, котораго я не могъ задержать, откуда приволокъ»? Тогда барсъ, думая, что волкъ привелъ его обманомъ, испугался до потери разсудка, побѣжалъ и по-

*) Цѣпня—посудина, которой черпаютъ воду изъ колодезя. Н. З.

**) Это выраженіе означаетъ презрѣніе къ чему-либо не стоящему вниманія. Н. З.

тащилъ за собой волка. Волкъ усталъ и, разинувъ ротъ, издохъ. Барсъ, увидѣвши разинутую пасть, думая, что онъ смѣется, говоритъ: «А, тебѣ смѣшки, а мнѣ капель» (шамда энъэдэн намда ха-да ханьдан)! побѣждалъ по лѣсамъ и тайгамъ.

Залис. въ Аларь о. Н. И. Затоп-
ляевымъ со словъ аларскаго бурята
Григорія Ирнчиева.

УШ.

Волкъ, просящій пищи у Бога.

Въ давнія времена шелъ старый проголодавшійся волкъ и вылъ, прося у Бога пищи. Богъ (бурхан) указываетъ ему: «Вотъ тамъ ходитъ конь одного богатаго человѣка. Его съѣшь!» Волкъ подходит къ этому коню и говоритъ: «Богъ послалъ меня съѣсть тебя». — Если Богъ велѣлъ съѣсть, съѣшь! Но прежде, чѣмъ съѣсть, прочитай на моей подошвѣ писаніе и тогда съѣшь» — «Гдѣ же оно?» протираетъ глаза и царапаетъ подошву. Конь лягнулъ и убѣжалъ. Волкъ лежить чуть живой и сѣтуетъ на себя: «Приглашаютъ ѣсть, лижешь; просятъ войти, смотришь въ щель. Когда я зналъ грамоту? а взялся разбирать (царапать) на подошвѣ коня». Сильно самага себя винитъ.

Потомъ опять воетъ. Тогда Бурханъ указываетъ ему съѣсть старую собаку одного богатаго русскаго. Волкъ приходитъ къ этой собакѣ и говоритъ: «Меня послалъ Бурханъ съѣсть тебя». Тогда собака говоритъ: «Послѣ того, какъ сказалъ Бурханъ, — съѣшь! Только маленько подожди! Прежде, чѣмъ ты меня съѣшь, я тебя угощу. У насъ правится свадьба и я принесу водки и закуски». Тогда волкъ говоритъ: «Изволь, немного подожду». Та старая собака приноситъ водки и поить волка. Волкъ опьянѣлъ, сидитъ и качается. Когда онъ сидѣлъ такъ, на свадебномъ пиру русскіе запѣли пѣсни. Услышавъ это, пьяный волкъ и самъ началъ выть, воображая, что онъ поетъ. Услышавъ его воющего, русскіе быстро начинаютъ его бить нещадно, по чему попало, и выгоняютъ его едва живаго.

Опять сильно сѣтуетъ на себя: «Когда я пилъ водку? выпилъ и сталъ пьяный». И, обманутый той старой собакой, сидѣлъ и вылъ.

Опять воесть. Бурханъ говорить: «Съѣшь у одного человѣка свиней». Волкъ идетъ къ свиньямъ и говорить: «Бурханъ послалъ меня съѣсть васъ». «Послѣ того, какъ Бурханъ сказалъ съѣсть, съѣшь. Только немного подожди! Прежде, чѣмъ съѣшь ты насъ, мы напоследокъ побесѣдуемъ между собою». Тогда онъ соглашается. «Подожду!» говорить. Свиньи начинаютъ кружиться, бѣгать около городьбы и визжать. Хозяинъ, услыхавши, выбѣгаетъ на улицу. Что де это сдѣлалось? Тогда сидящаго въ свинячьемъ кутухѣ волка начинаетъ бить палкой и выгоняетъ едва живаго. Волкъ опять сѣтуетъ на себя: «Какую я свинячью бесѣду сидѣлъ и слушалъ! оплошалъ и ушелъ, чуть не убитый! Съ этихъ поръ не соглашусь ни на какія слова».

Идетъ долго. Проголодался, ослабѣлъ; на колѣни спотыкается, рыломъ бороздитъ и опять начинаетъ выть. Опять Бурханъ ему указываетъ: «Вонъ сади ѣдетъ человѣкъ съ сѣномъ. Этого человѣка съѣшь!» Волкъ говорить человѣку: «Бурханъ сказалъ мнѣ съѣсть тебя». — «Если Бурханъ сказалъ съѣсть, съѣшь! Только ты меня ни за что, сидя на землѣ, не съѣшь. Я залѣзу на дерево и буду держаться, а ты потомъ залѣзешь за мной». Волкъ говорить: «Изволь! Только я-то какъ залѣзу на дерево?» — Я залѣзу впередъ, на одномъ концѣ возжей завяжу петлю и спущу, а ты надѣнь ее на голову, и такимъ порядкомъ потяну и подниму тебя. — Согласился и надѣлъ петлю. Послѣ этого человѣкъ, взявши другой конецъ, спускаетъ вѣязъ и тянетъ волка вверхъ и такимъ образомъ удушаетъ его.

Запис. у аларскихъ бурятъ миссіонеромъ о. Н. И. Затопяевымъ.

IX.

Кость лопатка.

Въ глубокой древности жили старикъ со старухой. Былъ у нихъ одинъ порозъ, больше нечего не имѣли. Разъ, желая перекочевать въ другое мѣсто, старикъ повелъ пороза за рога, а старуха гнала его сзади. Порозъ вдругъ остановился и не шевелится. Старуха, удивляясь, отправилась къ головѣ пороза къ старику и едва дошла черезъ мѣсяць. Порозъ лежитъ убитый; старикъ, осердившись, что онъ не шелъ впередъ скоро, убилъ его. Старикъ сидитъ подъ бородой возла (тыкэна); около паслись овцы и козы; на рогахъ возла сидитъ орелъ и ѣсть лопатку пороза. Орелъ, увидавъ приближающуюся старуху, бросивъ лопатку, улетѣлъ. Лопатка попала старику въ глазъ; старуха зашѣла въ глазъ старика вытаскивать лопатку и, пролежавъ безуспѣшно шесть дней, на седьмой день только вытаскила. Лопатку эту потомъ нашла лисица и, захвативъ зубами, побѣжала. Лисицу эту встрѣтили войска и, отобравъ отъ нея лопатку, переплыли на ней (т. е. на лопаткѣ) море. Теперь нужно отгадать, кто изъ нихъ больше: порозъ или козелъ, старикъ или орелъ, или лисица?

Кто скажетъ лисица, тотъ хитрый человекъ, кто скажетъ орелъ, тотъ храбрый, кто скажетъ старикъ, тотъ человекъ степенный, а кто скажетъ козелъ или порозъ, тотъ волокита.

Записано въ верхнеудинскомъ округѣ у хоринскихъ бурятъ И. В. Вамбоцэрэновымъ.

X.

Сотвореніе міра и человекна.

1. Варианты балаганскихъ бурятъ.

а) Прежде земли не было, а только была одна вода. Въ это время былъ одинъ бурханъ, котораго звали Сомболъ, потому что онъ сдѣлался самъ собою (бэерь бѣтѣхѣн Сомбол бурхан).

Сомболъ-бурханъ захотѣлъ сотворить землю и ходить по водѣ; въ это время птица ангата *) съ 12 дѣтьми плыветъ по водѣ. Сомболъ-бурханъ, увидѣвъ ангата, говоритъ ей: «Ангата, нырни въ воду и со дна принеси мнѣ землю!» Тогда ангата по словамъ Сомболъ-бурхана нырнула въ воду и со дна достала земли; на носу принесла черной земли и въ лапахъ красную глину.

Сомболъ-бурханъ отъ птицы ангата впередъ взялъ красную глину и разбросалъ по водѣ, а потомъ взялъ черную землю и тоже разбросалъ по водѣ; тогда образовалась земля и на ней выросли травы и деревья. Потомъ Сомболъ-бурханъ благословилъ птицу ангата: «Ты будешь имѣть много дѣтей и плавать по водѣ и нырять!» Вслѣдствіе этого благословенія птица ангата плаваетъ теперь хорошо и ныряетъ въ водѣ долго.

б) Прежде была одна вода, а земли совсѣмъ не было.

Сомболъ-бурханъ хотѣлъ сотворить землю и ходилъ по водѣ; онъ увидалъ птицу ангирь**), которая плыла по водѣ. Сомболъ-бурханъ говоритъ птицѣ ангирю: «Нырни въ воду и со дна принеси мнѣ землю!» Птица ангирь нырнула въ воду за землей, но на пути ей встрѣтилась рыба «хаши загахан»***), которая спрашиваетъ ангира: «куда ты ныряешь?»

Птица ангирь говоритъ: «Я ныряю, что-бы со дна достать землю». Тогда хаши-загахан говоритъ: «Я живу въ водѣ, до сихъ поръ не видала дна, а ты хочешь земли достать; воротись обратно, а то перерѣжу тебя пополамъ!» Послѣ этого ангирь обратно вынырнулъ на поверхность воды.

Тогда Сомболъ-бурханъ спрашиваетъ у ангира, отъ чего онъ не принесъ земли. Ангирь говоритъ, что онъ встрѣтился съ хаши-загаханѣмъ, который хотѣлъ его перерѣзать пополамъ; потому, боясь его, возвратился обратно, не достигнувъ дна воды.

*) Ангата-аркаликъ.

***) Ангирь-турпанъ.

****) Хаши загахан-рыба ножницы; хаши-ножницы, загахан-рыба.

Тогда Сомболъ-бурханъ сказааь ангиру: «Опять нырни въ воду за землей! на пути говори слова: об мани будьма хан. Ангиръ опять нырнулъ въ воду и на пути говорилъ слова «об мани будьма хан»; на этотъ разъ донырнулъ до дна, взялъ земли со дна и обратно вынырнулъ на поверхность воды. Сомболъ-бурханъ взялъ принесенную землю и сдѣлалъ изъ нея землю; потомъ на землѣ выросли травы и деревья.

в) Прежде была одна вода, а земли не было. Три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ, всё трое хотѣли сотворить землю; они ходили по водѣ и увидѣли птицу ангата, которая съ 12 дѣтьми плаыла по водѣ. Всѣ эти три бурхана сказали птицѣ ангата: «Ты нырни въ воду и со дна воды достань намъ земли: черную землю, красную глину и песокъ (хара-шоро, улан-шоро, ялхэ). Тогда птица ангата нырнула въ воду, со дна воды взяла черную землю, красную глину и песокъ, обратно вынырнула на верхъ воды и принесенныя черную землю, красную глину и песокъ передала тремъ бурханамъ. Эти три бурхана принесенныя черную землю, красную глину и песокъ разбросали по водѣ и сотворили землю, на которой выросли травы и деревья.

Послѣ этого создали человѣка; тѣло создали изъ красной глины, кости изъ камня и кровь изъ воды; такимъ образомъ эти три бурхана сдѣлали двухъ человѣкъ: мужчину и женщину.

Потомъ эти три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ между собою порѣшили, кто изъ нихъ оживить этихъ сдѣланныхъ двухъ человѣкъ, тотъ и будетъ имъ покровительствовать. Послѣ этого еще порѣшили, что они передъ собою поставить по свѣчкѣ и по горшку, а потомъ лягутъ спать; когда на другое утро проснутся, тогда чья свѣчка будетъ горѣть и въ чьемъ горшкѣ выростетъ цвѣтокъ, тотъ долженъ оживить двухъ сдѣланныхъ людей и стать ихъ покровителемъ. Всѣ эти три бурхана поставили передъ собою по свѣчкѣ и горшку и легли спать. На другое утро прежде всѣхъ разбудился Шибэгэни-бурханъ; посмотрѣлъ

свѣчка передъ Мадари-бурханомъ горить, а изъ горшка его выросъ цвѣтокъ. Тогда Шибэгэни-бурханъ зажегъ свою свѣчку, а свѣчку Мадари-бурхана угасилъ; цвѣтокъ выдернулъ и посадилъ въ свой горшокъ и потомъ снова легъ спать. Когда всѣ трое проснулись, то видятъ, что свѣчка передъ Шибэгэни-бурханомъ горить, а въ горшкѣ его растеть цвѣтокъ. Тогда присудили, что сдѣланныхъ людей долженъ оживить Шибэгэни-бурханъ и онъ долженъ покровительствовать имъ. Но Мадари-бурханъ узналъ, что Шибэгэни-бурханъ укралъ у него цвѣтокъ и огонь, а потому онъ сказалъ Шибэгэни-бурхану: «Ты укралъ у меня цвѣтокъ и огонь; вслѣдствіе этого оживленные тобою люди будутъ другъ у друга красть и ссориться!» Вотъ почему нынѣшніе люди крадутъ другъ у друга и ссорятся.

Послѣ этого Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ поднялись на небо; Шибэгэни-бурханъ остался на землѣ и оживилъ сдѣланныхъ двухъ человекъ, которымъ сотворилъ караульнаго, собаку. Первыхъ людей бурханы создали съ шерстью, чтобы они не мерзли; собаку сотворили безъ шерсти. Затѣмъ Шибэгэни-бурханъ поднялся на небо, а два человека спали; собака караулила ихъ; въ это время пришелъ Шитхыръ; собака начала на него лаять и не допускала его близко къ спящимъ. Тогда Шитхыръ говоритъ собакѣ: «Ты не лай на меня! я тебѣ дамъ поѣсть да еще выращу на тебѣ шерсть, какъ на людяхъ. Ты не будешь мерзнуть». Собака согласилась на предложеніе Шитхыра, не стала лаять. Тогда Шитхыръ накормилъ собаку и плюнулъ на нее, отъ чего у собаки выросла шерсть. По этому нынѣ буряты говорятъ, что шерсть собаки не чиста.

Шитхыръ подошелъ къ спящимъ людямъ и плюнулъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, а самъ ушелъ. Шибэгэни-бурханъ спустился съ неба на землю и приходитъ къ людямъ; видитъ, спящіе люди олеваны Шитхыромъ, а собака стоитъ въ шерсти. Тогда Шибэгэни-бурханъ сильно разсердился на собаку и проклялъ ее: «Ты всегда будешь ненасытною, будешь грызть кости отъ холода и ѣсть человѣческія изверженія отъ голода; люди тебя будутъ бить!»

Послѣ этого Шибэгэни-бурханъ оплеванную шерсть на людяхъ выбрызгъ гладко и только оставилъ на головѣ, гдѣ шерсть не была оплевана Шитхыромъ; когда люди спали, то рука держали на головѣ, по этому на головѣ, подъ руками шерсть осталась чистою. Вотъ ка-кимъ образомъ первые люди лишились шерсти.

г) Бурханъ землю сотворилъ ровною и гладкою и сначала горъ и долинъ не было. Когда Бурханъ творилъ землю, то въ это время около него стоялъ Шитхыръ, который подъ пятою ноги спря-талъ не много земли. Когда Бурханъ кончалъ творить землю, то Шитхыръ взялъ спрятанную подъ пятою ноги землю и разбросалъ по землѣ; тогда на землѣ образовались горы и долины; земля сдѣ-лалась не ровною. Тогда Бурханъ спрашиваетъ у Шитхыра: «Для чего ты на землѣ сдѣлалъ горы и долины и испортилъ землю»? Шитхыръ говоритъ: «Когда люди будутъ спускаться подъ гору, то, боясь, будутъ призывать тебя: «ай, Бурханъ»! А когда будутъ по-дыматься на гору, то будутъ упоминать меня, говоря: «Шитхырова высокая гора»! Такимъ образомъ обонхъ насъ постоянно будутъ упоминать».

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Кангаловымъ.

2 *Вариантъ аларскихъ бурятъ.*

Когда еще не было видимаго міра (дэлхэй-дайдынъ угэй бая-хо-до), Бурханъ (Богъ), спустившись съ неба, не могъ найти земли, чтобъ создать вселенную. Шолмо (злой духъ) пришелъ и спраши-ваетъ Бурхана: «Что вы думаете дѣлать»? Тогда Бурханъ говоритъ Шолмъ: «Я хочу на этой водѣ моря устроить міръ». — Какъ ты это устроишь? «Нужна земля и камень» (шорой шулун). — Откуда возьмешь землю и камень? спрашиваетъ Шолмо Бурхана. «На днѣ этой морской воды на большой глубинѣ есть (это), но какъ до-стать»?—Я спущусь туда, достану и дамъ.—Бурханъ, думая, что Шолмо не принесетъ (не сможетъ), говоритъ: «Ступай (выйди), при-неси»!

И такъ Шолмо вырнулъ въ море. Вошедши туда, не знаетъ какъ, взявши землю и камень, подняться. И такъ, положивши въ глаза, поднялся вверхъ (вышелъ). Вышедши, вынулъ изъ глазъ и отдалъ прямо въ руки Бурхану и просить его дать ему плату за принесенное. Бурханъ говоритъ: «Я дамъ тебѣ немного земли, раздѣливши». Эти-же землю и камень разсыпалъ по морю и сказалъ, дунувши устами: «Пусть будетъ вселенная!» Отъ земли стала вселенная.

Тогда Бурханъ рѣшилъ, что на этой созданной землѣ нуженъ человѣкъ. Взялъ земли и изъ нея сдѣлалъ тѣло (мясо), взялъ камень и изъ него сдѣлалъ кости, взялъ воду и изъ нея сдѣлалъ кровь. Пока еще онъ не оживилъ человѣка (не далъ ему жизни), сказавши собакѣ, чтобъ она безотлучно караулила, самъ отправился куда-то по своему дѣлу. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Шолмо къ человѣку, совершенно покрытому шерстью. Обманувши (какъ-то) собаку, очищаетъ человѣка отъ шерсти и оставляетъ лишь на одной головѣ. Бурханъ, пришедши, дѣлаетъ собакѣ выговоръ и прогоняетъ ее, осуждая: «Ты безъ нужды снѣшила, такъ будешь грызть кости; не могла стоять, такъ будешь вѣсть человѣческія изверженія. Кромѣ этого человѣкъ не будетъ достигать двухъ сотъ» (лѣтъ). Если-бъ не устроилъ такъ шутхуръ (чортъ), человѣкъ не умиралъ-бы и не хворалъ.

За тѣмъ, перешагнувши черезъ него три раза и плюнувши на него три раза, привелъ его въ чувство.

И такъ сталъ одинъ человѣкъ. Этотъ человѣкъ не расплодился. Тогда Бурханъ рѣшилъ: «Одинъ человѣкъ не расплодится, одна головешка огня не произведетъ». Когда этотъ человѣкъ спалъ, укралъ у него лѣвое ложное ребро (гхувэй) и изъ него создалъ женщину. И такъ отъ этихъ двоихъ произошли на землѣ все люди. За тѣмъ Шолмо обращается къ Бурхану: «Отдай мнѣ обѣщанную плату за принесенное со дна моря!» Бурханъ, не желая измѣнять данному слову, отдаетъ (Шолмѣ) земли на столько, чтобъ

воткнуть маленький колышек (такой колышек, какой втыкается при городбѣ между двумя кольями). Шолмо втыкаетъ въ эту землю колышекъ и снова вытаскиваетъ. Изъ этой земли, изъ этой ямки начинаютъ вылѣзать, выкипать разные гады (хорхой сохо), змѣи (могой *) и тому подобные вредящіе человѣку. Если-бъ не была дана Бурханомъ эта земля Шолмъ, не было-бы и ничего такого на землѣ, чтобы было худо для человѣка.

Записано о Н. Затопляевымъ отъ аларскаго бурята Этогорова.

XI.

О п о т о п ѣ .

Передъ тѣмъ, какъ быть потопу, Бурханъ началъ учить одного человѣка выстроить корабль. Этотъ человѣкъ каждое утро вставалъ и съ топоромъ уходилъ въ лѣсъ, гдѣ строилъ по наученію Бурхана корабль, который былъ очень большой, а вечеромъ приходилъ домой. Долго такъ уходилъ онъ каждое утро въ лѣсъ. Однажды жена его спросила, что онъ дѣлаетъ въ лѣсу каждый день. Тогда мужъ сказалъ женѣ, что онъ рубить дрова. Въ одинъ день, когда мужъ ушелъ въ лѣсъ съ топоромъ, къ женѣ его пришелъ Шитхыръ и говоритъ ей, что мужъ ея обманываетъ ее; онъ вовсе не рубить дрова, а строить большой корабль. Потомъ Шитхыръ говоритъ женѣ этого человѣка: «Корабль скоро будетъ готовъ; твой мужъ будетъ тебя заставлять взойти на корабль, а ты не всходи, отказывайся; мужъ твой будетъ тебя бить; тогда скажи ему: зачѣмъ меня бьешь, шитхыръ? а потомъ входи въ корабль; я съ тобой войду вмѣстѣ». Эта женщина обѣщалась сдѣлать такъ, какъ ее учили, а Шитхыръ ушелъ.

Послѣ этого вскорѣ сдѣлался потопъ. Тогда этотъ человѣкъ привелъ свое семейство къ кораблю и велѣлъ войти въ него,

*) Хорхой сохо буквально «черви и жуки». Это выраженіе можно-бы перевести сибирскимъ «гнусъ». Подъ словомъ «могой» въ легендѣ слѣдуетъ разумѣть не однѣхъ змѣй, а вообще гадовъ.

но жена его не соглашается; онъ долго уговаривалъ свою жену и наконецъ разсердился, началъ бить ее; тогда она сказала своему мужу: «За чѣмъ меня бьешь, шитхыръ!» После этого вошла въ корабль и Шитхыръ съ нею вмѣстѣ вошелъ.

Этотъ человекъ съ помощію Бурхана поставилъ на корабль много звѣрей, а царь звѣрей аргаланъ-зонъ сказалъ: «Я большой, не утону» и отказался взойти на корабль. Потомъ вода сильно поднялась; корабль поплылъ по водѣ. Шитхыръ, вошедшій на корабль, обратился въ мышей и началъ грызть дно корабля; прогрызъ много дырокъ, въ которыя вошла вода. Этотъ человекъ началъ затыкать дыры и выбрасывать воду, а мыши прогрызали другія дыры, черезъ которыя опять входила въ корабль вода. Бурханъ, увидя это, сотворилъ кошку, которая переловила всѣхъ мышей на кораблѣ. По этому буряты говорятъ, что родъ кошки не чистый, потому что она ловила и ѣла мышей. Аргаланъ-зонъ, когда вода сильно поднялась, долго плавали и наконецъ всѣ утонули. А потому нынѣ ихъ кости выходятъ изъ земли. Отъ этого человека произошли всѣ люди, послѣ потопа.

Записано у балаганскихъ бурятъ
Н. Хангаловымъ.

ХІІ.

О землетрясеніи.

О землетрясеніи говорятъ такъ: «Земля стоитъ на мылхэй», дэлхэй мылхэй дэрэ байхыйма. Есть какое-то животное мылхэй, имѣющее форму черепахи, на спинѣ котораго и держится земля. Когда это животное утомляется и содрогается, земля колеблется, трясется.

Записано у аларскихъ бурятъ о.
Н. И. Затопляевымъ.

ХІІІ.

Звѣри послѣ сотворенія міра.

По появленія въ мірѣ всѣхъ животныхъ существъ было всемірное собраніе: разные классы живыхъ существъ выбирали царей, разнымъ существамъ предопредѣлялись ихъ обязанности и пути жизни и т. д. На собраніи этомъ не было налима*); а верблюдъ явился самымъ послѣднимъ почти уже послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ. Ему нужно было получить кибыгынъ (testiculi**); такъ какъ все было разобрано, то ему и предложили, что осталось; но такъ какъ предложенное показалось ему сравнительно мизернымъ, не соответствующимъ такому громадному существу, какъ онъ, то онъ, повернувшись назадъ, пошелъ обратно. Тогда бросили кибыгынъ ему въ слѣдъ и этотъ органъ приляпъ къ его задъ. По этому и теперь у верблюда-самца кибыгынъ находится на задъ пониже задняго прохода.

Сохатый, идя обратно съ собранія, встрѣтился на берегу рѣки съ налимомъ. Налимъ спрашиваетъ сохатаго: «Кому какая жизнь предопредѣлена?» «Миѣ вѣлѣно», говоритъ сохатый, «жить въ хребтахъ, питаться лучшей травой и чистой водой, а тебѣ вѣлѣно жить въ глубинѣ рѣки, питаться тиной и дѣлать при слѣдованіи дневки въ каждомъ изгибѣ рѣки».

«Конь кому достался? ружье кому досталось? Собака кому досталась»?... спрашиваетъ налимиъ. «Всѣ достались двуногому хойбону***), отвѣчаетъ. «Ну, если конь, ружье и собака достались двуногому хойбону, то,—говоритъ налимиъ,—не сдобровать ни миѣ, ни тебѣ! онъ будетъ насъ убивать!» Эти слова налима до того огорчили сохатаго, что онъ тутъ-же сталъ плакать и до того плакалъ, что лопнули у него два изъ четырехъ его глазъ. По этому у сохатаго и теперь есть шрамы отъ лопнувшихъ глазъ, пониже двухъ уцѣлѣвшихъ.

*) Кажется, налимиъ опоздалъ на собраніе потому, что въ каждой заводи (тохой) дневалъ. За это ему и предѣлено ѣсть тиной и жить въ глубинѣ.

***) Кибыгынъ—луковицы сараны (Lilium Marthagou), а также testiculi.

****) Хойболзохо, шагать скоро, чуть ударая ногу объ ногу. Хойбонъ—такъ называли челоуѣка.

На этомъ же собраніи птицы обсуждали вопросъ о избраніи царя. Почти всё выбрали въ цари журавля, но съ этимъ выборомъ не согласился «догolonъ ханчиръ»^{*)}). Онъ заявилъ, что журавль кричитъ безпрестанно, не разбирая ни дня, ни ночи. «Намъ не узнать будетъ, по дѣлу-ли онъ кричитъ или просто по привычкѣ, по пусту; по этому намъ частенько придется тревожиться и понапрасну!» Это заявленіе догolonъ-ханчира было признано правильнымъ и въ цари выбрали птицу Гароди. Журавль, осердившись на догolonъ-ханчира, перетопталъ его ножку и за это собравшимися былъ присужденъ носить на себѣ догolonъ-ханчира, когда послѣднему представится надобность перебираться по временамъ года изъ страны въ страну. По этому теперь весной послѣ прилета журавлей на спяніе ихъ, говорятъ, бываютъ слѣды ноши; а догolonъ-ханчиръ при спускѣ на землю, говорятъ, не можетъ сразу сѣсть на землю прямо; сначала какъ будто надаетъ на землю, а уже потомъ садится прямо.

Царь птицъ Гароди женился на птицѣ шара-шубу, «филинъ». Когда жена Гароди забеременѣла, то, передъ тѣмъ какъ разрѣшиться отъ бремени, заявила мужу, что она желаетъ родить на спинѣ его подданныхъ. Гароди, желая удовлетворить прихоти жены, разослалъ приказъ всѣмъ подданнымъ немедленно явиться къ нему и приказалъ прибывшимъ прокалывать дырочки въ клевахъ и, продернувъ въ тѣ дырочки шнурокъ, всѣхъ связать поstepенно. Явились на призывъ почти всё и всѣмъ прокололи клювы и, продернувъ въ проколотыя дырочки шнурокъ, всѣхъ привязали другъ къ другу. Отсталъ только одинъ гойбанга^{**}). Когда-же онъ наконецъ явился, то царь Гароди сталъ его допрашивать, почему онъ опоздалъ. Гойбанга отвѣтилъ Гароди, что онъ сравнивалъ количества существующихъ на свѣтѣ мужчинъ и женщинъ, дней и ночей и высокихъ и низкихъ лѣсинъ. Выслушавъ это, царь спра-

*) Погонышъ.

***) Гойбанга—полуочникъ, *Caprimulgus*.

шваецъ: мужчинъ больше числомъ или женщинъ? дней больше или ночей? высокихъ лѣсинъ больше или низкихъ? Гойбанга отвѣчаетъ: «Если отнести мужчинъ, находящихся подъ властью жены, къ женщинамъ, женщинъ оказывается больше; если отнести пасмурные дни къ ночамъ, ночей оказывается больше; если отнести нагнувшіяся лѣсины къ низкимъ, низкимъ лѣсинъ оказывается больше!» Изъ этихъ объясненій Гароди заключилъ, что онъ причисляется по словамъ гойбанга къ числу женщинъ, какъ дѣйствующій по требованію жены; это очень его огорчило и онъ, не давая просверлить гойбангѣ клювъ, приказалъ распустить всѣхъ связанныхъ птицъ, а самъ улетѣлъ въ другое мѣсто, оставивъ жену. Поэтому говорятъ у всѣхъ птицъ, кромѣ гойбанги, клювы просверлены поперегъ.

Записано И. В. Вамбоцеровымъ
у хоренскихъ бурятъ.

=====
XIV.

Конь и изюбрь.

(*Морён буго*).

Изюбрь и конь побились объ закладъ. Конь говоритъ: «Я тебя догоню!» а изюбрь говоритъ: «Я тебя догоню!» Тогда конь говоритъ: «Если меня будетъ погонять человекъ, я тебя догоню!» Посадивши на себя человекъ, догоняетъ. Такъ-то и попалъ конь въ руки человекъ. Изюбрь-же, будучи догнанъ, выплакалъ два глаза изъ четырехъ. На мѣстѣ, гдѣ были выплаканые два глаза у изюбря, и сейчасъ есть знаки (какъ-бы разрѣзы отъ бывшихъ глазъ немного пониже отъ уцѣлѣвшихъ).

Записано отъ аларскихъ бурятъ миссіонеромъ о. Н. Затопляевымъ.

XV.

Р я б ч и к ъ .

(Гхуду).

Была большая птица, которая называлась рябчикъ (гхуду). Однажды ѣхалъ по лѣсу на конѣ Бурханъ; впереди его вблизи лежалъ рябчикъ. Вдругъ рябчикъ вырывается, летитъ. Отъ этого вылета конь Бурхана испугался (шарахнулся въ сторону) и Бурханъ чуть не слетѣлъ съ коня. Онъ осердился на это, раздѣлалъ мясо рябчика и вложилъ въ грудь каждой птицы. По этому у всѣхъ птицъ вселенной (далхэй) есть въ груди бѣлѣйшее мясо рябчика (гхудуни мяхан сабсагахан). Самаго же рябчика сдѣлалъ маленькимъ (какимъ онъ и есть сейчасъ).

Записано у агарскихъ бурятъ о. Н.
И. Затопляевымъ.

XVI.

Л е т я г а .

Когда-то (въ давно минувшее время) летяга сидѣла въ одномъ лѣсу. Въ то время какъ она (однажды) сидѣла на верху одного большого дерева, издалека увидѣла, что въ одной сторонѣ пошелъ дождь, блистаетъ молнія и гремитъ громъ, и сказала: «Ахъ, ты небо! ты (было) съ солнцемъ, съ луной! ты (было) съ дождемъ, съ туманомъ! Ты (было) съ молніей, громомъ (букв. голосомъ)! Я тебя даже и немножко не боюсь. Я тебя проглочу». Пока она сидѣла, не однократно повторяя такимъ образомъ, съ переливами въ горлѣ*), тотъ ливень, мало по малу приближался, подошелъ (къ ней) при сильномъ блескѣ молніи и страшныхъ раскатахъ грома; она испугалась и, спустившись внизъ, проскользнула въ дупло дерева. Вслѣдъ за тѣмъ спустилась громовая стрѣла и убила ее.

*) Въ текстѣ вмѣсто фразы: «съ переливами въ горлѣ» стоитъ—хулкур хулкур гежи т. е. «произнося: хулкуръ, хулкуръ»!

Согласно (подобно) этой притчѣ, гордый и хвастливый человекъ, возгордившись, прежде чѣмъ встрѣтится съ какимъ-либо дѣломъ, предается небрежнымъ словамъ и дѣйствіямъ и погибнетъ, будучи опутанъ своею виною (подъ бременемъ собственной вины, безтолковости).

Бурятскій текстъ записанъ хоринскимъ бурятомъ Ринч. Н. Номтоевымъ.
Переводъ сдѣланъ А. О. Ивановскимъ.

ХVII.

В е р б л ю д ь .

Однажды Бурханъ собралъ животныхъ — ихъ было тринадцать: 1) верблюду, тэмэнъ, 2) мышь, хулагана, 3) быкъ, ухыръ, 4) тигръ, баръ, 5) заяць, тулай, 6) драконъ, лу, 7) змѣя, могой, 8) конь, моренъ, 9) овца, хонинъ, 10) обезьяна, мишинъ, 11) курица, тахя, 12) собака, нохой и 13) свинья, гахай, — чтобъ раздѣлять года и дать каждому году названіе животного. Верблюду заспорилъ, что онъ первый войдетъ въ названія годовъ, такъ какъ онъ всѣхъ больше и совершенно отказываетъ въ этой чести мыши, какъ самой маленькой, и говорятъ: «Я тебя растопчу! гдѣ тебѣ маленькой соваться съ нами!» Тогда мышь придумала: «Пусть лучше первый будетъ тотъ изъ насъ, кто первый увидитъ свѣтъ восходящаго солнца!» Рѣшили такъ. Верблюду сталъ смотрѣть въ ту сторону, откуда должно было взойти солнце; мышь же, взобравшись на голову верблюда, смотрѣла въ противоположную сторону и какъ только показался въ той сторонѣ (на югозападѣ) отвѣтъ солнца, она сказала верблюду: «Вотъ гдѣ свѣтъ восходящаго солнца и я первая его увидала». И такъ рѣшили, чтобъ первый годъ въ числѣ двѣнадцати былъ годъ мыши, жил хулагана. Верблюда-же за его споръ вовсе не включили въ названія годовъ. Вотъ отсюда-то и вышла бурятская пословица: «Верблюду возгордился и въ года не попалъ», тэмэн эхэрхыжэ жилгэй хожидо.

Записано у аларскихъ бурятъ мисс. о. Н. И. Затопляевымъ.

XVIII.

З а я ц ь.

а).

Заяцъ прежде былъ совсѣмъ черный, но съ каждымъ годомъ у него бѣлѣло по одному волосу, такъ что теперь черные волосы у него остались только на концѣ ушей. Когда заяцъ совсѣмъ будетъ бѣлый, тогда наступитъ «галабъ», окончаніе міра; все сгоритъ. Тогда по землѣ будутъ бѣгать огненные козули (галта гурохон), у которыхъ изъ подъ копытъ будетъ сыпаться огонь.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

б).

Объ ушахъ ушкана говорятъ, что когда у него сойдетъ съ конца ушей черное, будетъ преставленіе свѣта. А свѣтопреставленіе по вѣрованіямъ бурятъ будетъ происходить такъ: съ востока на западъ протечетъ огненная рѣка; отъ нея будутъ распространяться искры, которыя и пожгутъ всю землю, и все, что на ней есть. За тѣмъ опять будетъ новая земля и новые обитатели и новое управленіе. Новые обитатели будутъ жить до трехъсотъ лѣтъ.

Записано у аларскихъ бурятъ о. Н.
И. Зотопьевымъ.

XIX.

Б у р у н д у к ь.

Бурундукъ (жирка) отъ того полосатый, что Бурханъ погладилъ его рукою.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XX.

Сурокъ.

(тунгусскій вариантъ).

Тарбаганъ (сурокъ) былъ человекомъ, назывался Эрхи-мэргэнъ и славился искусствомъ стрѣлять изъ лука. Ни звѣрямъ, ни птицамъ онъ не давалъ покою, ни проходу, ни пролету. Богъ, видя жестокость стрѣла, пришелъ къ нему и говоритъ: «Ты вотъ теперь, тарбаганъ, хорошо стрѣляешь и перебилъ почти всѣхъ звѣрей и птицъ! но вотъ убей птичку въ летъ, которую я пушу!» Тарбаганъ сказалъ, что убьетъ. «Если-же не убьешь, сказалъ Богъ, тогда ты станешь звѣремъ и уйдешь на шесть мѣсяцевъ въ землю, не будешь эти шесть мѣсяцевъ ѣсть траву, пить воду и видѣть свѣтъ». Тарбаганъ Эрхи-мэргэнъ согласился и на эти условія. Тогда Богъ выпустилъ ранѣе приготовленную ласточку; Эрхи-мэргэнъ выстрѣлилъ; стрѣла попала въ хвостъ ласточки и вышибла изъ него перья, благодаря чему хвостъ у ласточки въ настоящее время вилкой. Тарбагана Эрхи-мэргэна Богъ проклялъ и обратилъ въ звѣря. Съ этого времени онъ въ теченіи шести мѣсяцевъ въ году не ѣсть и не пьетъ, а лежитъ въ землѣ*).

Записано отъ тунгусовъ въ Нерчинск.
окр. К. Д. Логиновскимъ.

XXI.

М а м о н т ъ.

О мамонтѣ буряты говорятъ, что кости его есть не что иное, какъ разбившійся лу (чудовище). Лу, постарѣвъ, сваливается на землю. Этихъ лу много и погибшіе тотчасъ-же замѣняются новыми. По бурятски мамонтъ называется «ареланъ». Рассказываютъ еще, будто онъ хвалился, что при потоцѣ онъ не погибнетъ, а потому и не пошелъ въ ковчегъ. Погибъ онъ около Ледовитаго океана.

Записано у аларскихъ бурятъ о.
Н. И. Затоцкаевымъ.

*) Эта легенда распространена и у русскихъ. К. Логиновскій.

XXII.

Птица тутэ.

Птица тутэ (тутэ шубун) прежде была дѣвица сирота; жена брата обращалась съ нею жестоко. Однажды невѣстка сильно ее избяла; она ушла и легла спать въ слезахъ, положивъ голову въ муравейникъ. Въ это время Бурханъ осматривалъ землю и, увидѣвъ ее, пожалѣлъ и обратилъ ее въ птицу. Эта птица кричитъ теперь:

Аха хун алдар
Бэргэн хун бэлдэр
Тогони хюжама
Торхон унгэр

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIII.

Дятель.

Дятель прежде былъ богатый и скупой человекъ, который однажды дѣлалъ топориче къ топору; въ это время къ нему зашелъ нищій и просить подаваніе; богатый скупецъ сперва подаль нищему щепки, а потомъ топориче, но нищій не взялъ этой милостыни. Этотъ нищій былъ самъ Бурханъ; онъ сказалъ богачу: «Тебѣ Бурханъ далъ богатство, а ты не хочешь подѣлиться съ бѣдными. Съ этого времени будешь питаться, долбя дерево!» Съ этими словами обратилъ богача въ дятла. Вотъ отчего дятель питается теперь долбленіемъ дерева.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIV.

Орель.

Орель прежде былъ человекомъ. Одинъ молодой и хорошій шаманъ, обратившись въ птицу орла, улетѣлъ «въ западный хатъ»; побывавши тамъ, обратно прилетѣлъ домой и опять по прежнему

сдѣлался человѣкомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того опять снова обратился въ орла и улетѣлъ «въ восточный хать»; побывъ тамъ нѣсколько времени, то-же полетѣлъ обратно, но во время пути сильно проголодался, сѣлъ на дадалъ и началъ клевать мясо. Наѣвшись до сыта, прилетѣлъ домой, но сдѣлался не чистымъ, потому что ѣлъ падалъ; по этому онъ уже не могъ снова обратиться въ человѣка, а остался орломъ навѣки.

Птица орелъ имѣетъ своего эжина^{*)}); бураты сильно уважаютъ орла и не стрѣляютъ его. Если кто-нибудь изъ двухъ орловъ убьетъ одного, то другой оставшійся орелъ въ ту-же ночь слетаетъ на островъ Ольхонъ; тамъ онъ найдетъ себѣ другаго орла и съ нимъ прилетитъ обратно; на другой день опять будутъ уже летать два орла. Человѣкъ-же, который застрѣлитъ орла, умретъ.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXV.

Повѣрье о лебедяхъ, воронахъ и коршунахъ.

Птица лебедь имѣетъ своего эжина, а потому бураты сильно боятся лебедей и не стрѣляютъ ихъ; если кто-нибудь застрѣлитъ лебеда, имѣющаго своего эжина, то этотъ человѣкъ умретъ, а лебедь долго не забываетъ о потерѣ своего друга, весною и осенью при прилетѣ и отлетѣ постоянно кружится надъ мѣстомъ, гдѣ лишился друга, и жалобно кричить.

Воронъ тоже имѣетъ своего эжина; бураты обыкновенно боятся убить ворона.

Коршуны въ лѣтніе три мѣсяца тоже имѣютъ своихъ эжиновъ; въ это время нельзя убивать ихъ; въ остальное время можно.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

^{*)} Эжинъ—духъ обладатель.

XXVI.

Щ у к а.

Рыба щука прежде была лошадыю. Одна лошадь, запряженная въ соху, со всею упряжью убѣжала и утонула въ водѣ и сдѣлалась рыбою щукой. По этому-то въ головѣ щуки всѣ кости означаютъ земледѣльческія орудія и сбрую.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXVII.

Н а л и м ь.

Рыба налимъ прежде была человѣкомъ. Одинъ человѣкъ положилъ въ пазуху баранью печень*) и пошелъ. На пути какъ-то утонулъ въ рѣкѣ и сдѣлался рыбою. Вотъ почему у налима большая и вкусная печень.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXVIII.

Трава хунъ-хорхонъ.

Есть такъ называемый корень травы хунъ-хорхон (человѣчскій корень), который цѣлебень отъ всѣхъ болѣзней. Этотъ корень совершенно похожъ на человѣка и раздѣляется на мужескій и женскій помы. Прежде этотъ корень выкапывали слѣдующимъ образомъ; кто знаетъ этотъ корень, тотъ, найдя его, выстраивалъ надъ нимъ небольшой шалаши, чтобы корень этотъ не видѣлъ солнца; иначе, если корень увидитъ солнце, наступитъ страшная засуха. Когда корень выкопаютъ, то изъ него вырѣзываютъ маленькій кусочекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у больного болитъ; напримѣръ если у больного болитъ правая рука около плеча, то и на корнѣ

*) Бараній курдюкъ т. е. хвостъ.

вырѣзываютъ кусокъ непременно около праваго плеча; съ другаго мѣста вырѣзывать нельзя. Когда этотъ корень выкапываютъ, то онъ плачетъ по человѣчески. Обыкновенно буряты считаютъ большимъ грѣхомъ выкапывать этотъ корень.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIX.

О т а б а к ѣ.

Откуда взялась у человѣка страсть къ табаку?

Однажды два бурхана, мужчина и женщина, слюбились и такъ жили, что никто не зналъ объ этомъ. При такомъ житиѣ женщина бурханъ забеременѣла и родила ребенка. Устыдившись этого, она ушла въ лѣсъ и повѣсилась на деревѣ березѣ. Береза нагнулась. Тогда бурханъ-женщина ушла и повѣсилась на соснѣ. Сосна покачнулась и нагнулась внизъ. За тѣмъ она повѣсилась на осинѣ. Осина стоитъ прямехонько. Тутъ и кончилась (умерла) бурханъ-женщина. Мужчява-бурханъ не могъ разыскать ее. Прошло такимъ образомъ два или три года; онъ наталкивается на кости. Увидѣлъ эти кости и въ правой тазовой кости нашель выросшую траву. Плакалъ онъ тутъ, плакалъ, взялъ эту траву, принесъ, рассадилъ ее и расплодилъ и затѣмъ началъ тинуть носомъ и ртомъ (т. е. курить и нюхать), разгоняя скуку. Эта трава теперь табакомъ (тамхи) называется. Отсюда и вышла страсть курить табакъ.

Записано у аларскихъ бурятъ о.
Н. И. Затопляевымъ.

XXX.

Повѣрья о деревьяхъ.

Нѣкоторыя деревья имѣютъ своихъ эжиновъ. Эти эжины находятъ въ нихъ. Буряты сильно избѣгаютъ тѣхъ деревьевъ, въ которыхъ предполагаютъ существованіе эжиновъ; такія деревья они на-

зываютъ «эжинтэ модонъ». Ихъ узнають по сердцевинѣ, которая у нихъ бываетъ красная, и по сукамъ. Если кто нибудь по незнанію вырубить эжинтэ-модонъ и употребить его въ постройку, то эжинтэ-дерева будетъ сильно вредить домохозяйну. Этотъ домъ постоянно трещить и по ночамъ кто-то ходитъ по нему и т. п. бываетъ.

Иарѣдка бываетъ дерево, имѣющее огонь; такое дерево называется «галта модонъ». Если галта-модонъ попадетъ въ постройку, то этотъ домъ будетъ теплый; но въ то-же время это и опасно, можетъ случиться пожаръ. Иногда, когда галта-модонъ тешутъ топоромъ, изъ него брызжутъ огненные искры.

Лѣса имѣють своего эжина, который въ нихъ и находится. Одинъ человекъ изъ охотниковъ во время охоты заблудился въ лѣсу, долго блуждалъ въ немъ и наконецъ умеръ отъ голода. Этотъ то охотникъ и сдѣлался эжиномъ лѣсовъ. Эжинъ лѣсовъ заставляеть людей блуждать по лѣсу, заводя ихъ далѣе. Заблудившіеся въ лѣсахъ люди иногда видятъ высокаго чернаго человека, который, сидя, плачетъ и говорить:

мананда тѳрхон мананхуб^а

бѳрѳндѳ тѳрхон бѳрѳнхуб^а

ѳлѳтхи дархи шиги у зэлѳб^а

Этотъ плачь и говоръ лѣснаго эжина слышать заблудившіеся люди.

Запис. у балаганскихъ бурятъ М.
Н. Хангаловымъ.

XXXI.

Собачій пай въ хлѣбѣ.

Прежде солома хлѣба была покрыта колосомъ отъ вершины до корня. Одна женщина коркою хлѣба выгребла изверженія ребенка и бросила её на улицу. Это увидѣлъ Богъ и разсердился на людей, началъ съ соломы снимать колосья. Лежавшая собака, уви-

дя это, попросила Бога оставить ей долю. Тогда Богъ оставилъ часть колоса на концѣ соломы. Буряты говорятъ, что нынѣшній хлѣбъ это собачій пай, оставленный Богомъ. По этому считается грѣхомъ жалѣть хлѣба для собаки.

Запис. у балаганскихъ бурятъ М.
Н. Хангаловымъ.

XXXII.

Х у р ь.

У балаганскихъ бурятъ есть музыкальный инструментъ, называемый «хуръ», который будто бы имѣеть своего отдѣльнаго эжина: «хури эжин». Кто пожелаетъ научиться хорошо играть на хурѣ, тотъ долженъ въ безлунную ночь сѣсть на растани трехъ дорогъ, на голой лошадиной головѣ, которая должна быть обуздана шелковой уздой, сшитой шелковыми нитками и съ шелковыми поводьями. Около полуночи лошадиная голова сбрасываетъ своего сѣдока, играющаго на хурѣ; если этотъ человѣкъ упадетъ, то онъ скоро умретъ; а если не упадетъ и будетъ продолжать играть на хурѣ, то научится хорошо играть на этомъ инструментѣ.

Хурда хурдазар

Хэтэ журалаб

Харан сзон шинэдэ

Баруни хата

Орожи хурдалаб

Баруни жахи

Урулажи хурдалаб

Хуни утарха

Болсоро хурдалаб

Тихэдэ буту

Бадарга думалаб

Тихэдэн зоксолоб

Харан гурбан хушинда

Гүрбан харгун
Билышир дөрө
Морони хубха толго
Уналжи хурдалаб

"
Үри сахни хэрэндэ
Хубха толго
Бульязки бала
Тэн дэрэн
Барияки торолоб
Зуни жата
Мактулажи абдалаб
Тихэжэн хоши
Эжилэн угэй

"
Үнэп хурта журалаб
Наржан модонь хурара
Нада зугада хурдалаб

"
Үшөлгэжи лбалаб
Хуши модон хурара
Хуриле зондо хурдалаб

"
Үшилгэжи лбалаб
Хөлөн харан хилгажа
Хаха таган хурдалаб
Хоршахон абиган хургари
Гэнэн багада марталаб
Хулэн хөхөн хичажа
Хородон жүжи хурдалаб
Харьта ахан хургари
Гэнэн багада марталаб
Бэлэн залои урулхада
Бэргэнүт мини урмагшла

Аляр аляр хурдахада
Абаганут мини урмагила.

Записано отъ балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXXIII.

О ворожбѣ на лопаткѣ.

Въ одно время жилъ лама-хубилганъ (перерожденецъ), имѣвшій много книгъ, раскрывъ которыя, онъ узнавалъ все. Бѣдетъ онъ однажды куда-то и остановился ночевать въ степи. Положилъ все свои книги на землю. Вмѣстѣ съ нимъ тутъ же ночевалъ овечій пастухъ. Овцы этого пастуха съѣли все эти книги. Тогда лама сказалъ овцамъ: «Когда вы съѣли мои книги, пусть мое книжное вѣденіе войдетъ въ ваши тоненькія кости. Я же обойдусь и безъ книгъ!» Вотъ поэтому-то и ворожатъ теперь овечьей лопаткой.

Записано о. Н. И. Зотопьяевымъ со словъ помощника старшины аларскихъ бурятъ Викт. Вас. Шарыпова.

XXXIV.

Пальцы вору.

Бат балай хэлэ: хулудэ!

Бодон толэй: ягашіэ ихамда.

Тойтоли: хун хара хархо угэйл?

Тотонэй батор: зэмэ зонхо болхо угэйл?

Бинахан шлютхэ: би айным!

Большой палець сказатъ: Уградемъ!

Указательный: Чтожь, изволь!

Средній: А насъ не увидитъ (простою чело-
вѣкъ насъ не увидитъ)?

Безъымянный: Виноваты не будемъ.

Мизинецъ: Я боюсь!

Записано у аларскихъ бурятъ о. Н.
И. Зотопьяевымъ.

XXXV.

Племена буряты.

Въ Иркутской губерніи живутъ слѣдующія племена (кости) буряты:

1) Сэгэнуть или Олодь.

2) Хордуть; по преданію вышли изъ Монголіи. Хордуты часто упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

3) Хулдаты; вышли изъ Монголіи.

4) Золуть; вышли изъ Монголіи.

5) Булуть; произошли отъ женщины изъ племени Баргаты.

По преданію одна женщина изъ племени Баргаты заблудилась въ лѣсу; её нашелъ во время охоты Онго, старшій сынъ Оббогона, и женился на ней; такъ какъ она была уже беременная, то скоро родила сына, которому дали имя Булуть; отъ этого мальчика произошло племя Булуть, хотя по настоящему мальчикъ Булуть былъ изъ племени Баргаты.

6) Хангинъ, потомки Хоредоя.

7) Шараты, то же потомки Хоредоя.

8) Хармяганъ, вышли изъ Монголіи.

9) Улабаты; вышли изъ Монголіи.

10) Хэрмэшинъ; вышли изъ Монголіи.

11) Хэрбитъ; вышли изъ Монголіи, но часто упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

12) Шошолокъ; вышли изъ Монголіи и упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

13) Мавхамоть; вышли изъ Монголіи.

14) Хасамакъ; вышли изъ Монголіи.

15) Бузагаты; вышли изъ Монголіи.

16) Хартуль; вышли изъ Монголіи.

17) Хара-монголь; вышли изъ Монголіи.

18) Аргануть; вышли изъ Монголии.

19) Уранхай; произошли отъ смѣшенія бурятъ съ другими племенами.

М. Н. Хангаловъ.

XXXVI.

Кости въ бывшемъ Аларскомъ вѣдомствѣ.

Всѣхъ костей*) въ вѣдомствѣ насчитываютъ шестнадцать: 1) Хонходоръ, 2) Бодорхонъ, 3) Дуртунъ (выдѣлившаяся изъ Бодорхона, 4) Табяжинъ (выдѣлившаяся изъ Хонходора), 5) Болдой (выдѣлившаяся изъ кости Ашита), 6) Ашита (изъ Хонходора), 7) Хотогой, 8) Хахта, 9) Сартуль (люди этой кости не ѣдятъ крови), 10) Шошолокъ, 11) Туралэкъ, 12) Хогой, 13) Апахай, 14) Хурхуть, 15) Ноётъ (ихъ двѣ, одна Му-ноётъ, «худые ноёны», другая Гхайнъ-ноётъ, «хорошіе ноёны»**) и 16) Шарануть. У Шаранута было три сына: 1) Баргай, 2) Бырбэхэнъ и 3) Хухтэ. Настоящіе Шарануты происходятъ отъ всѣхъ трехъ братьевъ, но всѣ они стараются произвести свою родословную отъ старшаго Баргай. Происходить изъ-за этого жестокіе споры и не рѣдко драки.

Сообщ. о. Н. И. Зотоплевыхъ.

XXXVII.

Кость Шарануть.

Шаранутовъ***) считаютъ происшедшими отъ незаконнаго брака. Буряты другихъ костей дразнятъ ихъ, говоря: «Шарануты произошли изъ мочи соловаго жеребца». Одна дѣвушка родила сына. Стыдясь отца и матери, она привязала его къ хвосту соловаго жеребца и отпустила. Узелъ развязался и мальчикъ упалъ. Этотъ мальчикъ,

*) Кость, *мама*, употребляется въ смыслѣ родъ, поколѣніе.

**) Къ этой кости относятся Холтубаевцы, перечисленные изъ идиинскаго вѣдомства въ Аларское и поселившіеся въ улусахъ Кудинскомъ и Булуруйскомъ около Ангары смежно съ балаганскими; есть правда немного и въ Алари въ 1-мъ Хонходорскомъ родѣ.

***) Имя Шарануть сокращено изъ Шаргануть, «соловенькіе» отъ слова шарга, «соловой».

Прим. о. Зотоплева.

ставши потомъ большимъ, женился и отъ него родились три сына: старшій Баргай, средній Бэрбэхэнтъ и младшій Хултэ. Происшедшій отъ нихъ народъ называется Шаранутской костью. Въ насмѣшку вмѣ говорятъ, что у нихъ нѣтъ тэнгрия, а бурханъ ихній соловой жеребецъ. Въ Алари есть потомки всѣхъ этихъ трехъ братьевъ Шаранутовъ: въ Зенскомъ улусѣ Баргай, въ Шабшалантуйскомъ Хултэ и въ Куркатскомъ Бэрбэхэна.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ старосты I Хонходорскаго рода М. Н. Бадмаева.

XXXVIII.

Кость Хабарнугъ.

Въ старыя времена въ Алари устраивалась зэктэ-аба (всенародная облава). Сюда съѣзжались все буряты, живущіе по эту сторону Байкала. Однажды, когда все собрались, пировали. Окончивъ пиръ, стали собираться на охоту; тогда одинъ изъ присутствующихъ началъ ногтями царапать котель, отскребая призастившее масло. Участвовавшіе, увидѣвъ это, назвали его Хабарнугъ. Произшедшіе отъ него составляютъ кость Хабарнугъ (царапатель *).

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ хонходора В. В. Шарыпова.

XXXIX.

Кость Бурутханъ.

Было два брата; младшій просить старшаго, чтобъ онъ выдалъ за него свою дочь. Тотъ говорить ему: «Ты говоришь скверное, противное, негодное (бурузанга). По этому пусть и будетъ твое названіе Бурутханъ».

Записано свящ. Н. Затопляевымъ со словъпомощн. старосты I хонходорскаго рода В. А. Вампилова.

*) Хабардахо по бурятски «царапать».

XL.

Кость Ининать.

«У горнаго козла сила въ копытахъ, а у Инината сила въ языкѣ». Въ стародавнее время при выходѣ монголовъ въ предѣлы Бѣлаго русскаго царя, когда подданные Сайнгъ-хана бунтовались и подданные Бушихтэ-хана (Галдана) волновались, услышавъ, что подъ подданствомъ Бѣлаго русскаго царя народъ благоденствуетъ, монголы рѣшили поднасть подъ его владычество и, чтобъ не встрѣтить при передвиженіи препятствій, перебили всѣхъ дряхлыхъ стариковъ. Одинъ изъ нихъ кости Ининать, будучи единственнымъ сыномъ, поклялся убить своего отца. спрятавъ его въ переметную суму и везъ, скрывая дорогой отъ прочихъ. И такъ, иди съ юга на сѣверъ, они достигли моря и остановились на почлегѣ. Въ эту ночь предводительствующій имъ начальникъ увидѣлъ сіяющую, лежащую на днѣ моря чашу и приказалъ своему народу достать ему эту чашу во чтобы-то ни стало. Нырнуть первымъ за этой чашей ни кого не оказалось. Тогда начальникъ приказалъ раздать изъ жребій и по жребію нырять. Всѣ ныряшіе тонули. Достается жребій и нарню, взяшему скрытно отца. Онъ спрашиваетъ потахоньку отца: что ему дѣлать? Отецъ говоритъ ему, что эта чаша вовсе не въ морѣ, а на горѣ, которая стоитъ около моря. Онъ поднимается на гору и приносить чашу. Двигаются оттуда сюда. Застигаетъ ихъ сильная и продолжительная засуха, всѣхъ томить сильная жажда, а ни рѣки, ни ручья имъ не попадаются; народъ страдаетъ отъ жажды. Парень этотъ опять спрашиваетъ отца: «Что намъ дѣлать? народъ гибнетъ безъ воды». Отецъ и говоритъ ему: «Отпусти трехгодовалую корову и слѣди за ней; гдѣ она остановится и будетъ нюхать землю, копайте тамъ!» Такъ сдѣлавъ, добыли воды, наполнился весь народъ и скотъ. Идутъ дальше. Пошелъ сильный дождь, сдѣлалась еляньоть, всѣ измокли и не могутъ развести огня, познобилась. Находясь въ такомъ положеніи, усмотрѣли на вершинѣ одной горы, одинъ человекъ развелъ огонь, лежитъ и грѣетъ спи-

ну. Начальникъ даетъ распоряженіе выпросить у этого человѣка огня. Но никто не можетъ довести; огонь дорогой гаснетъ. Всѣхъ посланныхъ, не донесшихъ огня, начальникъ казнить. Падаетъ жребій идти за огнемъ на старикова парня. Тотъ спрашиваетъ отца: какъ тутъ быть? Тотъ говоритъ ему: «Когда будешь просить огня, поклонись въ землю и говори: народъ гибнетъ, будьте нашимъ богомъ—спасителемъ, дайте намъ огня!» Взятый съ такою мольбою огонь онъ донесъ до стана и всѣ отогрѣлись. Начальникъ сердится на парня: «Что-же ты?» говоритъ. «Зналъ средство, какъ развести огонь и молчалъ до сихъ поръ; сколько народу погибло изъ за этого! я снесу тебѣ голову!» И когда онъ сталъ сильно притѣснять парня, тотъ сознался, что все онъ дѣлалъ по наученію отца, котораго онъ пожалѣлъ убить и котораго везетъ съ собой, и что избавлялись они отъ всѣхъ невзгодъ наученіемъ его отца. Тогда начальникъ призываетъ отца и спрашиваетъ: «Кто у тебя предки, какого ты племени?» Старикъ говоритъ, что онъ изъ кости Икинаты. Вѣтъ откуда произошла поговорка: *Иман уруган турун-да абтай, Игинат хун элэндэ абтай*, «у горнаго козла сила въ копытахъ, у Икинаты (человѣка) сила въ языкѣ»^{*)}.

Записано о. миссіон. Н. И. Затопляевымъ со словъ Ныгдинскаго головы М. О. Этогорова.

XII.

Кости Ользонъ и Баянда.

Жили три брата Сыхиръ, Сахиръ и Токто. Третій братъ Токто уѣхалъ свататься на дочери Гетола, дочь котораго звали Гелохонъ. Дома остались два брата Сыхиръ и Сахиръ, которые славились, какъ мѣткіе и хорошіе стрѣлки изъ лука. Съ южной стороны Байкала пріѣхало четыреста зэгэтэ-облавицниковъ, охотившихся на звѣрей. Передъ отъѣздомъ облавицники были у шаманки; она пилъ

^{*)} Бурятъ кости Икинаты въ Аларѣ нѣтъ, а есть въ Балаганскомъ вѣдомствѣ. Говорятъ, они и до сихъ поръ бойки на языкѣ.

поворожила и сказала: «Можно похитить женъ Сыхира и Сахира, но только по такой примѣтѣ; когда вы приѣдете туда, ожеребится одна кобыла; если ей жеребенокъ удавится на деревѣ, тогда вы можете подѣхать и убить двухъ братьевъ; если этотъ жеребенокъ не удавится, то не подѣзжайте близко; они васъ всѣхъ убьютъ». Когда зэгэтэ-облавщики приѣхали, то увидѣли, что кобыла ожеребилась и жеребенокъ удавился на деревѣ. Тогда они подѣхали къ дому двухъ братьевъ; вошедши въ домъ, отрѣзали тетивы луковъ и сломали стрѣлы. Въ это время два брата были пьяны и спали. Проснувшись, они схватили лукъ и стрѣлы, но они были испорчены и не могли стрѣлять. Четыреста зэгэтэ-облавщиковъ убили двухъ братьевъ, взяли ихъ женъ и поѣхали обратно, но дорогой двѣ женщины убѣжали отъ облавщиковъ и приѣхали домой. Въ это время приѣхалъ третій братъ Токто; онъ поѣхалъ влѣдъ за зэгэтэ-облавщиками и по дорогѣ стрѣлялъ въ большія деревья, а потомъ возвратился домой. Зэгэтэ-облавщики поѣхали за убѣжавшими отъ нихъ жепщинами, но увидали стрѣляныя деревья и вернулись домой. Отъ этихъ двухъ женщинъ родилось по сыну, которые были названы: Ошохи хоно ерхэн ользон барягдажан хоно ерхэн баянда. Отъ этихъ двухъ мальчиковъ Ользона и Баянда произошли Ользоновскіе и Баяндайскіе буряты Верхоленскаго вѣдомства.

Записано М. Н. Хангаловымъ отъ
мудивскаго бурята Бугдана Буйнова.

XLII.

Кость Готоль.

Въ мѣстности Баргузинъ у подошвы горы Барханъ жилъ Барго-баторъ. У него было два сына, старшій Бурятъ и младшій Хоридой. У Бурята также было два сына, а у Хоридоя тринадцать сыновей. У старшаго Бурятова сына Ихирита было восемь сыновей. Потомковъ ихъ и сейчасъ много въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ. У младшаго Бурятова сына Бугдата было шесть сыновей: Бумаль-Готоль, Шоно, Хурамша, Ользонъ, Харануть и Алгуй. Прошедшій

отъ нихъ народъ живетъ по обѣ стороны Байкала. Въ древнія времена отцы и дѣти ихъ были подданными Цэцэнъ-хана. Когда четыре халхаскихъ цари подпали подъ подданство китайскаго хана, эти потомки Булгата, не принявши ни чье подданство, четыре или пять лѣтъ жили безъ царя. Потомъ сдѣлались подданными русскаго царя и были обложены податю въ три копейки съ души. Съ того времени до настоящаго прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ. Не будучи въ состояніи или не желая платить эту трехкопеечную подать, они раздѣлялись. Русскіе ловили ихъ и нѣкоторыхъ парней и дѣвокъ убивали и бросали въ воду. Людей кости Готоль въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ двѣ тысячи слишкомъ душъ, въ Идинскомъ четыре рода, въ Балаганскомъ одинъ улусъ и въ Алари тридцать домовъ.

Сообщилъ аларскаго дацана галюнъ-лама Лонхово Бадмаевъ; записалъ побурятска П. П. Баторовъ, перевелъ мисс. о. Н. Загошяевъ.

XLIII.

Булгаты и Экиритъ и ихъ потомки.

За моремъ (подразумѣвается Байкаль) т. е. на его южной сторонѣ жилъ царь Тайжи-ханъ, у котораго былъ пестрый порозъ (тарал эрэн буха). Этотъ пестрый порозъ славился необыкновенной силой и ростомъ; однажды утромъ пестрый порозъ мычить: «Кто со мною можетъ бодаться на этомъ свѣтѣ, тотъ пусть придетъ и попробуетъ мою силу!»

Тогда Буха-ноёнъ-бабай обратился въ двухгдовалаго пороза и съ сѣверной стороны Байкала мычить въ отвѣтъ пестрому порозу: «Нынѣ мнѣ исполнится второй годъ отъ роду, на будущій годъ будетъ третій; тогда я пойду бодаться съ тобою и попробую твою силу».

На слѣдующій годъ Буха-ноёнъ-бабай обратился въ трехгдовалаго пороза, переплылъ на южную сторону Байкала и отправился въ царство Тайжи-хана бодаться съ пестрымъ порозомъ. Буха-ноёнъ-бабай днемъ бодался съ пестрымъ порозомъ въ видѣ пороза темно-

ватосѣраго цѣвта, а ночью обращался въ необыкновенно красиваго молодого человѣка и ухаживалъ за дочерью царя Тайжи-хана.

Однажды царь Тайжи-ханъ увидѣлъ, что съ его пестрымъ порозомъ бодается неизвѣстный порозъ. Они испортили весь утугъ*). Царь Тайжи-ханъ взялъ палку и прогналъ обоихъ въ степь, гдѣ они продолжали бодаться между собою. Черезъ нѣсколько времени дочь царя Тайжи-хана сдѣлалась беременною отъ Буха-ноёнъ-бабай; она сказала ему, что она должна скоро родить. Тогда Буха-ноёнъ-бабай таинственнымъ образомъ вынулъ изъ утробы дѣвницы ребенка и рогами бросилъ его на сѣверную сторону Байкала. Когда Буха-ноёнъ-бабай побѣдилъ своего соперника, обратно переплылъ на сѣверную сторону, нашелъ брошеннаго ребенка и сталъ кормить его; лежа, онъ далъ ребенку сосать «шибѣ» (шерсть на брюхѣ).

Въ это время на сѣверной сторонѣ Байкала жилъ народъ изъ племени Атагутъ десять домовъ и изъ племени Хотогутъ двадцать домовъ, «арбан ѳрхѣ атагут хорин ѳрхѣ хотогутъ». Племя Атагуты имѣло шаманку Асуханъ, а племя Хотогуты имѣло шаманку Хусыхѣнъ. Эти двѣ шаманки не имѣли дѣтей, но онѣ другъ другу предсказывали, что у нихъ будутъ дѣти.

Однажды шаманка Асуханъ узнала, что у ней родился сынъ, котораго воспитываетъ темносѣрый порозъ. Шаманка Асуханъ пришла и взяла отъ Буха-ноёнъ-бабай мальчика и начала его воспитывать, а впоследствии дала ему имя Булагатъ (иные говорятъ Бу-малъ). Булагатъ ходилъ играть на берегъ Байкала и тамъ пропадалъ цѣлые дни; однажды обѣ шаманки спросили Булагата, что онъ тамъ дѣлаетъ цѣлый день. Тогда мальчикъ отвѣтилъ имъ: «Когда я прихожу на берегъ Байкала, тогда изъ воды выходитъ маленькій мальчикъ, который играетъ со мною цѣлый день». Обѣ шаманки удивились разсказу мальчика Булагата и провѣрили его. Послѣ этого шаманка Хусыхѣнъ выдоила собственное молоко, сдѣлала изъ него кушанье бѣнъ, дала мальчику Булагату и сказала: «Когда пой-

*) Утугъ—сѣновозное поле.

дешь на берегъ и когда выйдетъ изъ воды твой товарищъ, дай ему поѣсть этотъ бѣнъ. Пусть онъ съѣстъ бѣнъ!» Мальчикъ Булагатъ, получивъ бѣнъ, отправился на берегъ играть со своимъ водянымъ товарищемъ. По обыкновенію на встрѣчу ему вышелъ изъ воды его товарищъ. Поигравши немного, Булагатъ даетъ ему бѣнъ; водяной мальчикъ взялъ бѣнъ и съѣлъ. Послѣ этого водяному мальчику захотѣлось спать и онъ задремалъ; шаманка Хусыхэнъ тайно слѣдила въ это время и когда увидѣла, что водяной мальчикъ спитъ, она тихонько подошла къ спящему мальчику, поймала его и привела домой. Этого мальчика шаманка Хусыхэнъ усыновила и дала ему имя Экиритъ.

Когда Экиритъ былъ еще маленькимъ, его воспитывала рыба пестрый налима; поэтому пестрый налима называется его отцомъ; щель берега служила колыбелью, потому считается матерью Экирита, «эрэн гутар эсэгэтэ эргин габа эха экиритъ». Отъ этихъ двухъ мальчиковъ Булагата и Экирита произошли многочисленные потомки, племена Булагаты и Экириты.

Другой вариантъ. Люди, жившіе на сѣверной сторонѣ Байкала, неизвестно по какой причинѣ всѣ перѣѣхали на южную сторону въ Монголію; на сѣверной остались только двѣ шаманки Асуханъ и Хусыхэнъ, которыя жили вмѣстѣ. Когда обѣ шаманки поочередно шаманили, то другъ другу предсказывали, что у нихъ будетъ сынъ. Какъ-то одна изъ нихъ начала шаманить и говорить, что у нихъ уже родился сынъ; не далеко отсюда на горѣ лежитъ Буха-ноёнъ-бабай, обратившись въ темносѣраго пороза; подъ грудью его лежитъ ребенокъ въ желѣзной люлькѣ. Тогда обѣ шаманки пошли взять ребенка, но Буха-ноёнъ-бабай не далъ его имъ. Обѣ шаманки возвратились домой, начали снова шаманить и ворожить и узнали, что темносѣрый порозъ есть Буха-ноёнъ-бабай, что ему нужно принести въ жертву трехъ животныхъ: бѣлую большую кобылу, большаго бѣлаго барана съ рогами (манхир малан хуса) и большаго козла съ темноватожелтой шерстью (шара жарал тэхэ) и

что тогда только Буха-ноёнъ-бабай уступить своего ребенка въ желѣзной люлькѣ. Обѣ шаманки сдѣлали жертвоприношеніе (талганъ); закололи вышеупомянутыхъ животныхъ; Буха-ноёнъ-бабай принялъ жертву и отдалъ шаманкамъ ребенка, а самъ удалился въ Тунгинскія высокія и снѣжныя горы. Уходя въ горы, онъ по дорогѣ выдѣлялъ жидкость изъ мочевого пузыря на ходу, какъ обыкновенно дѣлаютъ рогатый скотъ; на этихъ мѣстахъ по слѣдамъ его выросли пихта и верескъ *), которые у бурятовъ считаются чистыми.

Двѣ шаманки взяли ребенка въ желѣзной люлькѣ, положили на войлокъ, принесли домой, но ни какъ не могутъ развязать ремни желѣзной люльки; желѣзная люлька не раскрывается. Двѣ шаманки начали снова шаманить и ворожить, почему желѣзная люлька не раскрывается, почему ремни не развязываются. Пошаманили и узнали, что нужно исполнить прежде слѣдующій обрядъ: нужно было снять сидѣнье (жудал) на створкѣ, противоположной двери (хоймор тала), «хоймор жудалху татаху»; потомъ одна изъ нихъ должна была представлять, будто-бы она родить ребенка; нужно было также заколоть трехгодовалого бычка и взять лытку съ мясомъ (шата сомогон) и большой ножъ (или стрѣлу, какъ иные говорятъ). Когда шаманки исполнили этотъ обрядъ, желѣзная люлька сама раскрылась.

Шаманка Асуханъ усыновила этого ребенка и начала воспитывать его; впоследствии ему дали имя Такша-моргонъ (тандулдажа олдѣн Такша моргон) или, какъ другіе говорятъ, Булагатъ. Въ это время они жили на берегу Байкала; когда Такша-моргонъ или Булагатъ подросъ немного, онъ началъ ходить играть на берегъ моря. Тамъ онъ игралъ съ двумя мальчиками и одной дѣвочкой, которые выходили изъ воды и, поигравъ съ Булагатомъ, опять уходили въ воду. Происхожденіе этихъ мальчиковъ и дѣвочки было такое. Одинъ изъ сорока-четырехъ восточныхъ тенгировъ подъ названіемъ Хурмуста имѣлъ одну дочь, которая неизвѣстно отъ кого

*) Верескомъ въ Сибири зовутъ можжевельникъ.

сдѣлалась беременною; тогда дочь Хурмусты спустилась на землю въ видѣ ямана (козла) и на землѣ родила трехъ дѣтей, двухъ сыновей и одну дочь и положила ихъ на берегъ Байкала, гдѣ они и выросли. Потомъ она создала животное, дала ему имя яманъ (козель) и сказала: «Я наравнѣ съ прочими буду принимать жертвоприношенія, въ составъ которыхъ будутъ входить и яманы!» Вотъ почему нынѣ при нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ и кырыкахъ*) колятъ козловъ.

Шаманки Асуханъ и Хусыхэнъ отъ своего пріемнаго сына Булагата узнали о существованіи этихъ водяныхъ дѣтей, старались поймать ихъ, но ни какъ не могли; когда дѣти увидятъ приближающихся шамановъ, убѣгаютъ въ воду. Шаманки давали Булагату таракъ и ѳрмѳ**), чтобы онъ угостилъ ими дѣтей и привелъ ихъ, но дѣти ни за что не соглашались идти въ домъ Булагата. Тогда шаманки придумали средство, какъ поймать водяныхъ дѣтей. Онѣ поставили на очагъ котель и вынали очень крѣпкій тарасунъ***), дали его Булагату, а также и таракъ и ѳрмѳ, и сказали ему: «Когда придешь на берегъ Байкала играть съ водяными товарищами, когда они выйдутъ изъ воды къ тебѣ на встрѣчу, постели на землю этотъ войлокъ; сядьте на этотъ войлокъ и поѣшьте таракъ и ѳрмѳ, а когда захочется пить, то вмѣсто воды, пейте этотъ тарасунъ!» Булагатъ, взявши отъ шамановъ всѣ эти вещи, пошелъ на берегъ Байкала; водяные товарищи вышли изъ воды. Они всѣ четверо сѣли на войлокъ, сѣла таракъ и ѳрмѳ, выпили тарасунъ, опьянѣли и легли спать на войлокъ. Въ это время шаманки, караулившія не подалеку, увидѣвъ, что дѣти легли спать, потихоньку подошли, взяли войлокъ съ дѣтьми и понесли домой; на пути одинъ мальчикъ проснулся и крикнулъ: «Возьми меня молочное море мать и недоступныя, скалистыя горы отецъ!» Жун дала эхэ мени абыш

*) Кырыкъ частное жертвоприношеніе.

**) Таракъ «тварогъ»; ѳрмѳ «сливки».

***) Тарасунъ „вино изъ молока“.

хэмэр уда эсэгэ мени абыш! Въ это время на морѣ поднялись сильныя волны и бросились на берегъ, чуть-чуть обѣ шаманки не потонули въ волнахъ; въ это время дѣвочка обратилась въ нерпу *) и ушла въ море; значить взяла её «молонное море мать»; другой мальчикъ, пробудившись, обратился въ черную бѣлку и убѣжалъ на горы; это значить, что «недоступныя, скалистыя горы отецъ» взялъ его; третій ребенокъ остался у шаманокъ, которыя и принесли его домой. Шаманка Хусыханъ усыновила его, и дала ему имя Экиритъ (эргихэ олодохон Экирит, «на яру найденный Экиритъ»).

Когда эти мальчики выросли, они женились. Приёмный сынъ шаманки Асуханъ Булагатъ женился на дочери царя Аю-хана. Булагатъ имѣлъ двухъ сыновей; первый назывался Бузганъ, второй Булаганъ-хара (Булганъ-хара). Когда два сына Булагата выросли, то старшій женился и имѣлъ шесть сыновей и одну дочь.

* Булаганъ-хара женился слѣдующимъ образомъ. У него была большая черная собака, которая ловила звѣрей. Однажды Булаганъ-хара уѣхалъ на эгэгэ-аба въ царство царя Халыкъ-хана; во время облавы онъ отличился ловкостью и мѣткостью въ стрѣльбѣ, но особенно его черная собака отличилась тѣмъ, что ловила звѣрей и приносила своему хозяину. Послѣ эгэгэ-аба царю Халыкъ-хану захотѣлось имѣть эту собаку, а потому онъ обратился къ Булаганъ-хара съ просьбою продать ему эту собаку. Булаганъ-хара не соглашался. Тогда Халыкъ-ханъ все предложилъ ему, что только онъ пожелаетъ взять за свою собаку. Булаганъ-хара сказалъ: «Если ты за меня выданыи замужъ свою дочь, тогда уступаю свою собаку». Халыкъ-ханъ согласился и отдалъ свою дочь замужъ за Булаганъ-хара.

Булаганъ-хара имѣлъ только одного сына Тоглока, который родился во время эгэгэ-аба. Тоглокъ имѣлъ семь сыновей; изъ нихъ шесть были отъ первой жены; отъ второй жены, похищен-

*) Нерпа, тюлень по-бурятски заи-загахан.

ной во время облавы, онъ имѣлъ одного только сына Ашегавата. Имена семи сыновей Тоглока:

- 1) Бумаль-саганъ; отъ него произошли тункинскіе буряты.
- 2) Боржинъ-далха; отъ него аларскіе буряты.
- 3) Алагуй; отъ него буряты, живущіе около Байкала, принадлежащіе къ Кудинскому и Капсальскому вѣдомствамъ.
- 4) Саганъ; отъ него кудинскіе буряты.
- 5) Булакъ-саганъ-бумаль; отъ него балаганскіе буряты.
- 6) Хурхуть; отъ него китойскіе буряты.
- 7) Ашехаватъ; отъ него произошли Ашехаваты, входящіе въ составъ Кудинскаго вѣдомства.

Экирить женился на дочери царя Халыкъ-хана, имѣлъ одного сына Запхи, который тоже женился и имѣлъ четырехъ сыновей; отъ этихъ послѣднихъ произошли верхоленскіе, ольхонскіе и ленскіе буряты *).

Записано М. Н. Хангаловымъ со словъ шамана Манжу и др. кудинск. буряты.

Третій вариантъ. Отъ западнаго Табянь-табанъ-тэягрѣ^{**}) было зачатіе у одной изъ коровъ въ стадѣ Хунъ-тайжея; родился теленокъ; будучи двухъ лѣтъ, сивый бычокъ (хөхө хашерөгъ) сталъ бодаться съ порозомъ Тайже-хана; былъ побѣжденъ. На слѣдующій годъ, уже трехгодовалый, снова началъ бодаться съ пестрымъ порозомъ (эрёнъ буха) (Тайже-хана); сначала силой уступалъ, но потомъ осилилъ; бодались девять сутокъ; порозъ Хунъ-тайжея былъ сбитъ. Тогда Хунъ-тайже, собравъ войско, погнался за нимъ, чтобы убить. Хөхө-буха переплылъ воду, море, и перешелъ на другую сторону Байкала; но Хунъ-тайже пошелъ съ войскомъ за нимъ; сдѣлавъ ледъ въ лѣтнее время, перешелъ. Гдѣ, по какимъ мѣстамъ проходилъ порозъ, тамъ выросталъ лѣсъ, гдѣ мочился — ельничъ; за-

*) Начало напечатано въ Изв. Отдѣла, т. XIV, № 1—2 (1883), стр. 2.

***) Табянь табанъ, „пятьдесятъ пять“.

тѣмъ на западномъ хребтѣ, на горѣ Тепхетѣ, выросли три ряда ельника, сдѣлалъ статую, подобную себѣ, обращенную передомъ къ восходу солнца, готовую къ борьбѣ. Въ то время Хунь-тайже отправился по слѣдамъ его. Увидѣвъ пороза (т. е. его изображеніе), началъ пускать стрѣлы. Когда всѣ стрѣлы были выпущены, онъ отправился посмотрѣть и углядѣлъ, что лежитъ камень, весь покрытый стрѣлами; а онъ былъ увѣренъ, что онъ убилъ пороза. Тогда Хунь-тайже вернулся. А порозъ пошелъ дальше и нашелъ желѣзное бухю**) стрѣлы, въ которомъ былъ ребенокъ. Онъ сталъ оберегать его.

Когда Тайже-ханъ вернулся домой, то дочь была беременна; на вопросъ матери, какъ это случилось, дочь отвѣчала, что ни съ кѣмъ не видалась, но что въ щель юрты три раза былъ виденъ свѣтъ солнца (она жила въ темной юртѣ). «Я думаю, что отъ этого». Тогда мать ея, пригласивъ кузнецовъ, заказала бухю. У нихъ было три богатыря; попросивъ старшаго изъ нихъ натянуть лукъ, она напелтала: «Живущій на сѣверѣ моря, сотворившій! Бери» (прими)!

Дѣвушка съ юга моря, выданная на сѣверную сторону его, шаманка Асуханъ была бездѣтна. Родственники по ея бездѣтству хотѣли раздѣлить имущество шаманки. Заложивъ снаружи юрту, въ трубу стали лить воду. Когда вылили одно ведро, отъ огня отскочилъ уголекъ; когда вылили второе ведро, выскочилъ второй уголекъ; хотя вылили третье ведро, огонь все-таки не потухъ. Отворивъ послѣ этого дверь, вошли, чтобы раздѣлить имущество. Шаманка просила взять половину имущества, но когда ее спросили: почему не все? она сказала, что отъ (заливаемого) огня отскочили два уголька. «Поэтому я думаю, что это хорошій признакъ, что у меня будетъ два сына; на будущій годъ рожу сына, потому что я

**) Бухю—обыкновенно костяной, иногда граненый на вѣншей поверхности шарикъ, который укрѣплялся на переднемъ концѣ древна стрѣлы; въ него вставлялся желѣзный наконечникъ стрѣлы.

беременная; берите половину имущества; если же на будущий годъ не принесу сына, тогда возьмите все мое имущество». Родственники, взявъ половину, ушли. На другой день шаманка Асуханъ стала шаманить и ей открылось, что на западномъ пестромъ (эрѣн) хребтѣ есть ребенокъ. «Его возьми!» Когда она пришла, ребенка охранялъ сивый порозъ (хѳхѳ буха). Порозъ не трогался съ мѣста. Тогда Асуханъ принесла ему въ жертву барана; тогда онъ всталъ. Положивъ мальчика за пазуху, принесла домой и оповѣстила родственниковъ, что родила сына. Пришедшіе спросили: «Гдѣ же твой сынъ?» Лежалъ желѣзный бухю и Асуханъ сказала, что въ немъ лежитъ ребенокъ. Тогда ей сказали, чтобы она изъ него вынула (ребенка). Асуханъ тогда стала шаманить; и ей открылось, что костью голени задней ноги быка, широкимъ топоромъ и ковшемъ, если этими тремя вещами постучать, то (бухю) откроется. Когда былъ освобожденъ мальчикъ, то назвала его: «отъ порога зачавшійся Булаганъ-хара» (буха'а оодо'он булхан хара). Выдѣленную рабѣ половину имущества она получила обратно. Когда семилѣтній Булганъ игралъ на берегу моря, приплыла бочка, разбилась; изъ нея вышелъ мальчикъ. Булганъ-хара игралъ до поздняго вечера. Когда мать спросила, почему такъ долго онъ игралъ, (онъ) отвѣчалъ, что игралъ съ товарищемъ. Асуханъ, зная, съ кѣмъ сынъ ея игралъ, въ трехъ посудахъ приготовила тарагъ и пѣнку молока, разостлала на берегу моря войлокъ, поставила на войлокъ кушанье и заказала сыну: «Кушайте вдвоемъ! Если онъ не будетъ ѣсть, то ротъ его помажь тарагомъ!» А сама стала караулить. Оба мальчика играютъ; тотъ не ѣсть. Тогда Булганъ-хара мажетъ ему ротъ; онъ, поѣвши, засыпаетъ. Когда онъ уснулъ, шаманка, завернувъ въ войлокъ, беретъ его. Тогда тотъ закричалъ: «Мать, молочное море, спаси! отецъ, небо, спаси» ('он далā ахэ мне абā, 'омэр ұла эсэгэ мне аба)! Тогда вода трижды всколыхнулась; Асуханъ по поясъ

была втянута (въ воду), но все-же вышла и принесла мальчика домой. Назвала: «на берегу найденный Эхерэть» (эргэ'э оло'он Эхерэт).

Сивый волкъ Сибэръ (сибэр' хѳхѳ шонѳ^{***}), приходя во владѣнія хана народа Олють, пожиралъ людей. Тогда Олютскій народъ пригласилъ Булганъ-хара, чтобы убить волка, такъ какъ Булганъ-хара былъ очень силенъ и отлично владелъ лукомъ, имѣлъ двухъ сильныхъ собакъ. Около желтаго моря было озеро съ тростникомъ, какъ сосновый лѣсъ. Въ томъ озерѣ было логовище волка Сибэръ. Когда волкъ выходилъ изъ озера, то оно пѣнилось и олютскій народъ сказалъ Булгату: «Когда озеро будетъ пѣниться, пускай стрѣлу!» Какъ только озеро стало пѣниться, показался Сибэръ, тотчасъ же Булганъ-хара пустилъ стрѣлу, а двѣ собаки задушили волка.

Такимъ образомъ Булганъ-хара убилъ Сибэра. Олють-ханъ благодарилъ за побѣду надъ врагомъ, очень радовался, пригласилъ домой, угощалъ. «Ну, что возьмешь?» спросилъ онъ Булганъ-хара. «Бери, что хочешь!» Онъ имѣлъ двухъ дочерей. Булганъ-хара просилъ старшую его дочь. Сказалъ: «Бери! но ты имѣешь двухъ хорошихъ, сильныхъ собакъ. Отдай большую собаку и бери мою старшую дочь!» Тогда Булганъ-хара, привязавъ краснымъ шелковымъ кушакомъ свою собаку за сѣверовосточный столбъ, взявъ старшую его дочь, пошелъ домой. Отъ нея (онъ) имѣлъ двухъ сыновей: Зонхѳ и Туглѳгѳ.

У Зонхе было восемь сыновей, у Туглога семь. Старшій Алгу; остальныхъ разсказчикъ не знаетъ. У Алгу два сына: Хэшегтѳ и Мондойѳ. Хэшегтѳ поселился въ «большихъ лѣтникахъ» (эхэ зу'алан; въ настоящее время это лѣтники улусовъ Бо-ханъ и Зоглигѳ). У Хэшегтѳ сынъ Готолъ. У Готолы трое: старшій Тудѳ, средній Тэтхэнъ, младшій Тургэнъ; одна дочь Голохонъ.

*) Въ словѣ сибэр и долгое.

Отъ кости Эхерэть нѣкто Тогто пришелъ сватать дочь Готола. Въ его отсутствіе пришли «восточные Сэгэнги» *). Убили двухъ старшихъ братьевъ Тогто, Сэхер'а и Сохер'а; весь скоть, имущество, двухъ женъ убитыхъ братьевъ заволокли и увели домой. Жены убитыхъ, отправляясь въ путь, спрятали въ рукава ножницы, обротъ и боготхо **). Шесть дней шли; все время на ночь женщинъ укладывали, связавъ ихъ волосами; въ середину между ними ложился человекъ. Взятые жены отрѣзали ножницами свои волосы; когда одна показала обротъ, прибѣжалъ жеребецъ; поймали его. Когда закричали: богодъ! пришла кобылица. Тогда, сѣвъ на жеребца и кобылицу, поѣхали домой. На встрѣчу ѣхалъ за ними Тогто. «Какъ и что случилось?» спросалъ онъ. Онѣ отвѣчали, что Сэгэны убили его братьевъ, заволокли ихъ и увезли все имущество. Тогто хотѣлъ идти за Сэгэнами; тогда невѣстки начали плакать, прося его вернуться (и говорили), что онъ не справится съ Сэгэнами, что онѣ беременны и что потомство будетъ. Тогда Тогто, согнувъ два дерева вершинами, связавъ; одну стрѣлу пустилъ въ лиственъ такъ, чтобы она, пройдя насквозь, осталась (въ деревѣ). Оставивъ стрѣлу, вернулся. Сэгэны погнались за бѣжавшими женщинами, но увидѣвъ связанные деревья и стрѣлу, испугавшись, вернулись. Невѣстки Тогто родили по сыну; одного назвали: «уведенный и вернувшійся Ользонъ» (олзодѣ ошѣт ер'эн олзон), другаго «взятый въ плѣнъ Боендѣ» (барелгандѣ ошо'он Боендѣ).

Отъ Туда происходитъ 3 Готольскій родъ, отъ Тѣтхэна 1-й Готольскій, отъ Тургэна 2-й Готольскій. Верхоленскіе и ленскіе буряты происходятъ отъ Эхерэта, остальные-же отъ Булгата.

Записано С. А. Пирожковымъ со словъ Буина Бараникова, бурята Хохорскаго улуса Буханскаго вѣдомства Балаганскаго округа.

*) Рассказчикъ не могъ объяснить, что это за народъ. На вопросъ же буряты-ли, отвѣчалъ: кажется. Но положительно, не знаетъ.

С. Пирожковъ.

***) Боготхо—повязка, которою будто-бы связываютъ колѣни кобылъ во время доенья. Я самъ не видалъ и теперь въ Буханѣ и въ долині Иды этотъ обычай не существуетъ.

С. Пирожковъ.

Четвертый вариант. У Хунь-Тайжи, бурятского хана было много скота и табуновъ. Изъ-за Байкала пришелъ порозь, говоря: «Пойду на сѣверную сторону Байкала умножить родъ человѣческій, обильный, какъ ключъ; разсѣю, какъ просо!» Увидѣвъ пестраго пороза Хунь-тайжи, остановился, готовясь драться (бодаться*). У Тайжи-хана была единственная дочь; она сидѣла за семидесятью семью занавѣсами; никто ее не видѣлъ, ни кому (она) не показывалась. Она увидѣла, что съ юга Байкала пришедшій сивый порозь (хѳхѳ буха) сталъ драться съ пестрымъ порозомъ (тарѣл эрѣн буха) Хунь-тайжия, отцу сказала: «Батюшка, съ нашимъ порозомъ какой-то неизвѣстный порозь бодается». Отецъ сказалъ: «Выйди! Если нашъ порозь уступить силой, то будетъ поднимать хаосъ». Когда она вышла, то пестрый порозь дятился; тогда она взяла урга**) и стала гнать сиваго пороза. Сивый порозь ушелъ. Съ того времени дѣвушка забеременѣла; родила. Скрыла ребенка отъ отца и матери, стоворила прислугу, положила (ребенка) въ ящикъ и спустила въ море. Послѣ того дочь Хунь-тайжи, перешагнувъ бычье ярмо, снова забеременѣла; родила; положивъ мальчика въ ящикъ, оставила на морскомъ берегу.

Шаманка Асуханъ^а была бездѣтна. По обычаю того времени у неимущихъ дѣтей имущество подлежало раздѣлу между сородичами. По обычаю, заложивъ снаружи дверь юрты, хотѣли въ верхнее отверстие юрты (ѳрхѳ, труба) лить воду. Тогда Асуханъ стала просить не дѣлать этого. На вопросъ: почему? она отвѣчала: «Когда я сидѣла въ сѣверной части юрты, отъ огня ко мнѣ вылетѣли два уголька. Полагаю, что это хорошій признакъ. Вѣроятно у меня будетъ два сына; пожалуста, не лейте воду!» Тогда пришедшіе послушались ея, подумавъ, что ея слова исполнятся.

*) Хиллаха—(говорится о быкахъ) стать въ положеніе, которое обыкновенно быки принимаютъ передъ боданьемъ (наклонивъ къ землѣ голову и проч.).

**) Урга—высохшая берева длиною отъ 2 до 3 сажень и больше, въ комлѣ около 2, 3 дюймовъ въ діаметрѣ и толще. Обыкновенно такимъ стягомъ ловятъ лошадей.

Дѣти дочери Хунгъ-тайжия, оставленные на берегу, выходили изъ воды, играли съ дѣтьми. Это узнала шаманка Асуханъ. Тогда Асуханъ, приготовивъ тарагъ и пѣнку изъ молока, наполнивъ чаши, постлавъ на берегу моря бѣлый войлокъ, поставила чаши на разостланномъ войлокѣ и попросила дѣтей идти на берегъ играть, чтобы они приготовленные кушанья ѣли и угощали (дѣтей), выходявшихъ изъ воды. «Когда гости поѣдятъ, вѣроятно будутъ играть, а потомъ заснутъ. Тогда, сказала, «скажите мнѣ»! Такъ просила шаманка, такъ дѣти и сдѣлали; играютъ съ вышедшими изъ воды, угощаютъ ихъ. Тѣ засыпаютъ; тогда дѣти сообщаютъ шаманкѣ, что гости уснули. Тогда шаманка пошла; завернувъ спящихъ въ войлокъ, принесла домой. Усыновила ихъ. Одного назвала Булгатъ, другого Эхерэтъ.

У Булгата родился сынъ Булганъ-хара (другого сына рассказчикъ не знаетъ). Туглогъ былъ, кажется (говорить рассказчикъ), сынъ Булганъ-хара. У Туглога семь сыновей: 1) Алгу, 2) Хурхутъ, 3) Хэба, 4) Хонгодоръ, 5) Шошлогъ, 6) Ашаабгадъ (дословный переводъ: «дяди и племянники»). (Имени послѣдняго т. е. седьмага рассказчикъ не знаетъ).

У Алгу былъ одинъ сынъ Готолъ.

У Готолы три сына: 1) Турганъ (отъ него нынѣшній 2-й Готольскій родъ); 2) Тудэ (нынѣшній 1-й Готольскій родъ). Предка 3-го Готольскаго рода рассказчикъ не знаетъ. Кромѣ сыновей у Готолы была одна дочь Голохонъ.

Голохонъ замужъ не выходила. Пришедшіе изъ-за Байкала (кажется трое) поселились въ долину рѣчки Куды. Одинъ изъ выходцевъ, желая посвататься на дочери Готолы, имѣлъ съ Голохонъ интимныя отношенія, слѣдствіемъ чего была беременность Голохонъ. Женныхъ все время собирался вернуться домой вмѣстѣ съ Голохонъ, но при желаніи ѣхать и остался, такъ какъ умеръ. Послѣ его

смерти жена родила, но кого, сына или дочь, рассказчикъ не знаетъ, а полагаетъ, что редились два сына: Арга'анъ и Абаше^{*)}).

Нынѣшніе аларскіе, балаганскіе, идинскіе буряты, половина кудинскихъ отъ Булгата; верхоленскіе и другая половина кудинскихъ отъ Эхерета.

Рассказалъ Осипъ Тыскеевъ, потомокъ Арга'ана, буряты улуса Бо-хавъ, 3-го Готольскаго рода Балаганскаго округа. Записано и переведено С. А. Широковымъ.

XLIV.

Такши и его потомки.

Было два племени Сонгонъ и Хотоготъ. Отъ нихъ явился Такши, о которомъ говорится: тан дундага олдозон такши т. е. «въ самой серединѣ найденный Такши». Онъ женился на женщинѣ Ногонъ-уранда и имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь; имена сыновей были Ботó и Буумалъ; у Ботó былъ сынъ Булратъ, о которомъ говорится буху дорхо олдозон булагат, «нодь порозомъ найденный Булратъ». У Буумала два сына: Болотъ и Саганъ. У Болота три сына: Кульменгэ, Муры и Олзо. У Сагана два: Обогонъ и Булутъ. У Обогона три: Хого, Онго и Онхотой. У Булута одинъ. Улатай, у котораго было восемь сыновей. Дочь Такши'ева, имени которой не сохранилось, родила безъ мужа сына Токлона. Токлокъ имѣлъ семь сыновей; имена ихъ: Готоль, Хонгодоръ, Хурхудъ, Хоеть, Боходъ, Ашехавадъ и Ноёнъ-бура. У Ноёнъ-буры было два сына: Елгутъ и Ноеть.

Записано М. Н. Хангаловымъ.

*) По другимъ показаніямъ Готоль пришелъ изъ-за Байкала женатыи и привелъ съ собой дѣвину-дойвицу (алейше). Отъ нея прижилъ сына, который былъ названъ «со вьюкомъ пришедшій Арга'анъ (ашандэ ер'эн арга'ан). По этому Арга'анъ былъ незаконный сынъ Готола.

С. Широковъ.

Преданія о Гэнэнь-худантѣ и Сухэръ-ноёнѣ.

По народнымъ преданіямъ въ старинныя времена буряты и монголы часто переходили то на ту, то на другую сторону Байкала. Монголы приходили изъ Монголіи, переходили Байкаль и жили тутъ; но иногда опять уходили на югъ, а на ихъ мѣсто приходили другіе. Такимъ образомъ жившіе по ту и другую сторону Байкала были въ частыхъ сношеніяхъ. Буряты, жившіе по сѣверную сторону Байкала, дѣлали набѣги въ Монголію, и угоняли у монголовъ скотъ, котораго у бурятъ было мало, а также добывали здѣсь разныя украшенія, вымѣнивая ихъ на звѣриныя шкуры. Монгольскіе ханы, узнавъ о существованіи байкальскихъ бурятъ, живущихъ независимо и не платящихъ ни кому дани, захотѣли ихъ подчинить себѣ. Съ этой цѣлью они послали на сѣверную сторону Байкала двухъ ламъ; одинъ назывался Гэнэнь-худакта, другой Сухэръ-ноёнъ. Двое этихъ посланныхъ должны были подчинить бурятъ и прекратить ихъ набѣги на Монголію и угонъ скота.

Гэнэнь-худакта пріѣзжалъ въ землю бурятъ задолго до прихода русскихъ. Онъ былъ изъ племени Олэдь (калмыкъ). Онъ былъ лама и отличался необыкновенною силой. Онъ пріѣзжалъ на сѣверную сторону Байкала, чтобы обратить бурятъ въ буддійскую вѣру, но это ему не удалось, такъ какъ буряты не показывались ему и уходили въ глубь лѣсовъ и прятались, не желая подчиниться монгольскому хану и рассчитывая жить по прежнему, не завися ни отъ кого и ни кому не платя дани.

Гэнэнь-худакта пріѣхалъ изъ Монголіи по рѣкѣ Селенгѣ, спустился внизъ по теченію къ Байкалу и по льду попалъ на островъ Ольхонъ, откуда черезъ Малое море (Нарянь далай) перешелъ на сѣверную сторону Байкала; черезъ нынѣшнее Ольхонское вѣдомство онъ пріѣхалъ въ Верхоленское вѣдомство, а оттуда въ Кудинское. Здѣсь онъ остановился на нѣкоторое время и, взявъ

хужиръ (солонецъ), направился въ Идинское вѣдомство, переправился черезъ Ангару, вошелъ въ Балаганское вѣдомство и поднялся по р. Унгѣ; здѣсь тоже остановился на нѣкоторое время и взялъ хужиръ. Изъ двухъ вѣдомствъ Кудинскаго и Балаганскаго онъ увезъ хужиру на семидесяти верблюдахъ. Съ рѣки Унги Гэнэнь-худакта вышелъ на р. Оку и, поднимаясь вверхъ по ея долинѣ, ушелъ обратно въ Монголію.

По дорогѣ на скалахъ Гэнэнь-худакта оставлялъ письма или надписи, которыя буряты теперь называютъ «Гэнэнь-худактынъ-тамга». Впрочемъ преданіе указываетъ только одно мѣсто съ подобной надписью; говорятъ, что гдѣ-то въ верховьяхъ Оки, около окинскаго караула на горѣ Монгѳлжини-ула онъ оставилъ надпись, которая существуетъ и до сихъ поръ. Кромѣ того буряты Балаганскаго и Верхоленскаго округа указываютъ дорогу Гэнэнь-худакта. Кудинскіе буряты указываютъ дорогу, по которой будто-бы Гэнэнь-худакта ѣхалъ въ Идинское вѣдомство; эта дорога проходитъ по лѣсу; всѣ деревья на ней вырублены. Другіе эту дорогу называютъ китайской и говорятъ, будто по ней китайцы ѣхали обратно въ Китай. Балаганскіе буряты указываютъ дорогу Гэнэнь-худакты по р. Унгѣ; она теперь замѣтна въ видѣ углубленія, заросшаго травой, будто-бы вытоптаннаго многочисленными караванами верблюдовъ. У бурятъ балаганскаго вѣдомства до сего времени сохранилась въ памяти пѣсня о Гэнэнь-худактѣ:

Ара дэгур харбаха

Алтан халюр суматаб

Аламжиса булгэхэ

Боро шара морѣтоб

Мѳр дэгур табиха

Мѳнгѳн халюр суматаб

Мордобхилжи хуриха

Боро шарга морѣтоб

Хүрзэн шинэн суматаб
 Булан шинэн зентэб
 Тэрэ хэми гэхэдэ
 Гэнэн—худанта бээрэб

Сухэръ-ноёнъ по народному преданію прѣзжалъ въ эти мѣста далеко позже Гэнэнъ-худанты, но сколько именно лѣтъ прошло между прѣздами этихъ двухъ ламъ, буряты сказать не умѣютъ.

Сухэръ-ноёнъ*) также былъ изъ племени Олодь. Онъ былъ лама (по преданію онъ во многихъ мѣстахъ «ламатучилъ»), а также былъ батуръ, то есть предводитель, отличавшійся необыкновенной силой. Съ того времени, какъ онъ приходилъ, по преданію балаганскихъ буряты, прошло шестнадцать или семнадцать поколѣній**). При немъ было триста вооруженныхъ человекъ или тѣлохранителей. Цѣль его прихода была покорить буряты, обратить въ буддискую вѣру и заставить ихъ платить дань дорогой пушниной. Онъ прѣзжалъ изъ Монголіи по другому направленію, чѣмъ Гэнэнъ-худанта, а именно черезъ нынѣшнее Тувкинское вѣдомство. Изъ Тувы Сухэръ-ноёнъ прѣзжалъ въ мѣстность, называемую по-бурятски Уля (гдѣ нынѣ Александровскій заводъ); въ то время при устьѣ рѣчки на острову Ангары жилъ большой шаманъ Гуртэ-заринъ Монготуевъ***). Сухэръ-ноёнъ приказалъ этому шаману помочь переправиться черезъ Ангару, но шаманъ отказался. Тогда Сухэръ-ноёнъ началъ «ламатучить»****) и Ангара покрылась льдомъ, по которому Сухэръ-ноёнъ перешелъ на островъ и приказалъ шаману Гуртэ-зарину покориться и заплатить дань. Гуртэ-заринъ отказался; онъ сказалъ: «Я никогда ни кому не былъ подчиненъ и не хочу платить дань!» Тогда Сухэръ-ноёнъ велѣлъ своимъ людямъ стрѣлять

*) См. «Изв.» т. XIV, № 1—2, с. 11.

**) Если каждое поколѣніе считать по 30 лѣтъ, то со времени Сухэръ-ноёна прошло около 480 или 510 лѣтъ; слѣдовательно это было около 1370—1400 годовъ.

Ханаловъ.

***) Заринъ по-бурятски шаманъ.

****) То-есть совершать богослуженіе по обряду ламъ.

въ шамана и убить его, но они ни какъ не могли убить. Тогда шаманъ Гуртэ-заринъ сказалъ: «Обверните мою голову, не чистыя платкомъ и подкладкой унты^{*)}! тогда только я могу умереть!» Когда это сдѣлали, шаманъ умеръ. Тѣло шамана Гуртэ-зарина бросили въ рѣку Ангару; брошенное тѣло пошло вверхъ по теченію.

Отсюда Сухэръ-ноёнъ поѣхалъ въ Идинское вѣдомство; по рѣкѣ Оса спустился внизъ и доѣхалъ до мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Идинская степная дума. Здѣсь Сухэръ-ноёнъ остановился на нѣкоторое время и предсказалъ, что впоследствии здѣсь будутъ жить кузнецы, что здѣсь будетъ производиться разбирательство разныхъ тяжбъ и будетъ тутъ присутственное мѣсто (зурган). Отсюда Сухэръ-ноёнъ выѣхалъ на рѣку Ангару и поѣхалъ внизъ по ней до нынѣшняго Братскаго острога, отъ котораго возвратился обратно, переправился на лѣвую сторону и поднялся вверхъ по Ангарѣ выше Балаганска. Поднявшись не много выше Балаганска, выѣхалъ на рѣчку Унгу, по которой поднялся вверхъ и остановился недалеко отъ мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Балаганская степная дума. Тутъ онъ опять предсказалъ, что здѣсь будетъ «зурганъ» и будутъ разбираться разными тяжбы. Послѣ этого онъ поднялся вверхъ по р. Унгѣ и выѣхалъ на рѣку Оку, по которой обратно уѣхалъ въ Монголію.

Во время своего пути Сухэръ-ноёнъ совершалъ надъ бурятами разные жестокости, будто-бы наказывая, и предсказывалъ будущее, что будто-бы теперь сбывается. Буряты разбѣгались отъ него цо лѣсамъ, уходили въ глубь тайги, и Сухэръ-ноёнъ не нашелъ въ краѣ жителей.

Въ это время былъ нѣкто Ользой^{**)}, который будто-бы считался царемъ здѣшнихъ мѣсть. Сухэръ-ноёнъ, поднимаясь по пади Тотхото встрѣтилъ одного бурята, который ѣхалъ на красномъ по-

^{*)} Унты—сапоги изъ козыхъ шкуръ шерстью вверхъ.

^{**)} Ханъ Ользой жилъ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ по рѣчкѣ Унгѣ; потомки его и нынѣ живутъ по р. Унгѣ, составляя два рода: 1-й и 2-й Ользовы роды. *М. Хамаловъ.*

розѣ; этого бурята звали Ханха. Встрѣтившись съ нимъ, Сухэръноёнъ спросилъ его: «Откуда ты прѣхалъ»? Буряты Ханха отвѣтилъ, что овъ прѣхалъ отъ своего царя Олаоя. Тогда Сухэръноёнъ приказалъ своимъ людямъ убить этого бурята. Когда убили бурята Ханха, то тѣло его бросили въ озеро, которое и теперь по его имени называется Ханха-нуръ.

Записано въ Балаганскомъ о. М.
Н. Хангаловымъ.

XLVI.

Барга-Батуръ.

По преданію кудинскихъ буряты буряты жили прежде около Тобольска, откуда двинулись на востокъ, перешли Байкаль и ушли въ Монголію, частью ушли въ Якутскую область. Другія-же преданія рассказываютъ о движеніи буряты изъ Монголіи на сѣверную сторону Байкала.

По Кудинскому преданію родоначальникомъ буряты былъ Барга-батуръ, который жилъ около Тобольска и имѣлъ трехъ сыновей; старшаго звали Илюдэръ-турганъ, средняго Гуръ-буряты, младшаго Хоредой-моргонъ. Впослѣдствіи Барга-батуръ съ своими двумя сыновьями Гуръ-бурятомъ и Хоредой-моргономъ изъ Тобольска двинулся на востокъ, а старшаго сына Илюдэръ-тургана оставилъ въ Тобольскѣ, сказавъ ему: «Ты будешь царемъ здѣшнихъ мѣстъ! твое счастье на старомъ мѣстѣ!» Такъ Илюдэръ-турганъ и остался на старомъ мѣстѣ; отъ него произошли нынѣшніе калмыки, живущіе въ Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерніяхъ. О томъ, какъ потомки Илюдэръ-тургана переселились изъ Тобольска на западъ, бурятское преданіе не знаетъ. Нѣкоторые потомки Илюдэръ-тургана повидимому пришли потомъ и на востокъ; по крайней мѣрѣ бурятскіе роды Балаганскаго вѣдомства Зунгарскій и Ичинатскій считаются изъ племени калмыковъ, по бурятски блбдъ или сэгэнүтъ.

Барга-батуръ съ двумя младшими сыновьями Гурь-бурять и Хоредой-моргонъ двинулся на востокъ въ нынѣшнюю Иркутскую губернію и остановился въ Тункинскомъ вѣдомствѣ около озера Хунуръ на возвышенности Хѳхѳ-болдокъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ оставилъ жить своего средняго сына Гурь-бурята, которому сказалъ: «Ты будешь царемъ этой мѣстности! твое счастье здѣсь!» Гурь-бурять остался въ Тункѣ; отъ него произошли сѣверобайкальскіе буряты, принадлежащіе къ племенамъ: Экирить и Булагать т. е. тункинскіе, китойскіе, аларскіе, балаганскіе, идинскіе, кудинскіе, капсальскіе, верхоленскіе, ольхонскіе и ленскіе буряты.

Барга-батуръ изъ Тунки съ младшимъ сыномъ Хоредой-моргономъ двинулся къ сѣверу по рѣкѣ Ленѣ въ нынѣшнюю якутскую область, и оставилъ Хоредоя на Ленѣ, въ какомъ мѣстѣ, преданіе не указываетъ. Барга-батуръ сказалъ Хоредой-моргону: «Ты будешь царемъ здѣшнихъ мѣст! твое счастье здѣсь въ этихъ мѣстахъ!» Оставивъ его въ якутской области, самъ Барга-батуръ двинулся обратно въ Иркутскую губернію. Проникая въ якутскую область, Барга-батуръ имѣлъ битвы съ мѣстными жителями около Байкала, но что за народъ были эти жители, преданіе умалчиваетъ. Барга-батуръ умеръ на островѣ Ольхонѣ въ мѣстности Шингиль-шибэй; другіе говорятъ, что Барга-батуръ, возвратясь изъ якутской области, умеръ немного ниже города Иркутска въ мѣстности Хѳтѳ-уруръ (ниже города на 6-й верстѣ).

Хоредой-моргонъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ изъ лука, почти никогда не дѣлалъ промаха. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ на Ленѣ, занимаясь звѣроловствомъ и витаясь мясомъ убитыхъ дикихъ звѣрей. Впоследствии онъ женился на дочери неба и, проживъ съ нею нѣсколько времени, двинулся обратно и переправился за Байкаль, гдѣ и поселился. Потомками Хоредой-моргона считаются хоринскіе буряты на южной сторонѣ Байкала и племена Хангинцы и Шараты на сѣверной.

Записано М. Н. Хангаловымъ у кудинскихъ бурятъ.

XLVІІ.

Хоредой-моргонъ.

а.

На сѣверной сторонѣ Байкала жили три охотника, которые питались мясомъ звѣрей и птицъ, убитыхъ на охотѣ. Однажды все трое отправилось на охоту, но ничего не убили. Двое изъ нихъ пришли къ балагану впередъ третьяго, который охотился вмѣстѣ съ ними, но отсталъ отъ товарищей. Пришедшіе впередъ сварили оставшееся отъ прежней охоты мясо, шесть шейныхъ позвонковъ; изъ нихъ пять съѣли, а шестой позвонокъ оставили товарищу, котораго звали Хоредой. Хоредой пришелъ съ охоты, тоже ничего не убивъ; товарищи сказали ему, что они оставили ему его паё, а свои съѣли. Хоредой сказалъ имъ: «Шейныхъ позвонковъ оставалось шесть, а потому мнѣ слѣдуетъ два позвонка, а не одинъ. Мы живемъ вмѣстѣ и должны все дѣлать поровну. Такъ какъ вы меня обидѣли теперь, то я не желаю болѣе жить съ вами!»

Сказавъ это, Хоредой отправился на южную сторону Байкала, который онъ перешелъ по льду. На южной сторонѣ Байкала Хоредой занимался звѣроловствомъ, какъ прежде. Однажды онъ увидѣлъ въ одномъ озерѣ купающихся женщинъ, которыя, вышедши изъ воды, обратились въ лебедей и улетѣли. Хоредой сталъ караулить. Лебеди опять прилетѣли на озеро; снявъ съ себя лебяжью одежду, они обратились въ красивыхъ женщинъ и начали купаться; Хоредой вышелъ изъ засады и взялъ одну лебяжью одежду. Купавшіяся женщины бросились изъ воды, надѣли лебяжью одежду и улетѣли. Одна изъ нихъ осталась, потому что ея лебяжью одежду Хоредой спряталъ. Хоредой взялъ ее за жену, жилъ съ ней и имѣлъ отъ нея дѣтей, но впоследствии она напоила Хоредоя (виномъ) и, взявъ свою одежду, улетѣла на небо.

Записано М. Н. Хангаловымъ отъ
тайщи Кудинскаго вѣдомства Михаи-
ла Бунаева.

б.

Однажды Хорёдой-моронъ во время охоты увидѣлъ трехъ лебедей, которые прилетѣли къ озеру Садамтынъ-саганъ и сѣли на берегу ея; потомъ лебеди свили съ себя лебяжью одежду и обратились въ трехъ необыкновенно красивыхъ женщинъ, которыя стали купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ. Выкупавшись, вышли изъ воды, надѣли свою лебяжью одежду и улетѣли на небо. Это были небесныя дочери, которыя въ видѣ лебедей обыкновенно прилетали купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ и, выкупавшись, улетали на небо. Одни говорятъ, что озеро Садамтынъ-саганъ находится въ низовьяхъ рѣки Лены въ якутской области, по другимъ на южной сторонѣ Байкала въ Монголіи.

Хорёдой-моргонъ очень удивился и началъ караулить лебедей, чтобы поймать одну изъ нихъ, но это ему сначала не удавалось. Однажды небесныя дочери въ видѣ лебедей прилетѣли на озеро и, раздѣвшись, начали купаться. Въ это время Хорёдой-моргонъ вышелъ изъ засады и похитилъ одну лебяжью одежду. Тогда небесныя дочери бросились изъ воды, двое изъ нихъ, надѣвъ на себя лебяжью одежду, улетѣли на небо; одна дочь неба не нашла своей одежды и осталась на землѣ. Съ этого времени Хорёдой-моргонъ жилъ съ этою небесною дочерью. Она не обнаруживала желанія убѣжать отъ своего земнаго мужа. Такъ они прожили на берегу Садамтынъ-саганъ въ теченіи трехъ лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было. Однажды Хорёдой-моргонъ спросилъ у своей жены, дочери неба: «Вотъ мы живемъ въ супружествѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ, а дѣтей не имѣемъ. Отчего это»? Тогда жена его, небесная дочь, отвѣтила: «Если мы будемъ жить на этой мѣстности, то не будетъ у насъ дѣтей». Тогда Хорёдой-моргонъ спрашиваетъ: «Куда мы должны переѣхать, чтобы имѣть дѣтей»? Жена отвѣтила: «Мы должны переѣхать къ югу за море; если туда переѣдемъ, у насъ будутъ дѣти и множество потомковъ». Жену Хорёдой-моргона звали Хобоши-хатунъ.

Тогда Хорёдой-моргонъ оставилъ Лену и переѣхалъ на южную сторону Байкала и тамъ поселился на постоянное жительство. Они имѣли здѣсь небольшое хозяйство, но Хорёдой-моргонъ по прежнему охотился на звѣрей. На новой родинѣ онъ имѣлъ отъ своей жены одиннадцать сыновей и шесть дочерей.

Однажды Хобоши-хатунъ спросила у своего мужа Хорёдой-моргона, куда онъ дѣвалъ ея прежнюю лебяжью одежду. Хорёдой-моргонъ сказалъ, что ея лебяжья одежда до сихъ поръ цѣла и не испорчена и хранится не далеко отъ мѣста, гдѣ они живутъ. Хобоши-хатунъ стала просить его, чтобы онъ показалъ ей ея прежнюю лебяжью одежду, въ которой она прилетала купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ. Хорёдой-моргонъ подумалъ, что послѣ такой продолжительной жизни съ нимъ, родивши на землѣ одиннадцать сыновей и шестерыхъ дочерей, Хобоши-хатунъ, надѣвъ свою старую лебяжью одежду, не улетитъ на небо и не захочетъ оставить своего мужа и своихъ дѣтей; онъ сходилъ за спрятанной лебяжьей одеждой, принесъ ее и передалъ женѣ. Хобоши-хатунъ долго любовалась своей прежней одеждой; потомъ она спросила у мужа позволенія надѣть эту одежду на себя, чтобы онъ посмотрѣлъ, красива-ли она въ своей прежней одеждѣ. Хорёдой-моргонъ согласился; ему тоже хотѣлось посмотрѣть на свою жену, красива-ли она въ своей прежней одеждѣ. Она надѣла лебяжью одежду, сѣла на подку и спросила мужа, красива-ли она. Хорёдой-моргонъ сказалъ, что она красива, какъ и прежде, и любовался ея красотой. Хобоши-хатунъ полетѣла въ верхнее отверстіе юрты, въ которое выходитъ дымъ. Въ это время одна изъ шести дочерей ея гвала тарасунъ. Съ крикомъ: «куда мама»? она схватила грязными руками за обѣ ноги лебеди-матери; но Хобоши-хатунъ, выдернувъ ноги изъ рукъ дочери, вылетѣла изъ юрты и начала кружиться надъ ней; она говорила въ это время своему мужу и дѣтямъ: «Вы, земные жители, оставайтесь на землѣ, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину!» Потомъ она еще сказала имъ: «Весною и осенью, когда ле-

беди летать къ сѣверу, и обратно, дѣзайте обрядъ въ честь мою!»! Потомъ она благословила своихъ дѣтей, чтобъ они жили на землѣ счастливо и улетѣла на небо.

Когда она вылетала изъ юрты, дочь ея схватила грязною рукою за ея ноги; оттого теперь у лебедей ноги черны.

Запис. М. Н. Хангаловымъ.

XLVIII.

Сэгэндэ и Барто.

Племя Олѡдь или Сэгэнуть жило прежде на южной сторонѣ Байкала. Оно убило своего военачальника и, боясь наказанія, пошло внизъ по Селенгѣ, перешло черезъ Байкаль и поселилось между кудинскими и верхоленскими бурятами, гдѣ оно размножилось до трехъ сотъ колчановъ, т. е. умѣющихъ носить оружіе. Племя Олѡдь сильно обижало окружающихъ бурятъ изъ племенъ Булагаты, Экиритъ и другихъ, отбирая у нихъ женъ, дочерей и даже скотъ. Тогда Булагаты и Экириты сошлись между собою и уговорились уничтожить все племя Олѡдь. Съ этою цѣлью Булагаты и Экириты пригласили все племя Олѡдь, угостили ихъ, напоили до пьяна; когда всѣ Олѡды стали пьяны, буряты перебили всѣхъ мужчинъ, а женъ, дочерей и имущество раздѣлили между собою. Отъ этого побоища остались только два человѣка, которые были на охотѣ; ихъ имена были: Сэгэндэ и Барто. Они были дядя и племянникъ. Когда Сэгэндэ и Барто пришли съ охоты, они увидѣли, что ихъ племя все перебито и все ихъ имущество разграблено; осталась только одна черная овца, которую грабители не замѣтили. Тогда дядя съ племянникомъ, взявъ черную овцу, убѣжали отъ кудинскихъ бурятъ и остановились ниже мѣстности, гдѣ нынѣ Александровскій заводъ. Тутъ они жили нѣкоторое время. Однажды племянникъ Барто пошелъ на охоту, а дядя остался. Послѣ ухода племянника, дядя закололъ единственную черную овцу и началъ ѣсть. Когда вернувшійся племянникъ узналъ, что дядя закололъ овцу, онъ разсердился

и сказалъ: «Овна могла расплодиться и со временемъ былъ-бы у насъ скоть, а теперь у насъ ничего нѣтъ! Чѣмъ-же будемъ жить?» Послѣ этого племянникъ Барто сдѣлалъ себѣ плотикъ (жаз) и поплылъ на немъ внизъ по Ангарѣ; повнесло его внизъ по Ангарѣ и выбросило на берегъ ниже нынѣшняго города Балаганска въ идинскомъ вѣдомствѣ. Здѣсь онъ поселился и женился на дочери мѣстнаго бурята. Потомки Барто въ послѣдствіи переселились въ балаганское вѣдомство и нынѣ составляютъ Зунгарскій родъ.

Оставшійся дядя Сэгэндэ, кончивъ мясо черной овцы, то-же сдѣлалъ небольшой плотикъ и поплылъ внизъ по Ангарѣ искать своего племянника, но не нашелъ его. Сэгэндэ'я выбросило теченіемъ на устьѣ Оки. Онъ поднялся вверхъ по Окѣ около двѣнадцати верстъ и поселился въ мѣстности Зуга; такъ называется надъ около нынѣшняго Николаевского завода. Тутъ Сэгэндэ женился на дочери тунгуса. Икинаты, потомки Сэгэндэ'я, жили въ этой мѣстности до прихода русскихъ.

Записано М. Н. Хангаловымъ.

XLIX.

Поколѣнія селенгинскихъ бурятъ:

Во 2-мъ Атаганскомъ роду слѣдующія поколѣнія: Шарить-Атаганъ, Чжунчжэнь, Боянь, Сынгалдарь-чино, Олцзонъ,

Казакъ того-же рода: Шарить-Атаганъ, Чжунчжэнь, Урянхай, Абаганать, Кхунхытъ, Хостокту.

Во 1-мъ Селенгинско-харанутскомъ роду: Шаралдай, Боянь, Абагануть, Ша-ванъ, Чжарай, Дурбэть.

Во 2-мъ Сартольскомъ роду: Хорчинъ, Сартоль, Ашебогать, Кхирить, Хаченуть, Хагагинъ, Салцзотъ, Булгать, Кхуйдъ, Харануть, Галцзотъ, Батотъ, Атаганъ, Кхулмэнь, Урянхай, Хорлять, Онхотъ, Цонголь.

Въ этомъ племенномъ раздѣленіи вмѣщаются казаки 1-й сотни 5-го полка — и Харацайскаго станичнаго округа 1-го военного отдѣла Забайкальскаго казачьяго войска.

Въ Ашебагатскомъ роду: Цоргиль, Алцотха, Боянъ, Бай-далъ, Тэлэгунъ.

Съ казаками составляютъ приходъ 2-хъ дацановъ, именно: Ара-Киретуйскаго и Кударинскаго.

Въ Бумалотульскомъ роду: Енгуть-бумаль, Готуль, Морой, Хангиль, Хогой, Кхухуть-бумаль, Хорамчей.

Въ Чикойско-Харанутскомъ роду: Харануть, Хасама, Хонгдоръ, Хамниганъ, Бошинъ, Шишелокъ, Ашебагатъ, Боянъ.

Во 2-мъ Табанутскомъ роду: Батотъ, Хаченуть, Урлютъ, Цонголь.

Въ 1-мъ Табанутскомъ: Галцауть, Урянхай, Абгануть, Батотъ, Тайчжи, Цонголь, Ашебагатъ, Кхирить, Отогатъ.

Въ 3-мъ Табанутскомъ роду: Ашебагатъ, Арбатанъ, Батотъ, Урлютъ, Онготъ, Абгатъ, Сунуть.

Въ Иринско-Харанутскомъ роду: Далай-Харануть, Шаралдай, Дабши.

Въ Алагуевскомъ роду: Бурятъ-Алагуй, Монголь, Галцотъ.

Въ вѣдомствѣ *Закаменской Инородной управы:* Хонгдоръ, Шешолокъ, Тэртэ, Куркутъ, Соису (Хойго), Булбуи.

Въ вѣдомствѣ *Армакской Инородной Управы:* Цваяктай, Сынхиханъ, Тэртэ.

Шаманка Асойханъ происходила отъ племени Ойратъ-буритовъ, потомковъ подданныхъ Чингисъ-хана; она имѣла двухъ сыновей; старшій Бурядай, младшій Хорядай. Бурядай, охотясь за звѣрями, на горѣ въ пихтовомъ лѣсу нашелъ одну дѣвицу, которую сдѣлалъ своею женою; у нихъ было два сына, старшій Ихирить, младшій Булагатъ. У Ихирита было восемь сыновей, отъ которыхъ произошли буряты, обитающіе къ сѣверу отъ Байкала въ верхоленскомъ, балаганскомъ, идинскомъ и другихъ вѣдомствахъ; есть также много бурятъ того-же происхожденія и на югѣ Байкала. У Булагата было шесть сыновей; изъ происходящихъ отъ нихъ многіе живутъ къ сѣверу отъ Байкала и на островѣ Ольхонѣ; къ югу отъ Байкала

къ потомкамъ Булагата относятся селенгинскіе и кударинскіе буряты, составляющіе много поколѣній. У Хорядая было одиннадцать сыновей, потомки которыхъ теперь хоринцы и агинцы. Эти буряты, вступивъ въ подданство Россійскаго государства, сначала платили ясаку по 5 к. съ души или звѣринныя шкуры; на обитаемыхъ нынѣ бурятами мѣстахъ жили прежде киргизы.

Монгольскіе князья начали междуусобную войну; боясь этой междуусобицы, нѣкоторые инородцы бѣжали въ прибайкальскія страны и, избравъ трудныя мѣста по четыремъ сторонамъ Байкала, поселились тутъ; это были племена: Татары, Бухары, Солоны, Солонгуты. Изъ этихъ пришельцевъ къ монгольскому племени принадлежатъ поколѣнія: Шаригъ-Атаганъ, Хотокту (святой), Узень, Хорчинъ, Хатагинъ, Харадыль, Хорлосъ, Хорлатъ, Цонголь, Цаганъ-Тайши и Хара-Тайши, Урянхай, Отонхой, Онхоть, Урлютъ, Кирить, Цахаръ, Кухухитъ, Кхутугытъ, Арбатанъ, Абагутъ, Абагачуль, Абагануть, Зуксидба, Бѣготъ, Батнай, Хаченуть, Табангутъ, Гуни, Токчинъ. Татарско-бухарскаго племени: Сартаголь и Сартоль; эти племена дѣлятся на два поколѣнія Шара-ацзарга и Цзэггэрдэ-ацзарга; они ни какой крови не ѣдятъ. Солонскаго и Солонгутскаго или манчжурскаго племени много поколѣній бродячихъ тунгусовъ; эти послѣднія племена отдѣльны отъ Ойратскаго племени.

Инородцы вѣдомства Селенгинской Степной Думы въ административномъ отношеніи дѣлятся на 22 рода: 1-й Селенгинско-харанутскій, Бабай-хорамчиевскій, 1-й Ченорутскій, Готалбумальскій, Олзонскій, 2 Атаганскій, состоящій изъ Чжунчженовъ и Бшикиновъ, 2-й Селенгинско-Харанутскій, Хатагинскій, Узенскій, Подгородный, Принско-Харанутскій, 2 Ченорутскій, Алагуевскій, 1-й Атаганскій, 1 и 2 Сартольскіе, 1, 2 и 3 Табангутскіе, Цонгольскій, Ашебогатскій и Чикойско-харанутскій.

Во время покоренія Сибири русскіе, познакомясь съ бурятами, ласками привели ихъ въ подданство Россіи въ періодъ съ 1680—1690 годовъ; безвозмездно давали имъ разныя вещи, припасы и

деньги. Поддавшіеся буряты стали платить въ казну ясакъ; изъ среды ихъ были поставлены надъ ними тайши, шулеги (головы) и зайсанги (старосты).

Предводитель нерчинскихъ тунгусовъ, Солоновъ и Солонгутовъ, происходящихъ отъ манчжуръ, чжанчжунъ-ноёнъ, прибывъ къ Нерчинску и познакомившись съ русскими людьми, оставивъ подданство манчжурскому владѣтелю, вступилъ въ русское подданство и принявъ православіе, получилъ титулъ князя Гантимурова и награду, водворился на р. Урульгѣ и сдѣлался повелителемъ 15 родовъ тунгусовъ.

Селенгинскіе три табангутскіе рода въ началѣ 1690-хъ годовъ перебѣжали изъ Монголіи въ Россію, и потомъ снова ушли обратно въ Монголію; послѣ подъ предводительствомъ Битанъ-Дархана, Даянъ-Монгола, Заяту-Хошигучи и Идэръ-Бодонгуна вторично около 1710-хъ годовъ перешли въ подданство Россіи.

Селенгинскій Цонголъ Укиръ - Хонтогоръ тоже, перебѣжавъ изъ Монголіи, сдѣлался русскимъ подданнымъ; многіе родные его съ женами и дѣтьми, прибывъ на ключъ Укинъ и ближнія къ оному лѣсистыя мѣста, просили его, какъ ранѣе познакомившагося съ русскими, ходатайствовать о пріятіи и ихъ въ подданство Россіи; Укинъ обнадежилъ ихъ, но вмѣсто ходатайства отправился въ Селенгинскій и Итанцинскій остроги, заявилъ тамошнимъ властямъ и войскамъ, что посланныя за нимъ въ погоню изъ Монголіи войска остановились на ключѣ Укинъ и въ тамошнихъ лѣсахъ и просилъ прогнать ихъ; русскіе войска, прибывъ на указанное мѣсто, вступили въ битву съ пришедшими; одна молодая женщина, невѣстка Укина, схватившись за пазуху его лошади, умоляла его спасти ее и взять. Укинъ, посадивъ ее на свою лошадь сзади себя, спасъ ее; послѣ оны женился на ней и имѣлъ отъ нея 8 сыновей и дочерей. За это сраженіе Укину пожалована пушка и плотина.

Юмжапъ Лумбуновъ. .

Л.

Первый шаманъ.

а.

(*Нерчинскій вариантъ*)

Первый и самый могущественный шаманъ назывался Тэмэнь-холай; по его имени называется падь между почтовой станціей Мерцаповой и Нерчинскомъ, въ 7—10 вер. отъ Мерцаповой. По мѣстному преданію въ прошломъ столѣтіи въ этой пади крестьяне завели было деревню; Тэмэнь-холай предупредилъ ихъ не селиться тутъ, но его не послушались. Тэмэнь-холай выморилъ деревню и падь до сихъ поръ остается пустою. Могила шамана обозначена кустомъ. Шла партія арестантовъ; одинъ изъ нихъ, хотѣлъ надругаться надъ могилою; но тутъ-же умеръ. Вѣрятъ, что Тэмэнь-холай по ночамъ выѣзжаетъ пастухомъ на бѣлой лошади съ урюкомъ въ рукѣ и душитъ, кто ему не нравится. Бурятскій шаманъ, когда шаманить, то вывааетъ: Тэмэнь-холай! Тэмэнь-холай*).

Записано Д. П. Першинымъ.

б.

(*Баргузинскій вариантъ*).

Баргузинскіе шаманы говорятъ, что даръ слѣва и пророчества сходитъ на нихъ съ неба, когда они подражаютъ событію; случившемуся съ Догѣдомъ, пастухомъ Солбона (звѣзда Венера). Событіе это было слѣдующее. Въ то время, какъ хозяинъ скота Солбонъ отправился къ западному небу (барунъ тынгрэ), Догѣдой съ своей собакой Бурто вздумалъ погулять и, оставивъ табуны, ушелъ куда-то и пробылъ тамъ три дня; возвратившись къ табунамъ, онъ нашелъ ихъ разошедшимися въ разные мѣста; значительную часть скота съѣли волки (шоно). Когда онъ началъ собирать табуны, явился хозяинъ Солбонъ, возвратившійся отъ Барунъ-тынгрэ. Сол-

*) Такъ по крайней мѣрѣ дѣлалъ шаманъ на Борцаѣ, котораго видѣлъ г. Першинъ.

бонь, увидѣвъ безпорядки, избилъ Догёдея бывшимъ у него крюкомъ, окривилъ на одинъ глазъ и повредилъ ему ротъ и ногу. Все это происшествіе шаманъ копируетъ во время дѣйствія, дѣлаетъ прыжки, пляшетъ и скачетъ, камчетъ свою собаку Бурто, произнося: вту! вту! прикидывается кривымъ, хромымъ, коситъ ротъ, какъ-бы поврежденный, говоритъ непонятными звуками, бормочетъ, расхаживая между слушателями, рассказываетъ имъ о своемъ увѣчьи, потомъ предсказываетъ будущее и проситъ угощенія.

Извлечено изъ рукописи покойнаго тайши баргузинскихъ бурятъ г. Сахарова: «Описание заселенія бурятами и тунгусами баргузинскаго округа».

LI.

Самая первая шаманна.

(Эпизод туруньихъ одежон),

Тысяча небесныхъ бурхановъ, сотворивши первыхъ людей, приставили къ нимъ караульнымъ коршуна, чтобъ онъ наблюдалъ, если бохолодой вздумаетъ сдѣлать людямъ какое-нибудь зло, чтобъ пришелъ и сказалъ имъ (бурханамъ) объ этомъ. Этотъ коршунъ, кружась, усѣлся на городьбу и дѣти этого человѣка хотѣли застрѣлить его. Тогда коршунъ возвращается къ бурханамъ и говорить: «Людей этихъ я не могу караулить, такъ какъ они хотятъ меня застрѣлить». Тогда бурханъ говоритъ: «Сходи и передай кому-нибудь свою чудодѣйственную силу!» Коршунъ, пришедши, заблудилъ одну худую дѣвушку, пасшую овецъ, увелъ ее на разстояніе трехдневнаго пути, ввелъ въ лѣсъ и усыпилъ около колоды (около свалившагося дерева), самъ сѣлъ на колоду и передалъ этой дѣвушкѣ чудодѣйственную свою силу. Дѣвушка, пробудившись, стала видѣть бохолодаевъ и угадывать впередъ худое и хорошее. Когда она возвратилась домой, старшій братъ началъ бить ее. «Гдѣ ты», говорить, «пропадала съ овцами цѣлыхъ трое сутокъ»? Она обидѣлась на него и погрозила ему. Братъ упалъ и захворалъ задер-

жвиемъ мочи. Худая дѣвушка говоритъ ему: «Я тебя вылечу». Положивши его на бѣлый войлокъ, внесли въ юрту. Здѣсь она показала ему висяшіе на столбѣ мужскіе половые органы и велѣла ему взять ихъ. Тотъ какъ только увидаль и взялъ ихъ, тотчасъ выздоровѣлъ. Послѣ этого му бацаган (худая дѣвушка) сдѣлалась шаманкой. — Утха (родъ) этой шаманки Шошолокъ.

Записано со словъ Гавриила Пянкина
о. Н. Затопяевымъ.

ЛII.

Булгата онгонъ.

Булгата-онгонъ—это была прежде большая шаманка у Монголовъ. Утха (родъ) ея Шошолокъ. Эта шаманка была сильнѣе всѣхъ шамавовъ и шаманокъ; имя ея Ханъ-Хамакша-утодой. У ней былъ мужъ Буръхи-заринъ и сынъ Буша-заринъ. Желая испытать чубараго коня, она поднялась на немъ на вершину горы Шарсынъ. Тогда конь, осердившись, говоритъ: «Ты хотѣла меня испытать, поднимусь-ли я на вершину этой горы. Я не только въ состояніи подняться на вершину этой горы, но могу даже вознестись къ своимъ Шарайцамъ на Шара-Хасаръ-Тэнгэри (желтощекое небо). Сказавши такъ, вознесся, оставивъ шаманку на вершинѣ горы. Послѣ этого шаманка поймала скачущаго по вершинамъ елей чернаго соболя и на немъ спустилась съ вершины горы. Шаманка эта, послѣ смерти, сдѣлалась Булгата-онгономъ. Сейчасъ этотъ онгонъ есть въ каждомъ бурятскомъ домѣ. Въ прежнія времена онгонъ этотъ дѣлали на соболѣ, теперь-же замѣняютъ соболя ушканомъ, но всетаки втыкаютъ въ него носикъ соболя *).

Записано по бурятски со словъ Гавриила Пянкина П. П. Баторовымъ,
переведено мисс. о. Н. Затопяевымъ.

*) Булгадъ, «соболь»; булгата, «съ сободемъ».

ЛIII.

Буртэ-убугунъ.

Буртэ-убугунъ былъ шаманъ монгольской кости Ханъ-янъ. У него было два сына: Хоредой и Хортонъ. Эти два сына бѣжали изъ Монголіи къ намъ (въ заднюю страну). Затрудняясь взять съ собою дряхлаго отца и жалѣя его оставить тамъ, отрубили ему голову, повѣсили себѣ за спину и молились ему въ пути, какъ онгону. Этого онгона и теперь дѣлають изъ дерева буряты, происшедшіе отъ кости Ханъянъ.

Записано по бурятски со словъ Гавриила Пяккина П. П. Ваторовымъ, переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ.

ЛIV.

Почему нѣкоторые буряты не ѣдят селезенку и не бьютъ лебедей.

Хонходоръ, Хоредой, Хангинъ и Шарайдъ были одного происхождения (одного сначала рода). Въ древнія времена одинъ охотникъ ходилъ по тайгѣ. Славныя три дѣвушки, дочери Хурмусть-тенгрия, превратившись въ лебедей, спустились на землю и купались въ золотомъ озеркѣ (алтан нур). Тотъ охотникъ, увидѣвши ихъ, выкопалъ на берегу озера яму и спрятался въ ней (легъ). Потомъ, укравши одежду одной изъ трехъ купавшихся дѣвушекъ, всѣхъ ихъ испугалъ. Тѣ стремительно выскочили изъ воды. Двѣ изъ нихъ, надѣвши свои одежды, вознеслись, а третья нагая не могла подняться. Онъ (охотникъ) взялъ ее къ себѣ домой и сдѣлалъ своей женой, а крылатую одежду ея спряталъ далеко-далеко; надъ дымовымъ отверстіемъ въ юртѣ устроилъ желѣзную рѣшетку. Такъ жили они много лѣтъ, прижили тринадцать дѣтей. Жена все просила свою одежду, но мужъ не отдавалъ ей. Однажды жена и говорить мужу: «Теперь у насъ столько дѣтей, куда я дѣваюсь? для чего ты прачешь мою одежду»? Тотъ согласился, принесъ и

отдалъ ей ея одежду. Облачившись въ эту одежду, жена залѣзла на полку въ юртѣ (такъ дэрэ) и спрашиваетъ: «Какъ я хороша»? Мужъ говоритъ: «Старуха стала, не охорашивайся». Забравшись на дымовое отверстіе, опять спрашиваетъ: «Какъ я хороша»? Мужъ говоритъ: «Нечего охорашиваться-то, ты вѣдь ужь дряхлая!» Тогда та говоритъ: «Ээ, мэндэдэ! И такъ прощай! и была небеснаго прѣсхожденія, а ты земнаго; я отправляюсь во-своеси; одинъ изъ твоихъ сыновей будетъ шаманомъ и одна дочь—шаманкой, только ты не корми ихъ селезенкой!» и съ этими словами улетѣла. Но этому и до сихъ поръ потомки ихъ не бьютъ лебедей и не ѣдятъ селезенки.

Записано по-бурятски со словъ Гаврила Пянкина П. П. Баторовымъ, перевод. мисс. свящ. о. Затолаевымъ.

LV.

Преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адая съ прочимъ народомъ.

Между четырьмя халхаскими ханами одинъ былъ Саинъ-ханъ. Къ этому хану пріѣхалъ въ гости его племянникъ Бушиктэ-ханъ и привелъ двухъ бѣгунцовъ Унаганъ-Шаргай и Хуриганъ-Шаргай. У Саинъ-хана было тоже два бѣгунца Хи-хусэхэ-хэиръ и Хой-хусэхэ-хула (догоняющій вѣтеръ гнѣдой и настигающій погоду саврасый). Дядя съ племянникомъ устроили гулянку и ударились въ бѣги, поставивши въ закладъ по сту тысячъ подданныхъ (нижэт бум албатая табят). Бѣгунецъ Бушиктэ-хана выбѣжалъ и закладъ былъ взятъ имъ. Когда Бушиктэ-ханъ уѣхалъ домой, Бахакъ Ирбановъ говоритъ Саинъ-хану: «Проигранный закладъ надо возвратить. Неужели между столь многочисленными твоими подданными не найдется такой конь, который обѣжалъ-бы бѣгунца Бушиктэ-хана?» Тотчасъ-же Саинъ-ханъ приказываетъ своимъ подданнымъ привести самыхъ хорошихъ бѣгунцовъ. Одинъ изъ его подданныхъ семидесятилѣтній старикъ имѣлъ трехъ коней «убунконовъ»; на одного изъ нихъ сѣлъ, а двухъ привелъ за собой въ поводу спутанными, такъ

какъ на нихъ невозможно было сѣсть. Саинъ-ханъ спрашиваетъ старика, почему онъ двухъ коней привезъ спутанными. Старикъ отвѣчаетъ: « Я старикъ сталъ, вести ихъ не спутанными не могу; кони мои бѣгунцы». Собравши всѣхъ бѣгунцовъ, пустили ихъ. На малаго «убункона» при этомъ полежили сорокъ пудовъ гирь, дали сѣдоку ножъ, велѣли ему, когда конь разбѣжится, отсѣкать по пути по одной гирѣ и бросать. Оба коня «убунконы» обѣжали остальныхъ всѣхъ коней бѣгунцовъ. Саинъ-ханъ, оставивши вмѣсто себя управлять царствомъ батора Бахака до тѣхъ поръ, пока не возвратится самъ, взялъ нѣкоторыхъ богатырей, двухъ коней «убунконовъ» и отправился къ Бушиктэ-хану. Приѣхавши туда, устроили гулянку и опять ударились объ закладъ бѣжать въ бѣгу. Когда отправились отпускать коней, богатыри обоихъ хановъ сговариваются: «Если выбѣжитъ конь Саинъ-хана, Бушиктэ-ханъ, какъ человѣкъ неспокойный, затѣетъ войну и битву (дайдажар татахо), а Саинъ-ханъ человѣкъ смирный, богатый и имѣетъ многочисленныхъ подданныхъ; если онъ я пробѣжитъ, такъ ничего». Приѣхавши на мѣсто отпуска коней (на мѣту), двухъ «убунконовъ» задержали на долго и отпустили ихъ только тогда, когда бѣгунецъ Бушиктэ-хана былъ уже далеко. Не смотря на это, «убунконы» прибѣжали впередъ. Когда нужно было получать закладъ, Бушиктэ-ханъ осердился и говорить: «Я не отдамъ закладъ, такъ какъ вы, когда я былъ у васъ, съ намѣреніемъ спрятали отъ меня этихъ бѣгунцовъ, чтобъ сорвать съ меня потомъ брѣшій закладъ». Засадилъ Саинъ-хана въ тюрьму и заставляетъ сдѣлаться его подданнымъ. Послѣ трехсуточного тюремнаго заключенія Саинъ-ханъ говорить: «Ну, хорошо. Я буду твоимъ подданнымъ, только дайте мнѣ возможность видѣть одного вашего и одного моего богатыря; я пошлю ихъ сказать, чтобъ перебечевали сюда и всѣ остальные мои подданные». Тогда Саинъ-ханъ говорить этимъ двумъ богатырямъ: «Скажите моей женѣ, что я вошелъ въ подданство Бушиктэ-хана, что я лежу на черной шелковой постели и одѣваюсь синимъ шелковымъ одѣяломъ, что караулятъ меня небес-

ныя звѣзды и что я изъ такого хорошаго мѣста не возвращусь домой; пусть возьметъ изъ табува дикаго жеребца, привяжетъ и выстоятъ его; пусть принесетъ въ жертву огню изъ овечьяго стада, находящагося тамъ, чужаго барана и со всеми подданными кочуетъ сюда». Эти два богатыря, пришедши къ царицѣ Сайнъ-хана, рассказали ей всѣ эти слова. Тогда жена Сайнъ-хана велѣла привязать жеребца, а чужаго барана въ стадѣ не могутъ найти. Бахакъ-же, слышавшій все это, сказалъ: «Вы не такъ поняли сказанное; черная шелковая постель—черная земля, синее шелковое одѣяло—синее небо, небесныя звѣзды — войско чужаго цари; ходящимъ въ табунѣ жеребцомъ (Сайнъ-ханъ) называетъ меня, а чужимъ бараномъ называетъ этого пришедшаго Бушиктэ-ханова богатыря». Согласившись съ этимъ объясненіемъ Бахака, убили и сожгли Бушиктэ-ханова богатыря. Затѣмъ Бахакъ, предводительствуя войскомъ, отправился за Сайнъ-ханомъ. Видя идущее войско безъ знамени (тук угэй), рѣшили, что оно кочуетъ. Войско подошло къ тюрьмѣ, разломало ея совѣтъ, выручило Сайнъ-хана и возвратилось домой. Здѣсь устроили гулянку. Во время гулянки одна изъ женъ Сайнъ-хана говоритъ ему (сплетничаетъ), что Бахакъ, въ отсутствіе его, сошелся съ одной изъ его женъ. Сайнъ-ханъ не повѣрилъ этой сплетнѣ. Тогда жена снова говоритъ: «Завтра или послѣзавтра ты самъ убѣдишься, что я не лгу тебѣ». Послѣ этого, когда Бахакъ пьяный спалъ въ улусѣ, эта сплетница украла его унты *) и ими наслѣдила около помѣщенія заподозрѣнной (оклеветываемой) жены и привела сюда Сайнъ-хана, чтобъ онъ осмотрѣлъ ихъ. Увидавъ слѣды, Сайнъ-ханъ отправился розыскивать Бахака. Находить его въ одной юртѣ спящимъ, будить его и спрашиваетъ: «Куда ты ходилъ этой ночью»? Тотъ отвѣчаетъ, что никуда не ходилъ. Ханъ начинаетъ тѣснить его: «Если-бъ ты, говорить, никуда не ходилъ, то какъ явились-бы твои слѣды около помѣщенія моей жены». Тогда Бахакъ сказалъ: «На глубинѣ нѣтъ брода, въ поклепѣ нѣтъ словъ къ оправданію» (гундэ олом угэй, гужэртэ хур угэй). Сайнъ ханъ засадилъ

*) Сапоги изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ.

Бахака въ тюрьму, угрожая снести ему голову. Услышавши это, дядя Бахака по матери (нагаса), надѣвши лукъ и стрѣлы (колчанъ), поспѣшно приходитъ къ хану и говоритъ: «Когда тебя задержалъ Бушиктэ-ханъ и хотѣлъ тебѣ снести голову, Бахака выручилъ тебя, а ты теперь хочешь его, моего единственнаго племянника, казнить за одну первую вину! я прострѣлю насквозь подъ твоей красной мышкой!» И натянулъ лукъ. Тогда Сайнъ-ханъ говоритъ: «Постой, не отпускай оно (ушко стрѣлы, т. е. не стрѣлай), выслушай, что я скажу тебѣ! Я, какъ царь, по царскому закону взялъ его и заперъ. Законъ я измѣнять не буду, но вмѣсто головы подрѣжу ему большой палецъ и такъ выпущу его». Когда подрѣзали Бахаку большой палецъ, онъ вмѣстѣ со своимъ нагасой (дядей по матери) Адаемъ началъ пьянствовать; были они пьяны день и ночь, кололи скота и превращали мясо въ муку. Видя это, народъ дивился имъ: «Не голодь-ли они предчувствуютъ?»

Тогда Енгуты девять сыновей, выкуривши по три котла тарасуна и заколовши по три барана, созвали Бахака и Адая и угощаютъ ихъ. Выпивши и съѣвши все это, они говорятъ: «А все таки мы вамъ теперь ничего не скажемъ!» И такъ, не сказавши ничего, возвратились домой. На другой разъ эти-же Енгуты сыновья, выкуривши по девяти котловъ тарасуна и заколовши по девяти кладеныхъ барановъ, опять приглашаютъ Бахака и Адая и угощаютъ ихъ, собравши при этомъ много народа, рассчитывая выпытать отъ нихъ (т. е. отъ Бахака и Адая) тайну (слово). Угощаясь такъ, они говорятъ: «Нашъ ханъ провинившимся отсѣкаетъ головы, а русскій царь наказываетъ розгами. Пойдемте отсюда въ подданство къ Бѣлому русскому царю. Прежде всего устройте облаву (зэктэ-аба). Этой облавой *) будемъ искать стараго бѣлаго изюбря, у котораго единственный рогъ; когда мы найдемъ его, не убивая его самаго, отстрѣлимъ ему этотъ рогъ и отнесемъ его къ Сайнъ-хану».

*) Зэктэ-аба предъ набѣгомъ изъ Монголіи, надо полагать, была устроена, чтобъ замаскировать предъ Сайнъ-ханомъ сборы къ побѣгу; сборъ на зэктэ-аба былъ подготовкой къ эмиграціи.

И такъ нашли такого изюбря, но не находится человѣка, который-бы отстрѣлилъ его рога. Тогда Бахакъ говоритъ: «Хотя у меня и подрѣзанъ большой палецъ, но я и костянымъ пальцемъ выстрѣлю!» Отстрѣливаетъ рога, приносятъ его къ Самнѣ-хану и говоритъ: «Возьми Самнѣ-ханъ добычу! Этого единственнаго рога лишился старый бѣлый изюбрь; послѣ этого на что онъ будетъ надѣяться? Самнѣ-ханъ, разставившій съ первымъ тушимэломъ^{*)}, на кого будетъ полагаться?» Сказавши такъ, посиѣбно вышелъ. Пришедши домой, набралъ, кромѣ девяти Бигутовыхъ сыновей, еще много народа, забрали свота и отправились въ предѣлы царства Бѣлаго русскаго царя, въ степь Аларскую, черезъ Дарьинскій проходъ кругомъ Байкала. Когда проходили черезъ Дарьинскій проходъ, предводительство-вала большая пѣгая кобыла.

Записано по-бурятски со словъ Гаврилы Пякина И. П. Баторовымъ; перевелъ мисс. свящ. Н. Затопляевъ.

LVI.

Преданіе о валѣ Чингисъ-хана^{**}).

Чингисъ-ханъ съ своимъ войскомъ подступилъ къ Пекину. Нѣсколько дней и ночей онъ поджигалъ городъ; въ это-же время

*) Тушимэль — вельможа, чиновникъ.

**) По народному повѣрью ни начало, ни конецъ этого вала не извѣстны. Говорятъ, что продолженіе его находятъ даже около Семипалатинска. Ширина рва, сопровождающаго валъ, такова, что по дну его можетъ свободно ѣхать тройка лошадей съ телегой. Земля изъ рва везде выгидана на восточную сторону т. е. валъ какъ-бы защищаетъ страну съ восточной стороны. На сколько глубоко былъ ровъ и высокъ валъ, объ этомъ можно судить по тому, что и въ настоящее время за этой защитой можетъ скрываться лошадь. По западной сторонѣ вала идутъ городки т. е. квадратныя насыпи, которые имѣютъ входы тоже съ западной стороны. Эти городки расположены вблизи источниковъ. Направленіе вала совершенно прямое; если онъ встрѣчаетъ на пути гору, онъ преломляется подъ угломъ и опять идетъ прямой линіей. Лѣтомъ 1889 г. А. К. Кузнецовъ осматривалъ развалины главнаго Кондуйскаго городка; по слѣдамъ его и мнѣ пришлось проѣхать. Главное зданіе было окружено различными постройками; нѣкоторыя расположены полукругомъ въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ главнаго. Стѣны были сдѣланы изъ бусаго, очень крѣпкаго кирпича. Въ основаніи главнаго зданія лежали квадратныя гранитныя камни съ правильно высѣченными кругами. Нашлось много довольно изящной работы обломковъ, между которыми попали обломки дракона. Руслó рѣки было подведено къ стреламъ искусственно. Обработка камней производилась верстахъ въ 30 или 40 къ юго-западу.

К. Ломиновскій.

другой отрядъ его захватилъ десять тысячъ барановъ, тысячу коровъ и тысячу лошадей; вмѣстѣ съ этимъ было захвачено тысяча человѣкъ. Начальникъ отряда спросилъ хана, что сдѣлать съ добычей. Тогда ханъ приказалъ животныхъ отдать его отряду, а людей убить. Не успѣли еще выпознать ханское повелѣнiе, какъ у хана заболѣли зубы. Были для поиска лекаря отправлены гонцы въ разныя стороны, но во всемъ Пекинѣ не нашлось лекаря, который-бы взялся лечить зубы хана. Только что вернулись гонцы изъ неудачныхъ поисковъ, какъ одинъ изъ плѣнныхъ заявилъ желанiе лечить хана, но съ условiемъ, чтобъ ему было позволено напередъ поговорить съ ханомъ. Ханъ далъ согласiе. Приведенный къ хану плѣнникъ сказалъ ему: «У тебя, ханъ, болитъ одинъ зубъ, и то ты отъ страданiй не знаешь покоя, какъ-же переносить страданiя намъ, твоимъ плѣнникамъ, которымъ ты нанесъ глубокiя раны, разоривъ насъ и разлучивъ съ женами и дѣтьми? Скажи мнѣ ханъ, легко-ли намъ это переносить?» Ханъ умолялъ плѣнника излечить зубную боль и обѣщалъ въ свою очередь облегчить участь плѣнныхъ. Искусствомъ плѣнника зубная боль прекратилась и ханъ отпустилъ весь полоненный народъ, возвративъ имъ отнятое у нихъ имущество.

Послѣ выздоровленiя Чивгисъ-ханъ отступилъ отъ Пекина и двинулся на югъ, гдѣ, разоривъ страну, онъ сильно обогатился. Разбогатѣвъ, онъ задумалъ у Солнечнаго царя взять дочь въ жены; для этого съ громаднымъ войскомъ онъ двинулся на юго-востокъ. При войскѣ находился стрѣлокъ, который за сто ночей убивалъ. Путь войска лежалъ черезъ падь Урузенгуй и устье настоящаго Кондуя. Въ 30 верстахъ отъ Кондуя, около ключа Кольтанъ, оно остановилось. Во время стоянки охотникъ увидѣлъ парившаго надъ нимъ орла, взялъ лукъ и убилъ его. Тогда враги охотника воспользовались этимъ случаемъ и сказали хану, что онъ убилъ птицу, которая покровительствовала походу и что теперь не будетъ благополучiя для войска, омываго кровью благородной птицы. Ханъ раз-

гнѣвался и приказалъ стрѣлка закопать въ землю въ 8 верстахъ отъ Кондуя къ югозападу (и сейчасъ тутъ есть пропасть въ горѣ). Оставивъ стрѣлка закопаннаго по горло въ землѣ, ханъ двинулся дальше. Не доходя до Солнечнаго царя, онъ отправилъ впередъ одинъ отрядъ, но у Солнечнаго царя была старуха, которая за девяносто девять ночей поракала людей однимъ словомъ. Когда отрядъ подошелъ на разстояніе девяносто девяти ночей, она поразила ихъ словомъ. Былъ посланъ второй отрядъ и тотъ былъ пораженъ. Но наконецъ люди третьяго отряда узнали причину пораженія первого и второго отрядовъ и донесли хану. Они сказали ему: «Если мы пойдемъ, то и съ нами это-же можетъ случиться, когда станемъ на разстояніи девяноста девяти ночей». Въ это только время ханъ вспомнилъ о стрѣлкѣ, который могъ-бы поразить старуху за сто ночей. Тогда онъ повернулъ обратно, чтобы сласти стрѣлка. Его нашли еще живымъ и выгребли. Но стрѣлокъ истощился и силы его были слишкомъ слабы. Для поправленія силъ стрѣлка ханъ остановился при устьѣ Кондуя. Проживъ здѣсь три года, онъ двинулся снова въ походъ противъ Солнечнаго царя, оставивъ послѣ себя постройки вблизи Кондуя. Старуха на этотъ разъ была поражена стрѣлкомъ, а дочь Солнечнаго царя похищена. Когда повели дочь Солнечнаго царя, то она сказала, чтобы во всю дорогу была защита съ восточной стороны; это нужно было для того, чтобы не могъ ихъ съжечь Солнечный царь. Чингисъ-ханъ велѣлъ проложить валъ, глубокіе слѣды котораго видны и по настоящее время.

Записано К. Д. Логиновскимъ, учителемъ станицы Размахнинской въ Забайкальской области.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

Помѣщенный въ этомъ выпускѣ матеріалъ преимущественно собранъ, какъ и въ предыдущемъ (Записки Восточно-сиб. Отдѣла по этнографіи, т. I, в. 1), у сѣверныхъ бурятъ и именно только въ двухъ вѣдомствахъ Аларскомъ и Балаганскомъ; главными владѣльцами были, какъ и раньше, три человека: П. П. Баторовъ, о. Н. И. Затопляевъ и М. Н. Хангаловъ. Изъ Забайкалья на этотъ

разъ явилось нѣсколько новыхъ лицъ, приклавшихъ записи: И. В. Вambo-
превновъ, Ю. Л. Думбуновъ, Р. Н. Номтоевъ и К. Д. Логиновскій.

Въ прошломъ выпускѣ («Бурятскія сказки и повѣрья») вкрасась ошибка. На стр. 118 помѣщенъ рассказъ о кости сарь. Словомъ сарь называется не кость, не первый шейный позвонокъ, какъ тамъ сказано, а мясо на шейныхъ позвонкахъ; рассказъ записанъ въ с. Каракасарь, а не Каракасъ. На стр. 147 сказано, что слова агу и абаха не извѣстны бурятамъ. По объясненію г. Хангалова агуи (агу напечатано не правильно) значить «высокая гора». Абахай (абаха напечатано неправильно) сказочное выраженіе, означаетъ «красавица».

Относительно настоящаго (2-го) выпуска нужно замѣтить, что способъ передачи бурятскихъ звуковъ русскими буквами, разнообразный у нашихъ записывателей, у насъ не приведенъ къ единству; такъ густое г (кх, кг, һ) въ текстахъ г. Хангалова обозначено буквой х съ двумя точками; за неимѣніемъ такой литеры въ шрифтахъ типографіи, мы замѣнили ее курсивнымъ x; тотъ-же звукъ у г. Пирожкова обозначенъ апострофомъ, а у о. Затопляева сложнымъ гх. За неимѣніемъ необходимаго шрифта мы не могли также обозначить долгія и короткія гласныя. Курсивныя и вмѣсто носоваго н.

I. *Алтань-шагай-мэринь*. Эпизодъ о битвахъ съ мангатаями представляетъ параллель такому-же эпизоду (о битвѣ съ мангысами) въ дюрбютской былинѣ объ Иринь-сайнѣ (Очерки с. в. Монг., IV, 455). Въ дюрбютской былинѣ этотъ эпизодъ также начинается находженіемъ письма въ очагѣ; и также заканчивается уничтоженіемъ утробнаго сына жены мангыса. На ту-же дюрбютскую былинку указываютъ темы о встрѣчѣ съ синомъ (въ Иринь-сайнѣ съ племянникомъ) и о дождѣ, начавшемся по молитвѣ богатыря, только въ дюрбютской былинѣ тема о встрѣчѣ съ племянникомъ помѣщена внѣ (до) эпизода о битвахъ съ мангысами. Наоборотъ, тема о дождѣ, стоящая въ бурятской сказкѣ внѣ эпизода о битвахъ съ мангатаями, въ дюрбютской помѣщена внутри соответствующаго эпизода (Оч., IV, 461). Дождь или пенастье призываются для того, чтобы заставить спуститься съ поднебесныхъ высотъ птицъ, въ которыхъ заключается душа мангыса. Дождь ниводится посредствомъ даада, а не посредствомъ молитвы къ Эсагэ-малану, какъ въ бурятской.

Принужденіе матери открыть тайну объ отцѣ и обжиганіе ея руки смъ въ киргизской сказкѣ о Козу-Курнешѣ (Radloff, Proib., IV, 14). Эпическая фраза: «смотреть вверхъ, смѣется, смотреть внизъ, плачетъ», повторяющаяся въ бурятской сказкѣ два раза (стр. 4 и 15), находится также въ одномъ сказаніи о Чингисѣ (Алтань-тобчи, стр. 13) и въ одной монгольской сказкѣ (Оч., IV, 397).

Ср. также въ «Бурятск. сказкахъ» (Записки Отдѣла по этн., I, 38). Заключение былины о Сокто-иргынѣ мнѣ кажется сбитымъ. Сокто привезъ голову бабы Мойсь-хара; Гэсеръ говоритъ ему, что два богатыря, которыхъ онъ бросилъ въ яму, пригодятся. Чуть-ли это не смутные остатки первоначальной редакціи, въ которой вѣроятно заключался упрекъ за то, что богатырь отрубилъ бабѣ голову, а не доставилъ бабу живую. Въ монастырѣ Гумбумѣ (въ Амдо) я написалъ отъ хукунорской олетки (калмычки) сказку о Батырь-жуусѣ, который убиваетъ злаго Цоктай-хана, привозитъ голову его къ Далай-ламѣ и получаетъ отъ послѣдняго упрекъ: «Напрасно ты убилъ Цоктай-хана; нужно было-бы достать его живаго. Онъ зналъ много средствъ, которымъ можно было-бы у него поучиться» (сказка эта еще не напечатана). Вѣроятно эта-же сказочная тема вторглась въ историческіе памятники степей южной Россіи, именно въ рязкавъ о ханѣ Тохту, который упрекаетъ «русскаго» за убіеніе Ногаи и казнить его. (См. Тивенгаузенъ, Сборн. матеріаловъ, относящихся къ ист. Золотой Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 113). Та-же фраза въ якутскомъ сказаніи о Тыгымѣ (см. Записки Отдѣла по этн., т. I, в. 3-й, стр. 53). Муусъ есть тюркск. прозвищеніе монгольскаго мангысь; изъ муусъ въ бурятскомъ явился Мойсь.

Агуй, первый членъ въ имени богатырской лошади, «гора», какъ объяснено выше. Имя богатыря Жоргодоя сама сказка этимологизируетъ отъ бурятскаго названія большого пальца (нѣм. Daumen) эрха; богатырь имѣлъ шесть эрха-хуру, «шесть большихъ пальцевъ». Число шесть намекаетъ на Плеяды, у которыхъ жители Монголіи и южной Сибири обыкновенно насчитываютъ шесть звездъ. Эпитетъ Жоргодтайши эрхетэй повидимому тавтологія; не указываетъ-ли оно на то, что имя Эрха придавалось Плеядамъ. Ср. якутское названіе Плеядъ: Ургяль. — Имя сына мѣсяца въ одномъ случаѣ въ рукописи написано Гхагалъ, въ другомъ Гхаганъ. Ногоиъ-соё по-бурятски «Зеленый клыкъ». Алтанъ-тергенъ, «Золотая телега» упоминается въ монгольскомъ сказаніи о Гэсерѣ; покрайней мѣрѣ въ вариантѣ, записанномъ мною въ Ордосѣ, такъ называется одна изъ эрдени, «драгоценностей», похищенныхъ Гэсеромъ у своей матери (находящейся на небѣ). Гора Сокто-Сумбырь есть Сумерь-ола монгольскихъ сказокъ; б вставлено въ томъ-же родѣ, какъ киргизы вставляютъ тотъ-же звукъ въ монгольское слово, сумэ, «храмъ», *сумбэ*; какъ амдоскіе широнголь-монголы говорятъ *амбырана*, «успокоиться, отдохнуть», вмѣсто монгольскаго амурана. Вѣроятно Хомьоръ-ола (см. выше стр. 99, 102) есть вариантъ этого имени; имя Сумбырь или Сумбурь мѣстами локализовалось въ Монголіи; въ странѣ къ з. отъ оа. Косогода есть гора Сумбуль (Очл. I, 272); въ южной Монголіи въ Алашанѣ Баянь-цумбууръ (на картѣ приложенной къ путешествію Пржевальскаго: «Монголія и страна тангутовъ» т. I); не то-ли-же имя является въ формѣ Субуръ-хапрханъ или

Субурганъ-хайранъ? такъ называется гора, изъ которой вытекаетъ Орховъ. У Радлова, *Proben*, II 594, 608 гора Субур; Калановъ (Указатель къ П. т. *Proben*, стр. 70) напоминаетъ при этомъ Рашидъ-аддинское Сибирь, т. е. Сибирь (Азиатская Россія). На Каталанской картѣ 1375 г. именемъ Sebur обозначены горы, изъ которыхъ беретъ начало восточная вершина Волги (т. е. Уральскій хребетъ). Имя мангалхай бураты часто произносятъ: мангасхай; въ рукописи о. Н. И. Затопляева обѣ формы чередуются безразлично.

Небесная дѣва, невѣста Алтанъ-шагая, названа Иренъ-тарбажи, «пестрый степной орелъ»; чтобы улетѣть въ небо, она оперяетъ себя орлиными перьями. Въ другихъ сказкахъ это дѣлается при помощи лебяжьей шкурки. Небесныя дѣвицы, владѣющія подобнымъ свойствомъ; въ монгольскихъ и урянхайскихъ сказкахъ называются нарицательнымъ дагине. Въ бурятскихъ сказаніяхъ (см. Агакъ и Хангалъ, Матеріалы въ «Ивѣст.», т. XIV, № 21—2, стр. 17) есть дѣвица Хундангина (хунъ-дангина?), но о лебядиной ея природѣ въ указанной статьѣ ничего не сказано; это дѣвица, похищенная мѣсяцемъ.

Въ одной дархатской сказкѣ (*Оч.*, IV, 530) дѣвица, дочь одного царя, носитъ имя Хунъ-тайжи. Хунъ въ этомъ имени вѣроятно есть монгольское *хон*, «лебедь», но на лебединую одежду намека въ сказкѣ нѣтъ. За то въ легенду о Хунъ-тайжи, помѣщенную въ *Оч.*, II, 106, входитъ тема о людяхъ, обращающихся въ птицъ. Имя Хунъ-тайжи встрѣчается въ соединеніи съ Дегуренгъ: Дегуренгъ-Хунъ-тайжи (Алтанъ Тобчи, 40); такъ названъ зять Элбекъ-хана, котораго тесть убиваетъ, чтобы присвоить его жену. Съ образомъ дѣвы-лебеди въ Азіи соединялся и демоническій характеръ; см. Калановъ, *Алфав. указатель собств. именъ*, встрѣчающихся въ II т. Образцовъ, собр. В. Радловымъ, Спб., 1888. стр. 43. *Tokorong*, *tozorung* по бурятски «журавль» (*Castren*, *Versuch ein. Bur. Spgachlehre*, 201). Въ якутскихъ сказкахъ часто небесныя дѣвицы слетаютъ на землю играть въ видѣ стерховъ, *Gras leucogepanus* (*Зап. Отдѣла по этн.*, т. I, в. 3, стр. 74—79, 85 и др).

III. *Шоно-баторъ*. Когда сказаніе о Шоно было уже напечатано, о. Затопляевъ прислалъ слѣдующее дополненіе къ ранѣе доставленному имъ варианту.

Въ то время какъ Шоно-баторъ входилъ въ подданство русскаго царя войско русскаго царя сражалось съ войскомъ какой-то иностранной царицы (русскимъ царемъ была тоже царица). Войско иностранной царицы лежало на облакахъ и оттуда стрѣляло и убивало. Пришедши на мѣсто стоянки русскаго войска, Шоно-баторъ вошелъ на вершину горы и, выстрѣливъ ст-

туда въ начальника чужаго войска, убилъ его. Осматривая этого упавшаго на землю богатыря, увидѣли, что кожа на его головѣ въ аршинъ толщины. На слѣдующій день Шоно-баторъ опять застрѣлилъ одного изъ начальниковъ чужаго войска. На третій день идетъ сюда съ своимъ войскомъ сама чужестранная царица и говоритъ: «Кто это убиваетъ моихъ богатырей»? Тогда Шоно-баторъ спрашиваетъ свою царицу: «Какъ мнѣ поступить? Если убить эту царицу въ голову, царскому роду будетъ худо; убить ее по срединѣ, войску и народу будетъ худо, а если выстрѣлить по ногамъ, худо будетъ стрѣляющему». На это царица сказала ему: «Самъ знаешь!» Тогда Шоно-баторъ рѣшаетъ такъ: «Пусть-же родъ царскій, войско и народъ будутъ вѣчны! а моя жизнь бобыли кому нужна»? Стрѣляетъ ее (чужестранную царицу) по ногамъ, которыя и падаютъ на землю. Царица-вѣдма, умирая на облакахъ, поетъ:

Не сокрушимую кость мою сокрушившая,
Въ какой странѣ сдѣланная стрѣла?
Не замаравшееся въ моей струившейся крови,
Какой птицы перо *)?
На неприступное тѣло мое дерзнувшій (стрѣлявшій),
Ханскій-ли ты сынъ или сынъ простаго человѣка?

На это Шоно-баторъ отвѣчаетъ:

Стрѣла, сокрушившая не сокружимую кость твою
Сдѣлана въ странѣ Шоргользонъ-хана,
Не замаравшееся въ твоей струившейся крови перо—
Перо птицы Тотъ.
На неприступное тѣло твое дерзнувшій—
Сынъ Ханъ-Тайжия, Шоно-баторъ.

На это баба вѣдма опять заѣбла:

Милую жизнь свою не шадящій,
Жадкій ты бѣдняжка!
Дерзкое тѣло твое
Да превратится въ черный камень!

На это Шоно-баторъ опять заѣблъ:

Я хотя и сдѣлаюсь чернымъ камнемъ,
Одѣнусь въ иксью доху
И останусь съ ханскимъ достоинствомъ на вѣки вѣчные!
А ты, ругательница вѣдма, не знаешь,
Какъ пропадешь и какую о себѣ оставишь память!

(Записано со словъ бурята Гаврила Пяцкина П. П. Баторовымъ, переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ).

*) Здѣсь разумѣется опереніе стрѣлы.

Мисс. о. Н. Затопляевъ.

См. у Радлова, Proben, I, 206 и II, 380; въ Очеркахъ, IV, 309. Сидѣнье въ ямѣ и стрѣланье по колѣнамъ старухи колдуньи сближаетъ Шоно съ Тасъ-хара (Бурятск. сказки, Зап. Отдѣла по этн., в. I, стр. 109) и съ Хасаромъ (Алтанъ-тобчи, 24; Саянъ-Сэцэнъ, 99). Шоно умеръ, не оставивъ потомства по тому, что такая судьба ожидала всякаго, кто попадетъ стрѣлой въ колѣни колдуньи. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27) старуха, раненая Хасаромъ въ колѣно, умирая, такъ проклинала богатыря: «Потомки Хасара мужскаго пола да будутъ любимы ранами, потомки женскаго пола да будутъ оставляемы мужьями своими». Въ Ордосѣ я слышалъ о Хасарѣ, братѣ Чпнгиса, что онъ умеръ безъ потомства. Книжныя сказанія, однако, называютъ его сыновей и выводятъ отъ него племя Корчинъ. — Эпизодъ о трехъ собакахъ Хунъ-Тайжия встрѣчается также въ № XLIII.

VI. *Сирота-парень*. Ср. въ Оч., IV, 241 и 246. Съ концомъ сказки о ламѣ, обратившемся въ турпана: ср. Бурятск. сказки (Зап. Отдѣла по этн. в. I), стр. 123, (№ 33). Ср. также въ Очеркахъ, IV, 261 и 273, № 51, вар. i и № 54, вар. i. Въ одномъ изъ вариантовъ сердце раскаявшагося людоеда, махачи, превращается въ статую Майдари; также и въ легендѣ, которую я записалъ въ Амдо: мясникъ, ужаснувшійся своего ремесла, становится богомъ Шялба (тибетское имя Майдари). Чоканъ Валихановъ записалъ о Большой Медвѣдицѣ, Джеты Каракчи, киргизское повѣрье, что это души семи разбойниковъ, которые днемъ воровали, а ночью казались въ грѣхахъ, за что и были обречены послѣ смерти въ звѣзды (Очерки с. я. Монг., IV, 784).

VII. *Человѣкъ и барсъ*. Разсказъ о состязаніи въ силѣ напоминаетъ восточную легенду о братьяхъ, пробовавшихъ силу пинаніемъ кочки, растущей на берегу рѣки. Одинъ изъ братьевъ перехитрилъ—предварительно тайкомъ подрѣзалъ кочку (Оч., IV, 827).

IX. *Кость лошаки*. Отъ чечена (собственно ингуша), сосланнаго съ Кавказа въ Иркутскъ и служившаго здѣсь сторожемъ въ музей, я записалъ слѣдующую чеченскую сказку. Было семь братьевъ; старшаго изъ нихъ звали Солданъ, младшаго Батакъ. Батакъ былъ хитрый. Семь братьевъ воевали со всѣми, не разбирая, русскіе-ли-то были или свои чечены; потомъ поссорились между собой и раздѣлились. У старшаго брата Солдана былъ дикій, пакостный бѣлый быкъ; Солданъ потерялъ его. Долго Солданъ ищетъ его, но не можетъ найти. Кто-то ему сказалъ, что его быка зарѣзалъ и съѣлъ младшій братъ Батакъ. «Вечеромъ ты еще застанешь», говорятъ ему, «какъ

два сына Батаковы будутъ варить мясо твоего быка». Солцанъ дѣйстви- тельно захватилъ двухъ сыновъ Батака и бросилъ обоихъ въ котель съ ва- равшимся мясомъ. Ни кому не было извѣстно, что у Батака было два сына. Батакъ похоронилъ дѣтей секретно, такъ что никто не узналъ, что они бы- ли. Послѣ этого случая съ быкомъ всѣ семь братьевъ жили три года смир- но, ни между собой, ни съ посторонними не ссорились. Батакъ говоритъ братьямъ: «Я знаю, гдѣ доставать золото и богатство. Мы вотъ три года не воюемъ послѣ того, какъ потерялся быкъ. Давайте воевать!» Братья согла- сались и составили общество изъ шестидесяти человѣкъ. Пошли. Дорогой Батакъ съ шестидесятью товарищами остановился на ночлегъ на ровномъ мѣстѣ безъ воды, безъ травы; ни коню, ни человѣку нѣтъ ни пить, ни ѣсть. Товарищи стали просить Батака, чтобъ онъ досталъ имъ пить и ѣсть. «Жа- ра», говорятъ, «пить хотимъ!» «Недалеко есть лѣсъ, кустарники; тамъ есть вода!» говоритъ Батакъ. А тамъ жила лѣшнбъ (волшебница). По расчету Батака она должна была погубить шестьдесятъ его товарищей. Солцанъ спрашиваетъ у Батака, куда они ушли. Батакъ говоритъ: «Они ушли въ лѣсъ; тамъ холодная вода есть; тамъ хорошо и вотъ они замешкались. Вѣр- но сѣли Богу молиться или легли спать. Можетъ быть и ты сходишь туда?» Ушелъ и Солцанъ. Остался Батакъ одинъ. Пошелъ Батакъ домой и думаетъ: «Надѣну трауръ по братѣ». Идетъ. На встрѣчу ему лисица (цѣгыл) и гово- ритъ: «Какъ-же ты такое убійство совершилъ, роднаго брата погубилъ! Что ты за извергъ!» Батакъ смутился и думаетъ: «Что-же мнѣ дѣлать? Пойду и я къ нимъ». Пошелъ. Лѣшнбъ привязала и его. Солцанъ говоритъ Батаку: «Ты знаешь много, янаешь, что будетъ впередъ. Сдѣлай что-нибудь, чтобы вамъ спастись. А не то лѣшнбъ съѣстъ насъ всѣхъ!» Батакъ говоритъ: «Лѣшнбъ! ты насъ съѣшь, все равно. Но позволь намъ сказать тебѣ только три слова!» Лѣшнбъ говоритъ: «Можешь, сколько хочешь». Тогда Батакъ началъ говорить: «Былъ очень дикій быкъ, который жилъ въ лѣсу; никто не могъ его усмирять. Его унесъ на гору арзу (орель?). Всѣ птицы собра- лись и стали просить арзу, чтобы онъ не поганилъ гору. «Ты будешь грызть, будетъ течь на землю кровь; начнетъ потомъ гнить, будетъ воль. Унеси твою добычу подальше!» Арзу отнесъ быка на ровное мѣсто. И тамъ къ не- му собрались птицы и просятъ, не можетъ-ли онъ унести быка куда-нибудь подальше. Куда ни принесетъ, вездѣ просятъ унести подальше. Арзу уви- дѣлъ, пастухъ пасетъ барановъ; былъ тутъ одинъ большой баранъ; арзу сѣлъ на его рога, положилъ быка поперегъ роговъ и сталъ ѣсть; другою мѣста ни гдѣ не нашель. Ълъ, ѣлъ и уронилъ лопатку. Подъ бараномъ въ это время спалъ старикъ пастухъ. Лопатка попала ему въ глазъ. Думая, что въ глазъ попала соринка, старикъ пошелъ домой. Три человѣка взялись за

лопатку и вытащили ее из глаза, положили лопатку на степи. На ней выстроилось триста домовъ. Пришла лисица и стала грызть лопатку; ей повалось вкусно и она потащила лопатку. Увидѣлъ лисицу охотникъ и убилъ ее. Лежитъ лисица; жители, жившіе на лопаткѣ, вышли изъ домовъ, но не могли перевернуть лисицу. Сняли шкуру съ одной верхней половины тѣла, всѣмъ вышло по шубѣ. Одна старая вдова пошла за водой съ ковшемъ, увидѣла лисицу, толкнула ее ковшемъ, перевернула; сняла съ другого бока шкуру, ей вышла всего одна шуба да и та безъ рукавовъ». Разказавъ это, Батакъ спрашиваетъ: «Кто-же сильнѣе: арзу, баранъ, пастухъ, лисица или вдова»? Шестидеять лѣтчиковъ стали между собой спорить; одинъ говорить быкъ, другой пастухъ, третій лисица, четвертый баранъ. Стали драться и перерывали другъ друга. Связанные остались одни. Батакъ ваялъ своихъ людей и возвратился домой. Солцанъ говорить ему: «Я хотя убилъ твоихъ сыновъ, но я ихъ оживлю». Солцанъ дѣйствительно досталъ свадьбу и оживилъ сыновъ Батака.—Разказчикъ объяснилъ, что шестидеять Батаковыхъ товарищей назывались Рхистей (Рхстой).

Сказку эту мнѣ передалъ иглушъ на вопросъ: не знаетъ-ли онъ чеченскаго преданія о Хорѣ или гонимомъ мальчикѣ, который прятался въ лѣсу (Сборникъ. свидѣн. о кавк. горцахъ. вып. VIII, ст. «Иглуши», стр. 26—27). Сначала иглушъ разказалъ мнѣ слѣдующее: Грузинскій царь Ираклы гналъ одного мальчика по имени Рхстой. Мальчикъ бѣжалъ и укрылся въ неприступной горѣ. Онъ и теперь тамъ, но къ нему никакъ нельзя дойти. Это гора вправо отъ военно-грузинской дороги, къ ю. отъ Владикавказа, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ (т. е. Казбекъ, по осетински Чрети-хохъ, «Христова гора»). На мою просьбу разказать подробнѣе исторію гонимаго, иглушъ разказалъ мнѣ исторію о Солцанѣ и Батакѣ.

X. *Сотвореніе міра и человека.* Въ алтайскомъ сказаніи творцу Ульгеню докончить твореніе помогаетъ Себиль, который потомъ получаетъ имя Майдари (о. Ландышевъ, «Космогонія и есогонія алтайскихъ язычниковъ» въ Правосл. Собесѣдн., 1886, мартъ). Далѣе этотъ Майдари вступаетъ въ борьбу съ Ерлиномъ, который старается исказить твореніе Майдари. Эпизодъ съ собакой разказывается о Майдари и Ерликѣ, а не объ Ульгенѣ и Ерликѣ. Душу въ человека вдуетъ Ерликъ посредствомъ дудки (чогур) о семи ладахъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ (ромус) о девяти языкахъ.

Въ монголобурятскихъ легендахъ о кающемся разбойникѣ, превращающемся потомъ въ бога Майдари (по-тибетски Шянба), также антигезою является птица ангирь (см. «Бурятскія сказки и повѣрья», Ирк., 1889, стр.

123; тангутскій вариантъ, записанный мною въ Амдо, еще не напечатанъ). Кастренъ приводитъ бурятскую легенду (Castren, Versuch ein. Burjätisch. Sprachlehre, S. Ptb., 1857, S. 235), которая сотвореніе міра приписываетъ Буха-ноёну. Буха Ноёан и его жена Вудан Чатап были первые люди, говорить легенда. Они захотѣли умножить родъ человѣческой и вырѣзывали человѣческія фигуры изъ бумаги. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о собакѣ, представленной сторожемъ къ фигурамъ и о чортѣ, покрывшемъ фигуры нечистотами. Шашковъ (Записки И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 32) указываетъ на легенду, помѣщенную въ «Сибирск. Вѣсти.» Спасскаго, 1822, ч. XIX, стр. 33) и записанную можетъ-быть у бурятъ, можетъ-быть у обурятившихся тунгусовъ; въ ней также творцомъ является Вуга (по-тунгусски buga, «небо»; Castren, Tung. Sprachlehre, 95); помощникъ и соперникъ Вуги называется Вунинка; Вунинка испортилъ у Вуги двѣнадцатиструнный гусли. Г. Логиновскій записалъ въ Нерчинскомъ окр. (ст. Рамахнинская) бурятское сказаніе: «Прежде была одна вода и только лягушка смотрѣла въ воду. Богъ перевернулъ лягушку брюхомъ къверху и на ней устроилъ вселенную. На каждой лапѣ онъ создалъ отдѣльный типъ (двина); на одной изъ лапъ онъ помѣстилъ Зампу-типъ (Джамбу-двина) и т. д. На пупѣ лягушки онъ воздвигъ гору Сумбурь-агула; на вершинѣ этой горы находится Полярная звѣзда, Алтань-гатагунъ». Отъ одного хангайскаго халхасца я записалъ (въ Гумбукѣ) показаніе, что Полярная звѣзда есть золотая маковка (сумунъ гальчжуръ) монастыря Намчжилъ-хансынъ, который стоитъ на вершинѣ Сумбурь-олы. Алтайскій Ульгенъ (у о. Ландышева) въ вышеуказанной статьѣ, стр. 7 имѣетъ постоянное пребываніе на горѣ Алтынъ-ту (золотая гора), которая съ неба навѣсилась надъ землею и до земли не достигаетъ только на человѣческое колѣно.

XI. *О потопѣ.* Г. Клеменъ доставилъ намъ слѣдующій разсказъ, записанный имъ отъ сагайца. Ной праведный отправился въ лѣсъ рубить сажень. Только принялся за работу, Богъ кричитъ ему: «Ной праведный! тебѣ не нужно рубить сажень, черезъ годъ будетъ потопъ; руби лѣсъ и дѣлай большой садъ (плотъ), только никому объ этомъ не сказывай!» Ной сталъ валить деревья и сталъ постоянно уходить въ лѣсъ, такъ какъ работы за сагомъ было много. Чортъ подсматривалъ въ лѣсу за работой Ноя праведнаго, но никакъ не могъ понять, что тотъ дѣлаетъ? Онъ отправился къ женѣ Ноя, когда послѣдняго не было дома и спросилъ: «гдѣ Ной?» Въ лѣсу, говорить жена. «Что онъ тамъ дѣлаетъ? Зачѣмъ такъ часто въ лѣсъ ѣздить?» Не знаю, говорить жена, должно быть дрова рубить. «Что-то ужъ больно часто?» спроси-ка его хорошенько, можетъ онъ такъ только сказываетъ, что въ

лѣсъ ходить, а самъ дѣлаетъ другое что! говорить чортъ. На Ноеву жену напало подозрѣніе и она стала мужа спрашивать, куда онъ ходитъ. Ной сначала ничего не сказалъ. Жена стала приставать къ нему. Ной сказалъ сначала, что Богъ не велѣлъ ему сказывать, что онъ дѣлаетъ. Жена не вѣривъ Ною, сердится на него, подсматривать стала за нимъ.

Ной видитъ—дѣлать нечего—и сказалъ женѣ, что скоро будетъ потопъ и Богъ велѣлъ ему строить большой сальъ и на немъ поставить весь свой скотъ и все свое семейство, но не велѣлъ ни кому сказывать, что скоро будетъ потопъ. Жена усложилась, Ной ушелъ на работу. Приходить чортъ и спрашиваетъ у Ноевой жены, знаетъ-ли она, куда ушелъ Ной.— Не знаю, говоритъ жена. «А я такъ знаю», говоритъ чортъ; «онъ худыми дѣлами занимается». Врешь ты,—отвѣчаетъ жена,—мой мужъ, Ной праведный, никакими худыми дѣлами не занимается; ему Богъ велѣлъ сальъ строить, потому что скоро потопъ будетъ.—Чортъ узналъ, что ему нужно и ушелъ изъ лѣсъ, но дождалъ, пока Ной ушелъ домой, и разбросалъ и перепортилъ всю его работу. Ной пришелъ на другой день въ лѣсъ и удивился, что вся работа испорчена, но принялся за дѣло съизнова. Однако все, что Ной успѣвалъ за день сдѣлать, чортъ портилъ ночью. Ной наконецъ не вытерпѣлъ и сказалъ Богу: Господи! теперь ужъ скоро потопъ будетъ, а я не могу окончить сала; зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ?—Богъ говоритъ: Это не я виноватъ, а ты! Я тебѣ не велѣлъ ни кому сказывать, что будетъ потопъ, а ты сказалъ женѣ, жена чорту, а чортъ всю твою работу портилъ всегда.—Какъ-же мнѣ быть теперь? спрашиваетъ Ной. Теперь ужъ поздно новый сальъ дѣлать. — Дѣлать нечего, я ужъ тебя спасу, говоритъ Богъ. Когда начнется потопъ, ты собери около себя весь скотъ и не бойся. Къ тебѣ подплыветъ желѣзный сальъ, ты на немъ и поставишь весь скотъ и всѣхъ звѣрей и дѣтей и жену.—Начался потопъ, стало все заливаться водой. Ноева жена испугалась, стала кричать: Ной праведный, гдѣ твой сальъ? видишь, мы всѣ потонемъ скоро!

Подплылъ вдругъ большой желѣзный сальъ. Ноева жена первая вскочила на него и сальъ началъ тонуть. Богъ закричалъ Ною: «Сведи свою жену съ сала! что она лѣзетъ впередъ всѣхъ? Стань сперва самъ на сальъ, а потомъ пусть она идетъ». Ной такъ и сдѣлалъ.

Послѣ потопа этотъ желѣзный сальъ остановился на какой-то горѣ. Одни говорятъ на Чжияланъ-Карагай, около Таштыпа, но тамъ его нѣтъ; другіе называютъ иныя горы, но доподлинно объ этомъ, какъ кажется, никто не знаетъ. Разсказъ записанъ со словъ Попилата Михайлова Орѣшкова на р. Нинѣ, сагайца второй половины Сагайскаго рода.

Присоединяемъ къ этому русскій разсказъ изъ Забайкалья. Богъ сказалъ Ною, что будетъ потопъ и велѣлъ строить ковчегъ. Ной удалился отъ своего семейства, чтобы никто не зналъ, что онъ дѣлаетъ ковчегъ. Три года онъ ходилъ строить его. Не только изъ его семейства ни кто не зналъ, куда онъ третій уже годъ ходитъ, но не зналъ этого и дьяволъ. Однажды дьяволъ обратился къ женѣ Ноя и говоритъ: «Спроси, пожалуйста, куда ходитъ твой мужъ и что онъ дѣлаетъ». Она сказала: «Я сама уже сколько времени спрашиваю его, но онъ не рассказываетъ». Тогда дьяволъ выдумалъ водку, сдѣлалъ ее, передалъ женѣ Ноя и говоритъ: «Вотъ какъ твой мужъ придетъ съ работы, тогда ты ему подай! Какъ только онъ выпьетъ, то все тебѣ расскажетъ». Жена такъ и сдѣлала. Когда пришелъ Ной, она подала ему; онъ выпилъ съ устатку и захотѣлъ еще; когда выпилъ вторую чарку, на душѣ у него повеселѣло. И вотъ какъ легли спать, жена и говоритъ: «Скажи, куда ты ходишь третій годъ?» «Богъ мнѣ сказалъ», говоритъ Ной, «что онъ наведетъ потопъ и велѣлъ мнѣ дѣлать ковчегъ, въ которомъ я могъ-бы спастись». На завтра приходитъ дьяволъ; жена Ноя передала ему все, что узнала. Тогда онъ подумалъ: «Какъ же мнѣ спастись въ ковчегѣ вмѣстѣ съ животными? Онъ меня не возьметъ. Такъ войти нельзя!» Наконецъ сказала женѣ Ноя, чтобы она, когда будетъ входить въ ковчегъ, стала-бы поправлять на ногѣ оборку обуви и оглянулась-бы назадъ; въ это время онъ будетъ тутъ и войдетъ за ней. Женщина такъ у сдѣлала; дьяволъ вошелъ въ ковчегъ и спасся. Не хотѣлъ войти въ ковчегъ мамонтъ; онъ надѣялся проплыть. Долго онъ плавалъ, наконецъ, когда потопило горы и лѣса, птицамъ не гдѣ было сидѣть, онѣ стали садиться ему на рога. Долго онъ еще плавалъ и съ птицами; наконецъ ихъ стало садиться все больше и больше, силы мамонту измѣнились и онъ, недоплававъ нѣсколькихъ дней, потонулъ (Запис. К. Д. Хогиновскимъ въ ст. Размахинной въ Забайк. обл.). Въ Нижегородской губ. существуетъ обычай при переходѣ въ новый домъ перевозить домового. Хозяйка дома беретъ лапотъ, привязываетъ къ нему бичевку и тащитъ лапотъ за бичевку, какъ санки, изъ стараго дома въ новый. При этомъ она не должна оглядываться назадъ. Лапотъ владется въ новомъ домѣ въ полночь подъ нечъ.

XV. *Рябчикъ*. Рябчикъ когда-то былъ самой большой птицей на свѣтѣ и вѣсилъ 12 пудовъ. Разъ Исусъ Христосъ вѣхалъ по тайгѣ на слонѣ, рябчикъ вспорхнулъ и испугалъ слона. Слонъ бросился въ чащу и такъ сильно песакалъ, что Исусъ Христосъ съ трудомъ удержалъ его. Не хорошо рябчику быть такимъ большимъ— рѣшилъ Исусъ Христосъ и велѣлъ мясу рябчика раздѣлить по всемъ птицамъ, отъ этого рябчикъ сталъ маленькій, а

у всякой птицы теперь есть хоть немного бѣлаго мяса. (Доставлено Д. А. Клеменцемъ, а ему сообщилъ А. В. Станкевичъ изъ Минусинска, слышавшій эту легенду отъ Качинскихъ татаръ).

LI. *Кость Икханаъ*. По видимому Марко Поло могъ подобный рассказъ подслушать въ сѣверной Монголии, къ которой онъ его и приурочиваетъ (Marco Polo by colonel Youl, vol. I, p. 484, 485), а не нужно думать, что онъ его слышалъ въ Персии или гдѣ-нибудь въ западной Азiи и произвольно перенесъ на сѣверъ Азiи. Ср. съ бурятскими легендами, помѣщенными въ статьѣ г. Хангалова «Загетъ-аба» (Извѣстiя Отдѣла, т. XIX, № 3, стр. 92). Юль указываетъ на варіантъ у Рашидъ-аддина; походъ предпринимаетъ Угузъ-ханъ (былъ царь); мудрый старикъ, дающій совѣты, названъ Bushi Khwaja.

Отъ покойнаго киргиза Мусы Ч. Чорманова (дяди Чокана Валиханова) я въ 1880 г. записалъ слѣдующую легенду, которую онъ вѣроятно вычиталъ въ мусульманской книгѣ: «У Гарунъ-аль-Рашида въ царствѣ былъ обычай: людей, достигшихъ 60-ти лѣтняго возраста, убивали. Одинъ сынъ вель своего отца на лобное мѣсто, гдѣ по обычаю убивали отцовъ. Оба устали и отецъ, присѣвъ на камень, разсѣялся. Сынъ спросилъ отца, о чемъ онъ смѣется; существуетъ пословица: не спрашивай плачущаго, спроси смѣющагося. Отецъ сказалъ: «Я этой-же дорогой вель своего отца на смерть, у этого самаго камня оба мы устали и вотъ также, какъ я, мой отецъ присѣлъ на камень отдохнуть; я не думалъ тогда, что шестьдесятъ лѣтъ подойдутъ ко мнѣ такъ скоро. Вотъ надъ чѣмъ я улыбнулся. Скоро и тебя твой сынъ подобнымъ образомъ поведетъ на смерть». Сынъ сказалъ: «Такъ не будетъ этого!» Увелъ отца назадъ, спряталъ его и содержалъ двадцать лѣтъ въ тайнѣ отъ народа и властей. Гарунъ-аль-Рашидъ захотѣлъ достать живой воды «мянги су»*) и, сдѣлавъ нарядъ людямъ, велѣлъ дѣлать сборы. Спрятанный старикъ, услышавъ суетлоку и шумъ на улицахъ, спросилъ сына: «Что такое?» Тотъ объяснилъ. Тогда отецъ сказалъ: «Напрасно онъ подлагаетъ, что «живую воду» легко достать. Пусть и не думаетъ! Вода находится въ темномъ мѣстѣ, гдѣ не бываетъ никогда свѣта. Чтобы достичь туда, нужно пересѣчь безводную степь». Сынъ сказалъ, что и ему вельно собираться и что онъ не можетъ не исполнять ханской воли. Тогда старикъ говоритъ: «Такъ возьми-же ты съ собой трехъ быковъ». Шли сорокъ дней по безводному пространству; весь запасъ воды вышелъ; народъ въ отчаяніи; люди плачутъ, просятъ другъ друга, кто выйдетъ домой живой, отнести послѣднее привѣтствіе оставшемуся семейству. Старикъ, котораго сынъ везъ съ

*) По видимому съ монгольскаго: мунко-усунъ, «вѣчная вода» т. е. живая вода русскихъ сказокъ и повѣрій.

собой въ ящикъ, говорить сыну: «Отпусти теперь быковъ!» Быки начали нюхать землю и въ одномъ мѣстѣ стали рыть ее рылами. «Скажи начальнику, чтобъ велѣлъ рыть тутъ!» Начали рыть и нашли воду, взяли запасъ и дошли до темнаго мѣста. Здѣсь всѣ начали нагружать воду въ сосуды. Старикъ учить сына: «Не всякая вода «живая». Бросай въ воду мертвую рыбу! Тотъ только источникъ съ «живой водой», въ которомъ рыба оживаетъ». Сынъ такъ и сдѣлалъ. Потомъ былъ слышенъ голосъ, когда брали воду: «Берите камней больше! Кто возьметъ, тотъ пожалѣетъ! Кто не возьметъ, тотъ еще болѣе пожалѣетъ!» Кто взялъ одинъ камень на пробу, кто вовсе не взялъ. Сынъ старика по совѣту отца взялъ цѣлый мѣшокъ. Когда возвратились, у всѣхъ камни стали золотомъ. Сынъ старика отнесъ свой мѣшокъ Гарунъ-аль-Рашиду. Потомъ Гарунъ-аль-Рашидъ говоритъ, нужно воду испробовать. Стали бросать въ нее мертвую рыбу; только вода сына старика оказалась оживляющею. Эту воду въ ведрѣ повѣсили на сосну. Въ это время бѣжалъ одинъ голый человѣкъ, котораго, клоня, гнали сорока и ворона. Поймали его и привели къ хану. Кто ты? спрашиваетъ ханъ. «Я Алимбетъ-ханъ; живу тысячу лѣтъ, не могу умереть, потому что я досталъ «живой воды» и выпилъ. Такъ какъ ея было мало, если-бъ дѣлить народу, на всѣхъ не хватило-бы, то я выпилъ одинъ. Одно поколѣнiе, другое и третье меня уважали, но потомъ прогнали и вотъ я скитаюсь. Не пей и ты «живой воды», если не хватитъ всему народу!» По этому Гарунъ-аль-Рашидъ и не пилъ ее. Ее выпилъ прилетѣвшiй ворона; вотъ почему онъ живетъ тысячу лѣтъ; съ его носа падали капли; отъ этого сосна не гниющее дерево; подъ сосной росъ арша (можжевельникъ); и онъ сталъ крѣпкимъ деревомъ. Выпили воды еще Казыръ и Ильясъ; оба они не умерли и до сихъ поръ. Казыръ и теперь является каждому человѣку три раза въ жизни, но только въ видѣ какого-нибудь хромаго или въ другомъ незрачномъ видѣ; въ своемъ-же видѣ не показывается ни кому, кромѣ людей святой жизни. Ильясъ помогаетъ страждущимъ отъ крушенiй на водѣ. Гдѣ онъ проходитъ, тамъ по слѣдамъ его трава зеленѣетъ. Ильясъ и Казыръ были двоюродные братья. Киргизы по незнанiю вмѣсто Казыръ произносятъ Кадыръ».

XLIII. *Булагатъ и Эхиритъ и ихъ потомки*. Въ Очеркахъ, IV, 823—825, помѣщено уже было извлеченiе изъ записи г. Хангалова, а также и другiе варианты. Эхиритъ во вновь печатаемомъ вариантѣ названъ сыномъ одной изъ трехъ дочерей Хурмуста-тэнгира; дочь Убиртыкъ-Хормозда упоминается въ сказкѣ мидусинскихъ татаръ о Кэрэкъ-Кирвэсъ-мэргэнъ (Оч., IV, 611), гдѣ также есть и эпизодъ о ловлѣ мальчика, живущаго въ озерѣ. Это сынъ оклеветанной жевщины, брошенный въ воду. По одному варианту (по-

мѣщенному въ «Путешествіи на Амуръ» Р. Маака, стр. 10 съ указаніемъ на «Сибирск. Вѣстн.», 1824, стр. 22), дѣти, сошедшія съ неба и ставшія предками бурятъ, выжорвлены дикою свиньей.

О Буха-ноинѣ въ Очеркахъ, IV, 264—298, 821—826; Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 2 и 3; Памятная книжка Иркутск. губ. 1881 г., стр. 165, 173, 181 и слѣд.; см. также въ статьѣ Черскаго: «Нѣкоторые примѣчанія къ опис. Вайкала К. Риттера» (Извѣстія Отдѣла, т. XII, № 4—5, стр. 65); у Шашкова въ статьѣ «Шаманство въ Сибири» (Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 34 и 43). Изъ названій горъ или утесовъ въ средней Азій, происходящихъ отъ быка или коровы, нѣкоторыя можетъ быть стояли въ связи съ легендой, подобной бурятской о Буха-ноинѣ. Въ южномъ Ордоосѣ на Желтой рѣкѣ между городами Нинь-ся и Цзинь-юань одна гора носитъ китайское названіе Ньютоушань (гора коровья голова) и монгольское Ухыр-ола (Корова-гора). Тутъ по рассказамъ есть двѣ скалы, какъ бы два рога, которые у монголовъ называются алтань-тугуль, «Золотой теленокъ». На картѣ Гилля, приложенной къ его путешествію въ Сычуань (The River of golden sand by capt. William Gill, Lond., 1880, vol I). въ долинѣ Мянъ-цзяна (Сунь-фанъ-хо) назначена гора Niou tou shan. Древніе китайскіе монахи-путешественники рассказываютъ о двухъ холмахъ близъ Хотана, которые назывались рогами быка. (Риттеръ, Землеводеніе Азій, Восточный Туркестанъ, русск. перев. Григорьева, в. 1, стр. 67 и слѣд.; Abel Remusat, Histoire de ville de Khotan, Paris, 1820, стр. 43). Около древняго Каракорума на Орхонѣ былъ перевозъ Хуху-буха. Тамъ рассказываютъ, что около Лассы есть быкъ-гора, которая каждый годъ начинаетъ двигаться по направленію къ городу, угрожая раздавить его, но движеніе ея всякій разъ прекращается вслѣдствіе совершенія особаго обряда. Въ легендахъ и сказаніяхъ средней Азій царь съ бычьей головой или съ рогами встрѣчается какъ у монголовъ и тибетцевъ, такъ и у китайцевъ. Съ этимъ образомъ по большей части соединена идея о гибели людей отъ смерти, о людоедствѣ, о пожираніи живыхъ людей, дѣтубійствѣ и проч. Въ китайскихъ сказкахъ такой царь, глотающій людей, называется Нью-тоу-ванъ («царь коровья голова»). Въ тибетскихъ сказаніяхъ это Ландарма, гонитель буддизма. Въ монгольскихъ сказкахъ Эрликъ, въ бурятскихъ Эрленъ, царь ада. (статуи Эрлика имѣютъ бычью голову). Другое представленіе связывается съ именемъ быкъ-царь въ тюркскихъ сказаніяхъ. Буха-ханъ уйгурскій (D'obsson, Hist. d. Mongols, I, 432), Угузь-ханъ (у Рашидъ-аддина) изображаются только славными, побѣдоносными царями, и указаній на враждебный характеръ царя нѣтъ. Но съ именемъ Угузь-ханъ чуть-ли не соединялась идея о кровожадности; на такое предположеніе можетъ навести сопоставленіе преданія о походѣ Угузь-хана въ страву мрака съ бурятскими сказаніями того-же рода.

Въ одномъ изъ вариантовъ, записанныхъ г. Пирожковымъ, дочь Тайжи-хана или Хунь-тайжия зачала отъ свѣта солнца, вошедшаго въ ея темную юрту; въ первомъ-же вариантѣ (стр. 95; также и въ Очеркахъ. IV, 266, вар. ж) она зачинаетъ отъ быка. Аланьгоа, дочь Харитая и мать Бодончара, зачала или отъ мѣсяца, который входилъ въ юрту въ видѣ мальчика, а выходилъ въ видѣ рыжей лысой собаки, или отъ человека золотистаго цвѣта, уходившаго желтымъ псомъ (Алтанъ-Тобчи, 5; Юаньчаомиши, 26).

Въ Памятной книгѣ Иркут. губ. за 1881 г. въ статьѣ: «О происхожденіи сѣверобайкальскихъ бурятъ» стр. 187 помѣщенъ вариантъ, записанный ширетуемъ Кырэнскаго дацана: Риченъ-ханъ свелъ любовную связь съ Буданъ-хатунъ, женою Элетскаго хана. Послѣдній, обладавшій силою превращеній, принялъ видъ пестраго порося (эрембухи) и пустился въ погоню, но Риченъ-ханъ, узнавъ объ этомъ, превратился въ голубаго порося (кхукхэбуха), посадилъ на себя Буданъ-хатунъ и благополучно прибыжалъ въ Тункиевскія степи, а что-бы задержать гнавшагося за нимъ Эрембуху, онъ на Урудойской гривѣ поставилъ своего двойника изъ камня. Эрембуха съ яростію бросился на мнимаго Буха-ноина и обломалъ о камень свои огромные рога. Риченъ-ханъ по мѣтвю неизвѣстнаго автора замѣтки взять изъ буддѣйской миеологии; это царь драгоценныхъ камней (рембучи-ханъ?). Далѣе авторъ сближаетъ бурятское сказаніе съ калмыцкимъ о Бо-ноенѣ или Бо-ханѣ, записаннымъ Палласомъ. Ябоганъ-мергенъ встрѣтилъ на охотѣ двѣ тугри, за какое-то преступленіе изгнанныю съ неба и женился на ней. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ походъ; въ его отсутствіе молодая жена вошла въ связь съ Бо-ханомъ (царемъ драконовъ). Женщина родила ребенка и спрятала его подъ деревомъ. Бо-ханъ (шаманъ-царь) посредствомъ шаманства узналъ о судьбѣ дитяти, взялъ его къ себѣ и выдалъ за дитя, ниспосланное на землю небомъ. Такъ канъ мальчикъ, обруженный густымъ туманомъ (буданъ), былъ отысканъ по крику совы (оли), летавшей надъ нимъ, то и получилъ имя Олинда-Буданъ; третье имя Цорось дано было ему за то, что онъ, лежа подъ деревомъ, сосалъ случайно попавшійся ему въ ротъ изогнутый сукъ (цорогъ).

Тотъ-же безымянный авторъ статьи: «О происхожденіи сѣверо-байкальскихъ бурятъ» еще рассказываетъ о Буха-ноинѣ слѣдующее: Когда буряты жили среди халхасцевъ, у нихъ появился голубой огромный порозъ, гроза халхаскихъ быковъ, хищныхъ звѣрей и воровъ; онъ былъ принятъ бурятами за хубилгана, за воплощеніе предка бурятовъ Буха-ноина. Когда буряты, оставивъ Монголію, перекочевали въ Тунку, Буха-ноинъ отсталъ отъ бурятскихъ стадъ; придя на пустое пепелище бурятовъ, обнюхавъ его, онъ жалобно замычалъ (мунмонъ) и пустился въ слѣдъ за бурятами, которые ушли черезъ Санагу. Тщетно халхаскіе наѣзники кричали *лунайлахо* (возбуди-

тельный и призывный крикъ) и старались воротить бѣглеца. Буха-ноинъ перебрался черезъ Саянъ по Уркудойской гривѣ (уркудойннѣ сардыкъ) и вышелъ въ Тунку. Вышедшіе въ Тунку буряты въ теченіи полугода оставались безъ Буха-ноина, хранителя ихъ стада. Въ одну ночь старуха, укачивавшая ребенка, слышитъ мычаніе и движеніе рогатаго скота; она, бросивъ люльку, выбѣжала изъ юрты и увидала Буха-ноина, окруженнаго улусными скотомъ, какъ царь своими подданными. Она закричала «хугайлахо» и весь улусъ выбѣжалъ изъ юрты.

Наконецъ онъ-же сообщаетъ третій вариантъ: За нѣскольکو сотъ лѣтъ назадъ у подошвы величественной горы Алтанъ-мундурга неизвѣстно откуда взялся богатырь Буха-ноинъ (князь-порозъ). Онъ имѣлъ женою красавицу Будангъ-хатунъ, дочь Элетскаго хана. Отъ нея онъ имѣлъ одного сына Булагана (булаганъ-соболь) или Булагата да еще усыновилъ ирѣмыша Экэри или Экэрита, найденнаго на берегу Байкала. У Булагата было два сына: Хори, иначе Хоритъ и Бурятъ, а у Экэрита восемь. Въ шаманскихъ гимнахъ о Булагатѣ сказано: «происшедшій изъ рывины голубаго быка» (кхукху бухайн бѣржюдүгхуногхо гараян; слово бѣржюдүгхуногху собственно не рывина, а вальбище, мѣсто, умятое, утоптанное катавшимися скотомъ). Въ честь Экэрита поютъ: «нашимъ рыба была его матерью, беретъ отцомъ, а почетнымъ названіемъ Эркитъ» (гутаръ экхэтэй эрки эсхэтэй Эржит соло-той). Известковый утесъ въ тункинскихъ горахъ противъ Торсовой степной думы, принимаемый за каменное изваніе Буха-ноина, назыв. Буха-ноиней гходаль; у русскихъ Вычъя гора. Окрестности ея носятъ названіе Улукгуй, «колыбель» (т. е. колыбель бурятскаго народа).

По другимъ показаніямъ, говоритъ тотъ-же авторъ, у Экэрита было шесть сыновей. Такія-же противорѣчія и относительно Буханойна; одни говорятъ, что у него было три сына: Булагатъ, Хоридой и Экэритъ; другіе-же считаютъ Булагата единственнымъ сыномъ Буха-ноина, Экэрита найденнымъ, а Хоридоя—сыномъ Булагата (174).

Легенду о шаманѣ Асуханъ авторъ статьи «О происхожденіи сѣв.-байк. буряты» передаетъ въ такомъ видѣ: У подошвы Алтанъ-Мундурга жили восемнадцать человѣкъ племени Атагатъ и двадцать восемь племени Хатагитъ; съ ними жила шаманка Асойханъ-удаганъ; она была дакини, богиня, летающая по воздуху. Она была бездѣтна и молилась Дюмъ-дзаячию о дарованіи ей дѣтей. Однажды два табунщика прискакали и рассказали, что они видѣли, какъ при ясномъ небѣ забушевалъ югосападный уголъ Байкала и изъ образовавшейся бѣлоснѣжной пѣны вышли три мальчика (хубилгана), причемъ съ неба раздался голосъ: да наслаждаются долголетствіемъ, здоровьемъ и богатствомъ Булагатъ, Хоридой и Экэритъ. Когда мальчики вышли на берегъ, около нихъ очутились два вола: голубой и пестрый. Во-

лы, обнявше мальчиковъ, легли подлѣ нихъ на правый бокъ, и Будагаты стали сосать (пупокъ) голубаго порога, а Хоридой и Экэричь пестраго. Асойханъ усыновила этихъ дѣтей. После смерти Асойханъ, когда братья были уже взрослыми, Будагаты и Экэричь порѣшили разойтись и жениться, а имущество раздѣлить. Раздѣливъ имущество на три части, они стали ждать отсутствовавшаго Хоридоя. Но Хоридой обидѣлся, что раздѣлъ и рѣшеніе сдѣланы безъ его совѣта. «Такъ возьмите и мою долю!» сказалъ онъ. Выстъ съ этими словами онъ оттолкнулъ выдѣленную ему долю разныхъ звѣриныхъ шкуръ (см. Очерки, IV, 827) и, окинувъ глазами горы, произнесъ: «Прощай золотая Мундурга» (жѣнду алтан мунгурга) и ушелъ на островъ Ойхой. Тамъ онъ охотился за дикими гусями, утками и другими птицами. Однажды онъ лежалъ не въ дальнемъ разстояніи отъ моря; прилетѣлъ бѣлый лебедь (хонгъ), и превратился въ дѣву тэгрія, которая сняла одежду и стала купаться въ морѣ. Хоридой укралъ ея одежду и заставилъ дѣву выйти за него замужъ.

XLV. *Преданія о Гэмэлъ-хубактѣ и Сухэръ-нонгѣ.* См. Вуртскія сказки въ Запискахъ Отдѣла по этн., т. I, вып. I, 135: шаманъ названъ Онхоль-зариячъ; мѣсто его пребыванія Уляха. Рассказъ о шаманѣ ср. съ рассказомъ у Рашидъ-аддина (ст. г. Березина «Нашествіе Вятки на Россію» въ Журн. Мин. Нар. Пр., LXXXVI, (1855), стр. 92—95) о Бочманѣ, разбойникѣ, жившемъ на островѣ Волги (чудесный переходъ по сухому дну волжской протоки) и съ рассказомъ въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27) о Шудургу-ханѣ, котораго Чингисъ-ханъ хотѣлъ убить, стрѣляетъ въ него, рубить его саблей, но убить не можетъ до тѣхъ поръ, пока самъ Шудургу-ханъ не научилъ его взять веревку, находящуюся въ подошвѣ его сапога и удавить его. Противъ теченія плыветъ не трупъ Шудургу-хана, какъ-бы слѣдовало для параллельности, а трупъ его жены; надъ трупомъ насыпаютъ холмъ, который называется Темиръ-олху. Шудургу-ханъ вохвъ; онъ можетъ превращаться въ змѣя, въ птицу гаруди и барса.

Въ «Матеріалахъ» Агапитова и Хангалова о Гуртэ-зариячъ сказано, что онъ считается «виномъ», духомъ-покровителемъ истока Ангары, и что онъ сдѣлалъ бѣлый каменный мостъ (Иван. Отд. т. XIV, М. № 1—2, стр. 12).

XLVII. *Хоридой-морюнгъ.* Три дочери неба встрѣчаются также въ легендѣ о Эхиритѣ; одна изъ нихъ мать Эхирита (см. выше стр. 98).

Хобоши-хатунъ можетъ-быть сблизяема съ якутскою Хубай-хатунъ, «лебеди-женой», женой якутскаго Аръ-тоена.

Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 5) отецъ Аланъ-Гуа вмѣсто Харитая, какъ у Санант-саэна, названъ хоритунатскимъ Суралтай-мѣрганомъ. Въ Юаньчао-миши (Труды Пек. дух. мисси, IV, 24) онъ называется Хорилартай-мѣрганъ; отделившись отъ сородичей, онъ составилъ особую фамилію Хоршаръ.

Въ якутской сказкѣ Эряйдяхъ-Бурейдяхъ-Ерь-Соготохъ описывается, какъ первый человекъ; явившись на свѣтъ, онъ задается вопросомъ, откуда и зачѣмъ онъ явился. Если-бы, говорить, я изъ земли вышелъ, то я вынесъ-бы земли на темені; если-бы съ неба спустился, то на ногахъ былъ-бы свѣтъ. Мучимый такимъ вопросомъ, онъ отправился въ путь отыскивать, не найдется-ли на землѣ кто-нибудь, кто-бы разрѣшилъ его вопросъ. Онъ дошелъ до дерева ардукъ-масть, которое вершиной проросло три неба. По вѣтвямъ этого дерева текла бѣлая жидкость юрюнгъ джилликей; питающіеся этой жидкостью благоденствуютъ. Стволъ дерева раскрылся и изъ образовавшейся трещины высунулась по поясъ женщина и сказала Эряйдяхъ-Бурейдяху, что онъ явился на землѣ по волѣ Юрдюкъ-Аи-тоена для того, чтобы стать родоначальникомъ людей. Затѣмъ она дала ему сосать свою грудь. (Запис. отъ якута; см. также Middendorff's Sibirische Reise, V. III, Th. 1, 79). У Миддендорфа ояъ сынъ Аръ-тоена; мать его Кибай-сютан.

XLIII. *Саганы и Барто*. Саганы встрѣчаются и въ № XLIII. Олоты не рѣдко являются въ монгольскихъ преданіяхъ, какъ насильники, разоряютъ храмы и монастыри, угрожаютъ податели Майдары употребить въ сѣдла на потники (Очерки, IV, 411). Спанваніе противниковъ и за тѣмъ избіеніе ихъ разсказывается якутами о якутскомъ богатырѣ Тыгынгъ (Очерки, IV, 625; Худяковъ, Якутскія сказки, Ирк., 1890, стр. 54; Привлоскій. «Матеріалы по этногр. якутовъ» въ «Изв.» Отдѣла, т. XVIII, стр. 16 и слѣд.).

Этотъ-же разсказъ вѣроятно явился въ слѣдующемъ видѣ въ статьѣ неизвѣстнаго автора: «О происхожденіи сѣверобайк. бурятъ» (Нам. кн. Ирк. г., 1881, стр. 175). Дѣтъ за двѣсти назадъ на рѣкѣ Ангарѣ явились въ большихъ лодкахъ какіе-то бѣлые люди (саган олот) съ огромными бородами, которые, владея оружіемъ, издававшимъ огненные звуки «бобо» и «туръ-туръ», перебили множество бурятъ, кочевавшихъ по Окѣ. Авторъ видитъ въ этихъ саганъ-олотахъ русскихъ. Но о пришествіи бѣлыхъ людей есть сказанія у амурскихъ инородцевъ и кажется даже у корейцевъ.

XLIX. *Поклонініи селенгинскихъ бурятъ*. Восемь сыновей Ихирита ср. съ восемью братьями Киреями у Рашидь-эдина. Нельзя-ли въ бурятскихъ Ихиритахъ видѣть лѣтописныхъ кирентовъ? кость Хирентъ есть въ Ордоѣ и

это имя часто произносится, какъ Хиритъ и даже Хритъ. Въ калмыцкихъ родословныхъ повидимому та-же кость подъ формою Кереть.

Л. *Первый шаманъ*. Въ «Матеріалахъ» Агапитова и Хангалова, стр. 52 Дѣбѣдой—кучеръ Эсэгъ-малана. У алтайцевъ первый шаманъ Тангара или Тангара (о. В. Вербицкій, Словарь алтайск. и аладиг. нарѣчій, Казань, 1887. стр. 75; о. Ландышевъ, «Космос. и еогон. алтайцевъ» въ Правосл. Собесѣд, 1886, мартъ). У якутовъ Агъ-Аргыль («Извѣстія» Отдѣла, т. XV, № 3—4, стр. 64). См. также Очерки, II, 157; IV, 68, 290—293, о шаманѣ Танцъ-Тирхинѣ, Тостогошѣ, Кадылбашѣ, Даинъ-Тарханѣ; въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла, т. XI, № 1 и 2, стр. 87 о шаманѣ Бохоли-хара и Моргонъ-хара; у Пашкова, «Шаманство» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 81 о шаманѣ Хара-Гургенѣ (вариантъ сказанія Моргонъ-хара). Имя Бурте въ № LII (стр. 125) связано съ темой объ отрубленной головѣ. Шаманъ Моргонъ-хара присужденъ Эсэгъ-маланомъ вѣчно плясать на одномъ мѣстѣ, пока не изотрется его тѣло; оно почти совсѣмъ уже истерлось и только пляшетъ еще одно темя шамана. Не относились-ли эти темы также къ шаману Гуртѣ-зарину? Доставленіе отрубленной головы рассказывается въ № I, стр. 27 и 28, въ сказаніи о Гесерѣ (головы семи тархановъ); въ алтайскомъ сказаніи о Даинъ-Тарханѣ (Оч., IV, 291). Ср. эту тему со сказками о богатырѣ, доставляющемъ птицу Ханъ-Гаридѣ (Ханъ-Кереде, Ханъ-хурдѣ) или ея пера, крыла, шкуры и пр.

LII. *Буртѣ-убуцунъ*. У Рашидъ-эдина (I, 75) меркитскій царь Тохту-бияки убитъ въ войнѣ съ Чингисъ-халомъ; сыновья Тохту-бияки, не имѣя возможности поднять тѣло отца, взяли голову его и уши.

LV. *Преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адалъ съ прочимъ народомъ*. См. Бурятскія сказки, собр. Хангаловымъ и др. (Зап. В.-с. Отдѣла по этногр., т. I, в. 1, стр. 131—140). Бахакъ, лицо существовавшее въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ памятника, напечатаннаго въ выше указанномъ выпускѣ «Записокъ» Отдѣла. Какое имя вытѣснена изъ легенды именемъ историческимъ? Назывался-ли царскій тушемюль и въ легендѣ именемъ Бахакъ или носилъ другое имя? Если въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ Аларя, откроются варианты съ тѣмъ-же именемъ, это будетъ говорить въ пользу перваго предположенія.

Отсѣченіе большого назъда въ легендахъ, записанныхъ мною въ Монголіи и еще не напечатанныхъ, приписывается богатырю Эрхѣ-мэргэну (см.

выше стр. 79 № XX); въ этихъ легендахъ отсѣченіе пальца также представляется въ видѣ кары (за безпощадное истребленіе звѣрей или за хвостовство). По другому варианту Эрха-мэргэнъ стрѣлялъ по лишнимъ солнцамъ, которыхъ было четыре и отъ которыхъ на землѣ было не выносимо жарко; три солнца ему удалось сшибить съ неба въ море. Ср. съ повѣрьями киргизъ и монголовъ о связи Плеядъ съ жарой и морозомъ (Оч., IV, 203, 204). Легенды объ Эрха-мэргэнѣ не представляютъ ли варианты объ охотѣ за тремя изюбрями, т. е. за тремя звѣздами Ориона (ср. Оч., I, 124; IV, 204), и подъ именемъ Эрха-мэргана не скрывается ли созвѣдіе Плеяды, которое на тюркскихъ нарѣчіяхъ носитъ имена: Уркѡръ, Ургяль (Оч., IV, 729)?— Въ сказаніе о Бахакѣ вставленъ эпизодъ, встрѣчающійся въ алтайскихъ и киргизскихъ сказкахъ объ Еренъ-чеченѣ или Джиренше-шешенѣ (Radloff, Prob., I, 197 и IV, 201), который ищетъ своему сыну мудрую жену. Одна встрѣченная дѣвица обращаетъ его вниманіе на себя своими иносказательными отвѣтами; подобные-же отвѣты находимъ въ бурятской сказкѣ о трехъ Гургудайевыхъ мудрецахъ (Гургудайин сысын), помѣщенной въ «Запискахъ» Отдѣла по этн. т. I, вын. 1, 102. Гургудай какая-то птичка; въ монгольскихъ пѣсняхъ и сказкахъ встрѣчается алтынъ-гургултай, «Золотой гургудай». Отъ одного халхасца изъ съверозап. Монголіи (изъ хошуна Талжи-урянхай) я записалъ сказку о богатырѣ, который назывался Иринъ-сайянь-гургултай (не напечатана).

Тема о мудрецѣ или о мудромъ царскомъ совѣтникѣ въ тюркско-монгольскихъ легендахъ введена въ эпосъ о ежѣ, который по-монгольски называется цзара (дзара), по-бурятски заря. Легенды о мудромъ ежѣ Заря-Ахварга или Заря напечатаны въ «Матеріалахъ» Агапитова и Хангалова, а также въ выпускѣ «Бурятскихъ сказокъ» («Извѣстія» Отдѣла, т. XIV, №№ 1—2, стр. 21, 22 и Записки по этн., т. I, в. 1, стр. 130). Зарѣ приписывается открытіе огня, укрощеніе животныхъ и установленіе брачныхъ обычаевъ. До Зари дѣвица, вступающая въ половой союзъ, оставалась въ домѣ родителей; Заря установилъ обычай отвоза невѣсты въ домъ жениха. Эти легенды о Зарѣ поддерживаютъ высказанную нами въ Очеркахъ, IV, 803 догадку, что въ средней Азіи существовалъ обычай, отвозить жениха въ домъ родителей невѣсты, гдѣ онъ долженъ былъ нѣкоторое время служить работникомъ прежде, чѣмъ взять невѣсту въ свой домъ. Еще лучшимъ подтвержденіемъ этой догадки служатъ прямые указанія на существованіе подобнаго обычая, которыхъ мы нашли относительно Ухуаней въ книгѣ о. Тоакіида, «Собраніе свѣденій о народахъ Средн. Азіи» (ч. 1, стр. 152); такой обычай указывается и относительно Кыданей у Васильева, Истор. и древн. востока (стр. 203 и 204). Наша догадка была высказана по поводу одного мѣста въ сказаніи о Чингисѣ; Әсугай поѣхалъ сватать невѣсту для своего сына Чингиса, встрѣ-

тилъ Дай-свѣна, высватать его дочь, отвезъ сына къ Дай-свѣну и оставилъ его у него жить. Эсэгэ-Малань-тэвгри женилъ своего сына и отвезъ по этому случаю къ невѣстѣ, но сынъ убѣжалъ и каждый разъ, когда отецъ отвозилъ его, онъ убѣгалъ отъ своей невѣсты. Заря посоветовалъ невѣсту отвезти въ домъ жениха; съ той поры установился обычай невѣсту отвозить въ домъ жениха, а не наоборотъ. Сопоставленіе монгольскаго сказанія съ бурятскими наводитъ на мысль, что лѣтописный разсказъ о женитьбѣ Чингиса заимствованъ лѣтописцемъ изъ тюркомонгольскаго животнаго эпоса. Подъ Эсугемъ лѣтописи повидимому явился бурятскій Эсэгэ-малань. Въ алтайскихъ сказаніяхъ бурятскому Зарь-Адааргъ соответствуетъ Яра-чечень (статья Ландышева: «Космогонія и есегонія алтайцевъ язычниковъ» въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1886, мартъ, стр. 19). Яра-чечень былъ оскорбленъ дѣвцами, которыя осмѣяли его наружность; онъ осудилъ ихъ на жизнь въ чужихъ семьяхъ. Съ этого времени у дѣвицъ умъ и сердце изменились, онѣ стали выходить замужъ и отходить отъ родителей, а прежде все жили вмѣстѣ и плодились, какъ бессмысленные скоты, не разбирая ни какого родства и не зная законовъ супружества. Алтайское сказаніе приписываетъ Яра-чечену также установленіе срока человеческой жизни, т. е. введеніе смерти; до него люди были бессмертны.

Эти черты ханскаго совѣтника и уставщика обычаевъ напоминаютъ Иркыла у Рашидъ-эддина (перев. Березина, I, 23, 24), который былъ наѣстникомъ Угузь-хана (быка-царя) и установилъ впервые раздѣленіе народа на кости или поколѣнія, почитаніе огоньковъ и старшинство въ частяхъ мяса.—Иносказательный разговоръ трехъ Гургулдаевыхъ сыновей («Бурят. сказанія и повѣрья», стр. 102) съ женщиной по видимому недосказанный эпизодъ о поискахъ невѣсты, а въ прежнемъ своемъ видѣ имѣлъ вѣроятно сходство съ алтайскими и киргизскими сказками о Ерень-чеченѣ или Джиренше-пешенѣ. Вѣроятно это были послы отъ царя, отправленные искать для него невѣсту.

Въ алтайскихъ и киргизскихъ сказкахъ мудростью отличается не столько самъ Ерень-чечень или Джиренше-пешень, сколько его будущая невѣста. Можетъ-быть въ нѣкоторыхъ вариантахъ къ ней-то и относилось это имя, съ которымъ соединена идея мудрости. Въ бурятскихъ сказаніяхъ сынъ Эсэгэ-малана былъ Вуха-нопъ (буха «быкъ»), а его жена въ нѣкоторыхъ народныхъ стихахъ называется: Юрюнь-хатунъ-эддя и Шеше-хатунъ-нби (шеше по тюркски «мать»; см. Очерки, IV, 264; Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 11); такимъ образомъ въ имени невѣсты Эсэгэ-малана встречаемъ члены: юрюнь и шеше.

Формы Ерень, Джиренше, Яра ср. съ ерень, какой-то шаманскій терминъ, который мнѣ доводилось слышать отъ урянхайцевъ въ долинѣ Улу-

хемя и Ха-хемя. Этимъ именемъ называется наприм. плащъ шамана (Очерк., IV, 50), а также огонь изъ зайца (Оч., IV, 94); этимъ-же именемъ назывался какой-то древній шаманъ (Оч., IV, 95). Ср. бурятское *варинъ*, дархатское *дзаеранъ*, «шаманъ» (Оч., IV, 104). Не откроются-ли урянхайскія преданія о Еренѣ, какъ о первомъ шаманѣ? «Матеріалы» Агапитова и Хангалова говорятъ, что бурятскій шаманъ во время посвященія его въ шамаанъ призываетъ имя древняго шамана Ергиль-буга-ноина (стр. 22, 51); якуты называютъ первымъ шаманомъ Анъ-Аргыла («Изв». Отдѣла, т. XV, №№ 3—4, стр. 64); тема, которая связана съ этимъ именемъ, распаденіе шамана на части, которыя ускользаютъ отъ задуманнаго богомъ уничтоженія, совпадаетъ съ монгольскими разсказами о Плеядахъ (Оч., IV, 203 и сл.), которыя по-якутски называются Ургиль, Юргяль. Рашидъ-аддинъ (перев. Березина, I, 52) упоминаетъ шамана Будуй-Джиркыла, котораго Березинъ сопоставляетъ съ вышеупомянутымъ мудрецомъ Иркыломъ.

LVI. *Преданія о валь Чингисъ-хана.* Начало сказанія т. е. разсказъ о болѣзни Чингисъ-хана, можетъ-быть версія сказанія объ ограбленіи святыни, наказанномъ насланною болѣзною. Иначе развитъ разсказъ объ ограбленіи монастыря Эрдени-цзу на Орхонѣ. Грабитель (олетскій Галданъ) испуганъ грознымъ движеніемъ статуи бога и обращается въ бѣгство со всѣмъ своимъ войскомъ, которое тонетъ въ поднявшихся водахъ рѣки Орхона. Эта тема въ первый разъ встрѣчается связанною съ именемъ Чингисъ-хана. Легенду объ Эрдени-цзу см. въ Оч., IV, 410.

Вторая половина сказанія есть разсказъ о походѣ Чингисъ-хана къ Солонгосамъ (Алтакъ-Тобчи, стр. 18). Солонгосскій ханъ превратился въ Солнечнаго царя. Стрѣлокъ и старуха перенесены въ этотъ разсказъ изъ другаго разсказа, о походѣ Чингиса къ тангутскому царю Шудургу (ibid., стр. 25).

Г. Потанинъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

СОКРАЩЕНИЯ: г. гора, зв. звѣзда, лош. лошадь, мѣстн. мѣстность, пок. поколѣ-
нiе, пт. птица, созв. созвѣздiе.

- Абагануцъ пок. 118—120.
Абагачулъ пок. 120.
Абагутъ пок. 120.
Абай-Гесыръ 21, 25, 26, 28.
Абайхани-Алтанъ-Дерганъ 21.
Абарга, вмѣя 30.
Абаше 107.
Абгать пок. 119.
Абогавать пок. 118.
Агуй-Шарга лош. 1, 11, 12, 15.
Адай 129, 130, 150.
Ада-хулагана 56.
Алагуй, Алгуй 93, 100, 103, 106.
Алашь-гоа 146, 149.
Алтай г. 2.
Алтанъ-Мундурга 147, 148.
Алтанъ-Шагай 1—25, 133, 135.
Алтынъ-ту г. 140.
Алцохта пок. 119.
Авзанъ-Шумерь 21, 22, 26.
Анъ-Аргылъ 150, 153.
Арга'анъ 107.
Арбатанъ пок. 119, 120.
Аргануцъ пок. 89.
Алтанъ-Дерганъ, Алтанъ-тергенъ 21,
25, 134.
Алтанъ-гагасунъ зв. 140.
Аръ-госенъ 148, 149.
Арынъ-Сагапъ-ханъ 48.
Аржэ-Буржэ-ханъ 48.
Асойханъ, Асуханъ 95—99, 119, 147,
148.
Атаганъ пок. 118.
Атагутъ пок. 95.
Ашаабгадь 106.
Ашахай пок. 89.
Ашекавадь, Ашебогать, Ашехавать
100, 107, 118, 119.
Ашита пок. 89.
Аю-ханъ 99.
Бабай-хорамчѣвскiй родъ 120.
Багай-Бавня-Нюдарга 19, 21, 22.
Байдадь пок. 119.
Бавня-Мунгэй 8, 11, 13—15, 17.
Бавня-ханъ 30, 32, 34, 35, 36.
Баргай 89, 90.
Баргать пок. 88.
Барга-баторъ, Барго-б. 93, 112, 113.
Барто 117, 118.
Барханъ, г. 93.
Барунъ-тынгрэ 122.
Батакъ 137—139.
Батнай пок. 120.
Баторъ-Сокто 22—28, 134.
Батотъ пок. 118—120.
Батыръ-муусъ 134.
Вахалъ 126—130, 150.
Баянъ-цумбуръ 134.
Ваянда пок. 92.
Бодончаръ 146.
Бодорхонъ пок. 89.
Боенда 104.
Болдой пок. 89.
Болотъ 107.
Боржинъ-далха 100.
Вото 107.
Боханъ 146.
Бѣхѣдь 107.
Вохоли-хара 150.
Вочманъ 148.
Бошинъ пок. 119.
Воянъ пок. 118, 119.
Буга 140.
Буданъ-хатунъ 146.
Будуй-Джиркылъ 152.
Бузагать пок. 88.
Бузганъ 99.
Бука-ханъ 145.
Булаганъ-хара, Булганъ-хара 99, 102,
103, 106, 147.
Булагать, Булгать 93—98, 106, 107,
118, 119, 144, 147, 148.
Булагать пок. 96, 117.
Булакъ-саганъ-бумаль 100.
Булбуй пок. 119.
Булгата, сингонъ 124.
Будутъ пок. 88, 107.
Бумаль-Готоль 93.
Бумаль-Саганъ 100.

Бунинка 140.
 Бурто, собака 122.
 Барта-убугунъ 125, 150.
 Бурутханъ пок. 90.
 Бурьхи-заринъ 124.
 Бурядай 119.
 Буряць 93, 147.
 Буряць-Алагуй пок. 119.
 Буумаль 107.
 Буха-нойнъ-бабай 94, 96, 97, 140, 145,
 146, 147, 152.
 Буца-заринъ 124.
 Бушикта-ханъ 91, 126—128.
 Вырбэханъ 89, 90.
 Вазь-баторъ 41.
 Галданъ 91, 153.
 Галдеотъ пок. 118, 119.
 Гароди пл. 74, 75.
 Гарунъ-аль-Рашидъ 143, 144.
 Голохонъ 103, 106.
 Готолъ 92—94, 103, 104, 106, 107.
 Готулъ пок. 119.
 Гуви пок. 120.
 Гунушь, степь 11.
 Гувинъ-Саганъ 22.
 Гургудай 151, 152.
 Гуртэ-зорванъ 110, 111, 150.
 Гуръ-буряць 112, 113.
 Гурэ 18.
 Гхагаль, Гхаганъ 21.
 Гхань-нойтъ, пок. 89.
 Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи 6, 8, 11, 12,
 14, 16, 17, 135.
 Гырыль Саганъ 21, 22.
 Геганъ-Саганъ 21.
 Гэнанъ-худакта 108, 109, 147.
 Гэсаръ 134, 150.
 Дабши, пок. 119.
 Давнъ-Тарханъ 150.
 Дай-свченъ 152.
 Далай-Харанутъ, пок. 119.
 Дарвинъ, горн. проходъ 48, 130.
 Дебёдой 150.
 Дегерувъ-хунъ-тайжи 135.
 Джеты-Каражне 137.
 Джиренше-шешенъ 151, 152.
 Догёлой 122, 123.
 Долонъ-убугутъ, соав. 61.
 Дунушь, степь 11.
 Дурбатъ, пок. 118.
 Дуртувь, пок. 89.
 Дылдэгыръ 18.
 Енгутъ 107, 129, 130.
 Енгутъ-бумаль, пок. 119.
 Ергиль-бута 153.
 Ерэнъ-чеченъ 151, 152.
 Еркикъ см. Эрлинъ.
 Жоргодой 10, 13, 20, 21, 22, 134.

Жорговтэйши-эрхата-Жоргодой 20,
 134.
 Жортогоръ 18.
 Запхи 100.
 Заря-Адзарга 151.
 Золотъ, пок. 88.
 Зонхе 103.
 Зуга, мѣстн. 118.
 Зуксандба, пок. 120.
 Икинать, пок. 91, 118, 143.
 Ирянъ-сайтъ 133, 151.
 Ирвилъ 152, 153.
 Ихирить 93, 119, 150. См. Эжирить.
 Илюдаръ-турганъ 112.
 Плясъ 144.
 Иракыль 139.
 Ирэнъ-тарбажи 135.
 Иангара 150.
 Кадмылбанъ 150.
 Кадыръ, Казыръ 144.
 Кереть, пок. 150.
 Киданъ, народъ 151.
 Кирить, пок. 120.
 Козу-Курпешъ 133.
 Кольтанъ, ключъ 131.
 Кондуй, мѣстн. 130—132.
 Кульменгэ 107.
 Куркутъ, пок. 119.
 Кхирить пок. 118.
 Кхуйдъ, пок. 118.
 Кхулмонъ, пок. 118.
 Кхукхытъ, пок. 118, 120.
 Кхукхытъ-бумаль, пок. 119.
 Кхутугытъ, пок. 120.
 Кэрэкъ-Кирвэсъ 144.
 Ландарма 145.
 Лобсогэдой 21, 22, 25, 26.
 Лусушь-ханъ 51.
 Мадари, Майдари 67, 68, 137, 139, 149.
 Манзанъ-шара, лукъ 27.
 Манхамотъ, пок. 88.
 Маса-богдо 38, 39.
 Медвёдоца, соав. 61, 137.
 Майсъ-хара 26, 27, 28, 134.
 Монголь, пок. 119.
 Мундобэ 103.
 Моргонъ-хара 150.
 Морой, пок. 119.
 Му-нойтъ, пок. 89.
 Муръ 107.
 Маргынъ-Дэгэ 21.
 Нагада 21.
 Намчжиль-хансынъ 140.
 Ногай 134.
 Ногонъ-пуранда 107.

- Ноговь-соё 2, 134.
 Ноговь-толё 1, 3, 7, 13, 17.
 Ноёвь-бура 107.
 Ноётъ, пок. 89, 107.
 Ной 140—142.
 Ньютоуванъ 145.
 Ньютоушанъ, г. 145.

 Оббговъ 88, 107.
 Ойрадъ, народъ 120.
 Ойхонъ, островъ 148.
 Оизо 107.
 Олзонъ, Олъзонъ, пок. 92, 93, 104.
 Олинда-буданъ 148.
 Олётъ, Олютъ, народъ 36, 88, 108,
 117, 149.
 Олцзонъ, пок. 118.
 Олъаой 111.
 Онго 88, 107.
 Онготъ, пок. 119.
 Онхолъ 148.
 Онхотъ, пок. 118, 120.
 Онхотой 107.
 Оріонъ, созв. 151.
 Отонхой, пок. 120.

 Пекинъ, городъ 131.
 Пляиды, созв. 134, 151, 153; сынъ
 ихъ 21.
 Полярная звѣзда 140.

 Ричень-ханъ 146.
 Рхстой, Рхыстай 139.

 Саггя 100, 107.
 Садамтынъ-саганъ, оз. 115.
 Сайнъ-ханъ 91, 126—130.
 Салцзонъ, пок. 118.
 Сартогоя, пок. 120.
 Сартога, Сартуль, пок. 89, 118, 120.
 Сахиръ 92.
 Сенбилъ 139.
 Сибирь 135.
 Сибаръ, собака 103.
 Сойсу, пок. 119.
 Сокто-Сумбырь, гора 9, 23, 25, 134.
 Солбонъ, зв. 122.
 Соломонъ 33, 35
 Солонгосъ 153.
 Солонгутъ, народъ 120.
 Солданъ 137—139.
 Сомболъ 65.—67.
 Сонгонъ, пок. 107.
 Сохеръ 104.
 Субуръ-хаирханъ 134.
 Сумбурь, Сумбырь, гора 7, 9, 23,
 25, 140.
 Сумерь-ола 134.
 Сунуть, пок. 119.
 Суралтай 149.

 Сухаръ-ноенъ 108, 110—112, 148.
 Сынгалдаръ-чино 118.
 Сынхихэнъ, пок. 119.
 Сырынъ-Галданъ 44, 46—48.
 Сыхиръ 92.
 Сэгэнги, народъ 104.
 Сэгэнде 117, 118.
 Сэгэнгутъ, пок. 88.
 Сэгэви, народъ 104, 149.
 Сэрэнъ-Галда 36—40, 43.
 Сехеръ 104.

 Табангутъ, пок. 120.
 Табяхинъ, пок. 89.
 Табянь-табянь-тэнгря 100.
 Тадъ, пл. 27.
 Тайжи-ханъ 94, 95, 146.
 Тайнъ-тирхинъ 150.
 Тайчжи, пок. 119.
 Такла-моргонъ, Такши 97, 107.
 Тангара 150.
 Таньиръ 18.
 Тасъ-хара 137.
 Темиръ-Олху 148.
 Тенхетъ, гора 101.
 Тоглоръ, Тогловъ, Туглогъ 99, 103,
 106, 107.
 Тогто 104.
 Токто 92.
 Токчинъ, пок. 120.
 Тостогонъ 149.
 Тохту 134, 150.
 Туглогъ см. Тоглоръ.
 Тудъ 103, 104, 106.
 Туралекъ, пок. 89.
 Тургонъ 103, 104 106.
 Тыгынъ 134, 149.
 Төлөгунъ, пок. 119.
 Темэнъ-холой 122.
 Тэртъ, пок. 119.
 Тэтхэнъ 103, 104.

 Убиртыхъ-Хормоадъ 144.
 Угузъ-ханъ 145, 152.
 Узень, пок. 120.
 Укинъ, ключъ 121.
 Укиръ-Хонтогоръ 121.
 Улабать, пок. 88.
 Улагай 107.
 Улуггуй, мѣст. 147.
 Ульгенъ 139, 140.
 Улаха, мѣстн. 148.
 Унагамъ-шаргай, лош. 126.
 Унтъ-Тархи 1, 8, 19.
 Уракхай, Урялхай, пок. 89, 118, 119,
 120.
 Ургидъ, созв. 134, 151, 153.
 Урхоръ, созв. 151.
 Урлютъ, пок. 119, 120.
 Уруленгуй, мѣстн. 131.

- Ухуань, народъ 151.
Ухыр-ола, г. 145.
- Хабарнугъ, пок. 90.
Халыкъ-ханъ 99, 100.
Хальмакшкинъ 36, 43.
Хамниганъ, пок. 119.
Хангилъ, пок. 119.
Хангинъ, пок. 88, 113, 125.
Ханъ-Гаряде 150.
Ханъ-Хамакша-утодой 124.
Ханъ-Хурда 56.
Ханъянъ, пок. 125.
Хара-Гыргенъ 150.
Харадылъ, пок. 120.
Харажи-Мина 33.
Харажи-Муя 38, 59.
Хара-монголь, пок. 88.
Харанугъ, пок. 118, 119.
Хара-тайши, пок. 120.
Харитай 146, 149.
Хармяганъ, пок. 88.
Хартагай-ханъ 53, 52, 53.
Хартаганъ-ханъ 58—60.
Хартулъ, пок. 88.
Хасама, пок. 119.
Хасаръ 137.
Хатагинъ, пок. 118, 120.
Хакта, пок. 89.
Хаченугъ, пок. 118, 119, 120.
Хиритъ, пок. 150.
Хи-хусэхъ-хэиръ, лош. 126.
Хоба 106.
Хобоня-хатунъ 115, 116, 148.
Хого 107.
Хогой, пок. 89, 119.
Хоётъ 107.
Хойго, пок. 119.
Хой-хусэхъ-хуза, лош. 126.
Хэмбр-ола 134.
Хонгодоръ, Хонходоръ, пок. 89, 106, 107, 119, 125.
Хонъ-Тайжи 44—46.
Хорамчей, пок. 119.
Хордугъ, пок. 88.
Хоредой, Хоридой, Хорядай 88, 93, 112—116, 119, 120, 125, 147, 148.
Хорилартай 149.
Хориларъ, пок. 149.
Хоритъ 146.
- Хорлатъ, пок. 118, 120.
Хормосъ, пок. 120.
Хорсъ 139.
Хортонъ 125.
Хорчинъ, пок. 118, 120.
Хотогой, пок. 89.
Хотоголъ, Хотогугъ, пок. 95, 107.
Хотокту, пок. 118, 120.
Хото-уруръ, мѣстн. 113.
Хох-болдокъ, мѣстн. 113.
Хоюхыръ 18.
Хрить, пок. 150.
Хубай-хатунъ 148.
Худдаъ, пок. 88.
Хундангина 135.
Ху-нуръ, ов. 113.
Хунъ-Тайжи 36—39, 100, 105, 106, 135, 146.
Хурамша 98.
Хурмуста 97, 125, 144.
Хурхутъ пок. 89, 100, 106, 107.
Хуряганъ-шаргай, лош. 126.
Хусамакъ, пок. 88.
Хусыханъ 95, 96, 98, 99.
Хухте 89, 90.
Хуху-брха 145.
Хербитъ, пок. 88.
Хэрмшинъ, пок. 88.
Хэшегтэ 103.
- Цаганъ-тайши, пок. 120.
Цахаръ, пок. 120.
Цаалатай, пок. 119.
Цзэгэрдэ-адзарга, пок. 120.
Цоктай-ханъ 134.
Цонголь, пок. 118, 119, 120.
Цоргилъ, пок. 119.
Цоросъ 146.
- Ченорутскій родъ 120.
Чингисъ-ханъ 130—132, 133, 137, 148, 152, 153.
Чжарай, пок. 118.
Чжилакъ-карагай 141.
Чжунчжэнь, пок. 118.
Чрсти-хохъ, гора 139.
- Ша-ванъ, пок. 118.
Шазагай-помонъ 33, 36.
Шара-адзарга, пок. 120.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Ангата, утка 66.
 Ангирь, утка 66, 67, 139.
 Аргалань-зонь (мамонтъ) 72.
 Арво-харзо 4.
 Барсъ 61.
 Большой палецъ 20, 25, 150.
 Бурундукъ 70.
 Бурханъ 24, 63, 69—72.
 Выкъ 137, 138, 145—147.
 Верблюдь 73, 77.
 Верескъ 97.
 Вода живая 143.
 Волкъ 62, 63.
 Гойбанга, пл. 74, 75.
 Голова 28, 125, 150.
 Громъ и молнія 22.
 Гусли 140.
 Двѣнадцать 30, 140.
 Девять 100, 139; мангысхаевъ 5, 17—19.
 Долгоногъ ханцирь, пл. 74.
 Дятель 17, 80.
 Ежъ 151.
 Ельникъ 100.
 Желѣзный амбаръ 25, 27; дворецъ 26.
 Жертвоприношеніе 23, 96, 98.
 Журавль 74.
 Заяць 78.
 Змѣя 29, 30.
 Золото 144.
 Загѣт-аба (облава) 37, 93, 99.
 Изюбрь 75, 151.
 Колѣни 49.
 Комусъ (муз. INSTR.) 139.
 Корова 145.
 Коршунъ 81, 123.
 Ласточка 79.
 Лебедь 81, 114, 115, 125, 148.
 Летяга 76.
 Лисица 138, 139.
 Лопатки 38, 68, 87.
 Лукъ 38, 45, 53.
 Лягушка 140.
 Мамонтъ 72, 79, 142.
 Мангыскай 5.
 Медвѣдь 54.
 Молотъ 21.
 Море молочное 98, 102; желтое 103.
 Мылхэй, черепаха 72.
 Мышь 77.
 Мѣсяца сынъ 21.
 Налимъ 73, 82.
 Огонь 93, 101, 105.
 Окаменѣніе 49.
 Орель 80, 138.
 Осель 21.
 Палецъ большой 20, 25, 151.
 Пастухъ 122.
 Перстень 30—36.
 Пихта 97.
 Поровъ 94, 95, 100, 102, 105, 146.
 Рябчикъ 76.
 Семь 137, 139.
 Семьдесятъ 23, 31, 44, 46.
 Собака 68, 84, 99, 103, 122, 140.
 Соболь 124.
 Солнечный царь 131, 132.
 Солнце 151; солнца мать 55; солнца сынъ 21.
 Сохатый 73.
 Стрѣла 4, 10.
 Сурокъ 79.
 Табакъ 83.
 Тарасунъ (молочное вино) 4, 6.
 Три 8, 12, 13, 28, 38, 44, 101; бур-хана 67; изюбря 151; лебеда 15, 115, 125; лука 38; овера 54; солнца 151.
 Триста 36.
 Тутъ, пл. 80.
 Убунзонъ, лошадь 127.
 Хорзо-харза 4.
 Хунъ-хорзонъ, раст. 82.
 Хуръ, муз. INSTR. 85.
 Черепъ 56.
 Чогуръ (муз. INSTR.) 139.
 Шата сомогонъ, кость 97.
 Шестъ 114.
 Шитхаръ 68, 69, 70.
 Шолмо 69, 70.
 Щука 82.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	18	стр.	8	снизу	Напечатано	Следует читать
					магнита	маятника
<	43	<	4	сверху	Хальмошкина	Хальмашкина
<	95	<	8	снизу	Бугагата	Бугагата
<	101	<	16	"	быта	была
<	146	<	17	сверху	ot golden sand	of golden sand

014 p.